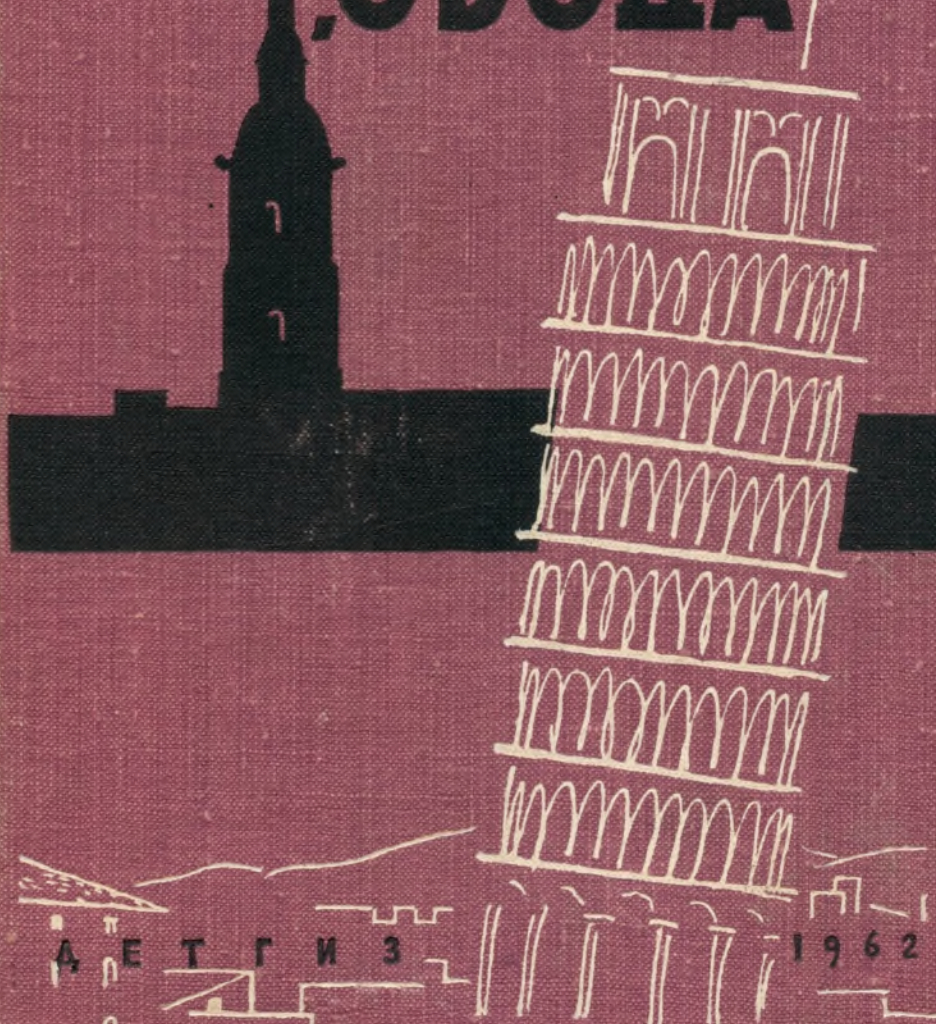

ЕВГЕНИЯ ТАРАТУТА

По
СЛЕДАМ
ОВОДА

По следам Овода

ЕВГЕНИЯ
ТАРАТУТА

ДЕТГИЗ

1962

Анна Бонина.

ЕВГЕНИЯ
ТАРАТУТА

По следам
'ОВОДА'

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1962

Эта книга посвящается всем тем, кто любит роман «Овод», любит его героя и сам стремится стать борцом за счастье всего человечества.

В этой книге рассказывается о судьбе писателя и судьбе его романа, о том, как мы нашли автора «Овода» — Этель Лилиан Войнич, о том, почему она была забыта у себя на родине и как случилось, что только на закате дней она узнала о своей мировой славе, неведомой ей до тех пор.

В этой книге рассказывается о замечательной жизни Э.-Л. Войнич, о ее друзьях — русских и польских революционерах. О том, как был создан роман «Овод» и почему это произведение английской писательницы об и т а л ь я н с к о м революционере нашло свою родину в Р о с с и и.

В этой книге читатель найдет много портретов Э.-Л. Войнич, ее родных и друзей, увидит первую страницу рукописи «Овода» и обращение к советской молодежи, написанное рукой его автора.

Автор этой книги — Евгения Таратута — продолжает изучать жизнь и творчество Э.-Л. Войнич и будет благодарна всем читателям, которые сообщат ей новые сведения о романе «Овод» и об его авторе и напишут, понравилась ли им книга «По следам «Овода».

Писать можно по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

КАК МЫ ЕЕ НАШЛИ

Глава I

ЛЮБИМАЯ КНИГА

Однажды в детской библиотеке имени Усиевича, в которой я брала книги, объявили конкурс на лучшие ответы об устройстве солнечной системы. Меня очень интересовали Солнце и звезды, я читала много книг по астрономии и получила на этом конкурсе первую премию.

— Какую книгу ты хочешь? — спросила меня заведующая библиотекой Лидия Аполлоновна Кроткова.

— «Овод».

— Жаль, у нас нет хорошего издания «Овода». Может быть, хочешь книгу «Спартак»? — предложила Лидия Аполлоновна.

Книга «Спартак» была нарядная — в переплете, тисненном золотыми буквами, с картинками, на плотной бу-

маге, и я тоже любила эту книгу, но мечтала я только об «Оводе»...

Книжечка «Овод» была маленькая — торжественная надпись, сделанная Лидией Аполлоновной, подписи членов библиотечного совета и круглая печать библиотеки еле уместились на ее страничке. У книжечки, напечатанной на серой газетной бумаге, вместо переплета была желтая бумажная обложка. Но я была счастлива: теперь у меня есть свой «Овод»!

Я сама переплела эту книжечку. Сделала красный коленкорový корешок, красные сатиновые уголки. В течение моей жизни у меня несколько раз пропадали все книги, но маленькая книжечка с красным корешком сохранилась до сих пор: Теперь у меня девяносто восемь экземпляров разных изданий «Овода». Есть нарядные книги с иллюстрациями, в красивых переплетах, есть одно из первых изданий, напечатанное в Лондоне.

Есть издания на польском, на венгерском, на болгарском, на китайском языках, есть издания на языках народов СССР — на украинском, грузинском, якутском, татарском, узбекском и на многих других.

Есть две особенно дорогие книги — подаренные мне самим автором «Овода»: одна — на английском языке, вышедшая в Нью-Йорке в 1956 году, другая — на русском, изданная Детгизом в Москве тоже в 1956 году.

Но все-таки самая дорогая из всех — это книжечка с красным корешком, подаренная мне детской библиотекой имени Усиевича; именно эту книжку я читала и перечитывала, страницы именно этой книжки я запомнила наизусть на всю жизнь.

Роман «Овод» все любили в нашей семье. Отец мне рассказывал не раз, что, когда он вел революционную пропаганду среди рабочих Брянского завода и паровозных мастерских в Екатеринославе в 1901—1902 годах и руководил там подпольными социал-демократическими кружками, он нередко давал рабочим читать роман «Овод».

А мама говорила, что роман «Овод» значительно повлиял на ее жизнь. Еще девочкой она осталась круглой сиротой, воспитывалась то у родных, то у знакомых. Жить было тяжело. Угнетала ее несправедливость, которую она видела кругом, и, окончив гимназию, она реши-

ла идти в монастырь. Но в это время она прочитала роман «Овод» и изменила свое решение: стала учительницей и пошла в революцию.

Я очень радовалась, когда встречала людей, которые любили «Овода», — они сразу становились мне близкими.

Радовалась, когда встречала упоминания об «Оводе» в книгах. Вот, например, в первые годы после революции появилась повесть «Красные дьяволята» П. Бляхина. Ребята зачитывали ее до дыр. (Эта книга давно не переиздавалась и только в 1960 году выпущена вновь.) Там описываются невероятные приключения во время гражданской войны на Украине. Героиня повести Дуняша переделалась мальчишкой и вместе с братом сражается за советскую власть. В честь любимого героя она взяла себе прозвище «Овод»!

В книжке можно было прочитать:

«А мы награды не требуем, — ответил за всех Овод, вытянув руки по швам, — мы за советскую власть стараемся, товарищ командующий».

Или:

«Махно узнал... Овода, недавно повешенного им в Черной балке...

— Что за наваждение такое? — прохрипел он, пятясь назад. — Опять эта проклятая девчонка!

— Да, да! Это я! — ответил Овод, подходя ближе. — Иногда и мертвые воскресают, чтобы отомстить живым...»

А какие замечательные строки посвятил «Оводу» Николай Островский в своем романе «Как закалялась сталь»! Ведь Павка Корчагин старался даже жить по «Оводу». Друзья называли его «товарищ Овод».

Сильное впечатление произвела на меня речь Емельяна Ярославского, которого я слышала на Первом съезде советских писателей в 1934 году в Колонном зале. Он приветствовал съезд от имени старых большевиков. Он говорил:

«Когда мы, молодые марксисты, занимались пропагандой, мы использовали нередко и такие произведения художественной литературы, как, скажем, «Спартак», «На рассвете», «Овод» Войнича, Степняка-Кравчинского такие его вещи, как «Домик на Волге», «Андрей Кожухов», Чернышевского «Что делать?».

Книгой «Овод» Войнича зачитывалась рабочая и уча-

щаяся молодежь. Подражали герою этой книги — Риваресу».

В воспоминаниях старых большевиков, в их биографиях нередко встречаются упоминания об «Оводе».

В биографии ученика Н. К. Крупской и В. И. Ленина, рабочего Ивана Бабушкина, сообщается, что он давал читать роман «Овод» рабочим в подпольных кружках Екатеринослава.

Жена замечательного революционера Якова Свердлова пишет в своих воспоминаниях: «Читать Яков научился сам, без посторонней помощи, и вскоре любимыми его авторами стали такие писатели, как Степняк-Кравчинский, Джованьоли, Войнич. Яков увлекался подвигами Спартака, борьбой Андрея Кожухова и Овода, мужеством и беззаветной храбростью Гарибальди».

Вскоре Яков Свердлов сам стал страстным пропагандистом революционной литературы. Один из его соратников вспоминает, как М. Горький помогал Свердлову и его товарищам доставать разные революционные книги и, конечно, роман «Овод» в том числе.

Но я не ограничивалась сведениями, опубликованными в книгах, и обращалась с расспросами к живым участникам борьбы с самодержавием.

Жена М. Горького, Екатерина Павловна Пешкова, рассказала мне, что Горький очень любил «Овода». Она сама получила эту книгу из его рук. Покупал Горький эту книгу и для своего сына.

А жена П. А. Заломова, который послужил Горькому прототипом главного героя для его романа «Мать», рассказала мне, что и П. А. Заломов очень любил книгу об Оводе.

Друг В. И. Ленина, академик Г. М. Кржижановский, написал мне, что он и его товарищи использовали роман «Овод» для революционной пропаганды в подпольных рабочих кружках Петербурга еще в конце прошлого века.

А старый большевик Н. Н. Накоряксов, который в юности учился в Тобольской духовной семинарии, так пишет в ответ на просьбу рассказать об «Оводе»:

«Вспоминаю, в 1898 году, семнадцатилетним мальчиком, я прочитал его в журнале «Мир божий» и так был поражен и восхищен, что вырезал из двух или трех номеров издания, сшил и даже облек переплетом, пустив в

обращение среди учеников Тобольской духовной семинарии. Для маскировки на переплете было оттиснуто: «Овод, занимательная история происхождения его, составленная по последним научным данным, издание православного журнала «Мир божий».

Екатерина Ивановна, жена Калинина, рассказала мне, что Михаил Иванович очень любил роман «Овод».

В своей автобиографической повести «На рассвете» старый большевик П. А. Бляхин, который написал «Красных дьяволят», подробно рассказывает о силе воздействия романа «Овод». Его собственная судьба, его путь в революцию похожи на тысячи таких же путей...

Бедный мальчик, живя у дальних родственников, единственную отраду находил в религии да в чтении книг, из которых больше всего ему нравились жития святых да про богатырей и про индейцев. Но вот приехавшая в село новая учительница дала ему книгу, про которую он раньше никогда не слышал, — роман «Овод».

«Книга «Овод» открыла новую страницу моей жизни, — пишет П. А. Бляхин. — Прячась от дядиных глаз на сеновале, я читал ее украдкой, читал жадно, торопливо, как голодный глотает хлеб.

Героическая борьба за освобождение и независимость угнетенного народа, необыкновенные подвиги и страдания Овода нашли в моем сердце горячий отклик.

Особенно поразила меня казнь Овода во дворе тюрьмы. Порой мне казалось, что это не Овод, а я сам стою под дулами ружей...

Железная стойкость и самоотверженность героя внушали мысль, что цели, за которые он боролся, прекрасны и благородны. Правда, что такое «свобода и независимость» и чего именно добивалась «Молодая Италия», я представлял себе довольно смутно, но все же понимал, что речь идет о благе народа, о борьбе за какую-то лучшую, светлую жизнь.

С тех пор Овод стал моим любимым героем, живым примером самоотверженности, отваги и мужества.

После «Овода» учительница дала мальчику и другие книги. «Такие чудесные книги, как «Спартак» Джованьоли, «Марсельцы» Феликса Гра или «На рассвете» Ежа, казались мне не только интересными, но и полными глубокого смысла.

И вот мир предстал передо мной таким, каким он был в действительности, с его жестокой борьбой между богатыми и бедными, сильными и слабыми, угнетателями и угнетенными».

Но самой любимой книгой для него оставался «Овод». Учительница подарила ему эту книгу. Учительница же и помогла ему разобраться в лживости религии. Мучительно проходило отрезвление, не сразу понял мальчик, где правда. «Боги и черти перестали пугать мое воображение, а вместо «святых мучеников и постников» моим любимым героем и недосыгаемым образцом для подражания окончательно утвердился Овод. Книгу о нем Бляхин «хранил как зеницу ока, читал и перечитывал, борясь и страдая вместе с героем».

И, когда учительница, оказавшаяся большевичкой, позвала юношу принять участие в борьбе за освобождение народа, не колеблясь пошел он за ней, не расставаясь с образом любимого героя.

Знаменательно, что и книгу свою П. А. Бляхин начинает с описания пути юноши из деревни в Астрахань, с описания поездки его на пароходе, когда ночью — уже в который раз! — он снова перечитывает «Овода»!

И дальше юноша не расстается с Оводом. Когда, спасаясь от полиции, он прыгает с чердака, где набирал и печатал большевистские прокламации, и сильная боль от ушиба не дает ему возможности двигаться, образ Овода придает ему сил.

«А помнишь Овода?—подумалось мне. — Разве такие муки он переносил?..»

Образ любимого героя встал передо мной как живой, во всем своем величии. И стоило только на мгновение поставить себя рядом с ним, как все мои злоключения показались такими ничтожными, что мне стало стыдно».

«И долгие еще годы Овод Войнич стоял передо мной, как образец для подражания, как пример мужества и самоотверженности революционера. И не только для меня... — написал П. А. Бляхин в письме ко мне. — Роман «Овод» хорошо был знаком и любим бакинской большевистской молодежью того времени. Я помню, например, нашу беседу об «Оводе» с молодым большевиком Ваничкой Фиолетовым (один из 26 бакинских комиссаров, расстрелянных английскими наймитами в 1918 году). Так

АРТ. ФЕЛИЧЕ

ПОД
ЗНАМЕНОМ
ГАРИБАЛЬДИ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

1930

Русская писательница Л. А. Ямщикова-Дмитриева взяла себе псевдоним в честь любимого героя и составила его из двух имен Овода: Артур и Феличе.

же как и для меня, «Овод» и для Фиолетова служил образцом несгибаемого революционера. Он говорил о нем с восторгом...

Наряду с «Андреем Кожуховым», а позднее и «Матерью» Горького роман «Овод» сыграл огромную роль в формировании революционного сознания передовых рабочих России и широко использовался большевистским подпольем в целях агитации и пропаганды.

Овод оказался героем своего времени в России. Он появился у нас как раз в эпоху нового подъема революционного движения: в журнале роман был напечатан в 1898 году, а отдельной книгой вышел в 1900 году.

Ведь это было время, когда русский рабочий класс вышел на арену истории и, осознав себя единственным хозяином своей судьбы, готовился к решительному бою с самодержавием. Это было время возникновения Российской социал-демократической рабочей партии. Это было время, когда в первом номере пролетарской газеты «Искра» (вышедшем в 1900 году) В. И. Ленин провозгласил как одну из самых насущных задач: «Надо готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь...»

И роман «Овод» помогал осуществлять эту задачу.

Образ Овода был примером героя-революционера, отдающего революции всю свою жизнь, и книга о нем стала одной из любимейших в подпольных кружках, среди передовой молодежи всей России.

Книга английской писательницы жила в России удивительной, бурной и таинственной жизнью. Роман «Овод» читали и перечитывали, над ним рыдали ночами, сжав кулаки, а утром выходили в жизнь с сухими глазами и горячим сердцем, готовые к бою и к смерти за счастье и свободу народа. Узникам он придавал мужество, слабых он делал сильными, сильных превращал в богатырей.

Юноши и девушки, рабочие и студенты в Петербурге и Уфе, в Москве и Нижнем Новгороде, в городах и деревнях читали «Овода». Они следовали примеру грозного и прекрасного героя. Эта книга оформляла их неясные еще и смутные стремления — ринуться в борьбу, отдать революции свою жизнь; а когда они становились борцами, — как полководец вела их в бой.

Роман «Овод» был эпохой в жизни каждого, кто про-

читал его. Мужественный Овод становился другом и товарищем, с которого брали пример. Овод, верный до конца своим благородным убеждениям, Овод, для которого идеи были дороже жизни, был образцом и эталоном.

Но и после революции «Овод» тоже участвовал в битвах за новую жизнь.

Как-то раз один знакомый сказал мне:

— А знаете ли вы, что Котовский очень любил роман «Овод»? Наверное, где-либо в воспоминаниях о Котовском вы найдете про это.

Однако я тщетно пересмотрела несколько книг о Котовском.

Тогда я решила спросить писателя А. Н. Гарри, который когда-то был адъютантом Г. И. Котовского.

— Да, это верно, — сказал А. Н. Гарри. — Котовский очень любил роман «Овод» и всегда носил его с собою в карманах галифе и часто в свободную минуту перечитывал. Однажды во время боев остановились мы в одной деревне. Котовский увидел у местного попа книгу «Овод» и стал просить, чтобы тот отдал ему эту книгу. Поп долго отказывался, наконец согласился обменять «Овода» на две пачки махорки... Теперь у Котовского было два экземпляра «Овода». С одним он по-прежнему не расставался, а другой давал читать своим товарищам. Так мы все в то время прочитали «Овода».

А совсем недавно в повести «Мальчик с Голубиной улицы» Б. Ямпольский рассказал о том, как через их маленький город шли части Красной Армии.

«У кузницы остановился всадник на белом коне, великан в малиновых галифе и алой фуражке.

Мальчики смотрели на ремни, на блестящую медную рукоять сабли, на часы с таким количеством стрелок, словно всаднику нужно было для мировой революции знать время на всем свете.

Он порылся в карманах, и я думал, он даст нам патронные гильзы, но он вынул из глубокого кармана своих малиновых галифе потрепанную книжицу.

— Читать умеешь? — спросил он Микитку.

— Разбираюсь, — сдержанно ответил тот.

— На́, почитай.

Микитка перелистал книжку и дал ее мне.

— Тебе способней, — кратко сказал он.

Это был «Овод».

Время исчезло. Зашло солнце, стемнело, зажглись в небе звезды. Не помню, как мы очутились у освещенного окошка, в дрожащем отраженном свете которого я читал и читал, захлебываясь, горячась и фантазируя.

В книжке не хватало страниц, но никто этого не замечал...

В ту ночь я спал тревожно. Овод в малиновых галифе, с пулеметными лентами на груди и маузером скакал на белом коне и кричал: «Даешь Варшаву! Берешь Берлин!»

Этот всадник в малиновых галифе был Котовский. Так его любовь к «Оводу» отразилась в литературе.

А ведь такое же стремление поделиться своим сокровищем, приобщить других к чувствам, которые вызывает «Овод», характерно было и для другого участника гражданской войны — Николая Островского. Помните, как Павка Корчагин читает вслух заслушавшимся бойцам книгу об Оводе?

Рассказывал как-то мне о своей любви к «Оводу» и Александр Александрович Фадеев. Еще мальчиком он с восторгом читал эту книгу, целые страницы ее знал наизусть, часто перечитывал.

Владимир Маяковский тоже очень любил роман «Овод». Рассказала об этом его сестра, Людмила Владимировна.

Любовь к «Оводу» переходила из поколения в поколение.

С удивлением увидела однажды девочка Зоя, как ее мать, взрослая женщина, учительница, плакала над книгой.

«— Большая, а плачешь... — задумчиво и удивленно сказала девочка.

— Посмотрю я, как ты будешь читать эту книжку, — ответила мать.

— А когда я ее прочту?

— Когда тебе будет лет четырнадцать.

— У-у, это еще не скоро, — протянула Зоя».

Но вот наступило это время, и мать принесла Зое из библиотеки «Овода».

«...Ночью я просыпаюсь со смутным ощущением: в комнате что-то не так, как всегда, — рассказывает мать

Зои Космодемьянской. — Так и есть: зажжена и прикрыта газетой настольная лампа; Зоя, подперев кулаками щеки, склонилась над «Оводом». И щеки, и руки, и, кажется, страницы мокры от слез.

Почувствовав мой взгляд, она поднимает глаза и молча улыбается сквозь слезы. Мы ничего не говорим друг другу, но обе вспоминаем тот день, когда Зоя с укором сказала мне: «Большая, а плачешь...»

Латышские партизаны-молодогвардейцы бережно хранили экземпляр «Овода». В самых тяжелых условиях не расставались они с этой книгой. «Овод» придавал им мужество.

Руководитель коммунистического подполья в Риге, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, Имант Судмалис, приговоренный немецкими захватчиками к смерти, писал накануне казни жене: «Я не жалею о пройденном пути... Умирать еще не хочется, но верь — я сумею умереть как следует. И Овода расстреляли весной, когда пробивалась молодая травка...»

Книга «Овод» на латышском языке, принадлежавшая латышским комсомольцам, выставлена в Рижском Музее Революции. Она лежит рядом с огарком свечи, в котором партизаны прятали взрыватель от мины...

В статьях, очерках, воспоминаниях часто встречаются упоминания об «Оводе», и всюду одни и те же слова: «сильное впечатление».

Не об одном себе говорил Николай Островский, вкладывая в уста Павла Корчагина такие слова об «Оводе»: «Книги, в которых были ярко описаны мужественные, сильные духом и волей революционеры, бесстрашные, беззаветно преданные нашему делу, оставляли во мне неизгладимое впечатление и желание быть таким, как они».

Глава II ЗАГАДКИ

Что же это за книга — роман «Овод»? Как она была создана? В чем секрет ее удивительной силы?

Почему она так глубоко отпечатывается на сердце? Почему она производит впечатление, не изгладимое ни годами, ни другими впечатлениями?

Человечество создало немало прекрасных книг, которые воодушевляют нас передовыми идеями, зовут на борьбу за свободу. Среди них есть несколько особенно вдохновенных книг. Они обладают огромной силой непосредственного воздействия. Они ведут в бой, они учат бороться, не щадя собственной жизни.

Это книги-бойцы, книги-полководцы.

Авторы этих книг сами были борцами. Всю свою жизнь, все стремления они посвятили борьбе за свободу. И самые книги их тоже становились оружием в битве.

Роман «Что делать?» написан великим русским революционером Н. Г. Чернышевским.

Роман «Спартак» написан итальянским революционером Рафаэлло Джованьоли, сражавшимся в войсках Гарибальди за освобождение Италии.

Роман «Андрей Кожухов» принадлежит перу русского революционера С. М. Степняка-Кравчинского.

Герой гражданской войны написал роман «Как закалялась сталь».

Судьба авторов этих книг нам известна. Они были замечательными художниками, но не только в этом их сила—мир знает немало художников большого мастерства. Именно то, что они были активными борцами, непосредственно участвовали в битвах за освобождение родины, то, что они вложили в свои книги великую страсть, пыл борьбы за свободу, и помогло им создать столь волнующие произведения.

Они действительно приравняли перо к штыку.

Роман «Овод» по праву занимает одно из первых мест среди этих книг-полководцев.

Кто же был автором «Овода»? Страсть какой борьбы вложила писательница в свой роман? Оружие для какой битвы ковала она своим произведением? Чьи подвиги она воспевала?

Как же была создана книга, пламень которой вот уже более полувека зажигает сердца и не гаснет? Как возник этот огонь?

Хотя я кончила литературный факультет Московского университета и слушала множество лекций о самых разных писателях, которых уже никто не читает, ни разу, ни от одного профессора я не слыхала никогда ничего об авторе «Овода».

...Однажды вечером я снова — наверно, уже сотый раз — перечитывала «Овода».

Эта книга имеет надо мной власть необъяснимую.

И в тот вечер я так же не могла от нее оторваться, как и в те далекие годы, когда была еще девочкой. Многие страницы я давно уже знала наизусть. Овод — отважный революционер — был спутником всей моей жизни и сколько раз в тяжелые дни был для меня опорой и поддержкой.

И все-таки каждый раз, когда я раскрываю эту книгу, я не могу оторваться от нее, пока не дочитаю до конца, до той самой последней страницы, где Джемма плачет над предсмертным письмом Овода, где Мартини пытается ее утешить и раскрывает ей свою любовь, которой она даже не заметила, где они оба узнают о смерти Монтанелли и где Мартини, овладев собой, произносит такую обыденную фразу:

«Что же вы думаете, Мадонна? Разрыв сердца такое же благовидное объяснение, как и всякое другое».

Как будто не когда-то, давно, сто лет назад, погиб герой, до последнего вздоха сохранивший верность своим убеждениям, а вот только что, на моих глазах.

Как будто и не в книге я про это читала, а сама видела, как расстреляли человека, улыбавшегося солнечным лучам, видела, как его отец отрекся от бога, как его любимая плакала над его письмом, как будто сама слышала, как Мартини произнес свою обыденную фразу...

А в этот вечер впечатление снова было столь сильным, что мне захотелось непременно разузнать все о романе «Овод» и его авторе.

Я отложила все дела и стала припоминать все, что мне было известно об этом.

Я знала, что автор «Овода» Этель Лилиан Войнич — английская писательница, что родилась она в 1864 году, а роман «Овод» — первое ее произведение — напечатан был в 1897 году.

Роман «Овод». Роман об итальянском революционере... Написанный английской писательницей... В конце XIX века...

Для того чтобы понять произведение, прежде всего надо попытаться установить, какую действительность отразил автор в этом произведении, какие идеи он в нем вы-

разил, чьи это идеи, кому автор сочувствует, кому он помогает.

Англия конца прошлого века. Рабочий класс борется за улучшение своего благосостояния. Иногда эта борьба принимает очень острые формы. На улицах Лондона проливается кровь рабочих, полных решимости отстаивать свои права. Но обычно все митинги проходят мирно, обычно все силы сосредоточены в профессиональных объединениях — тред-юнионах, все усилия направлены на экономическую борьбу. Не было в английских социалистах тогда этого великого накала страстей, сознания своей обреченности, стремления принести свою жизнь в жертву свободе, которые характеризуют героев романа «Овод».

Не было этого тогда и в Италии. После длительной героической борьбы итальянский народ добился освобождения из-под ига австрийцев и объединения всех маленьких итальянских государств — герцогств, княжеств и т. п. — в одно итальянское государство, и политическая борьба приобрела гораздо более мирный характер, чем в середине XIX века.

Однако невозможно себе представить, что только по книгам, по историческим документам писательница с такой силой воссоздала трагический колорит борьбы революционеров-одиночек, их героические характеры. Естественно предположить, что более близкие, более реальные впечатления отразились в ее романе. Но какие?..

А что, если подойти к решению загадки «Овода» с другой стороны.

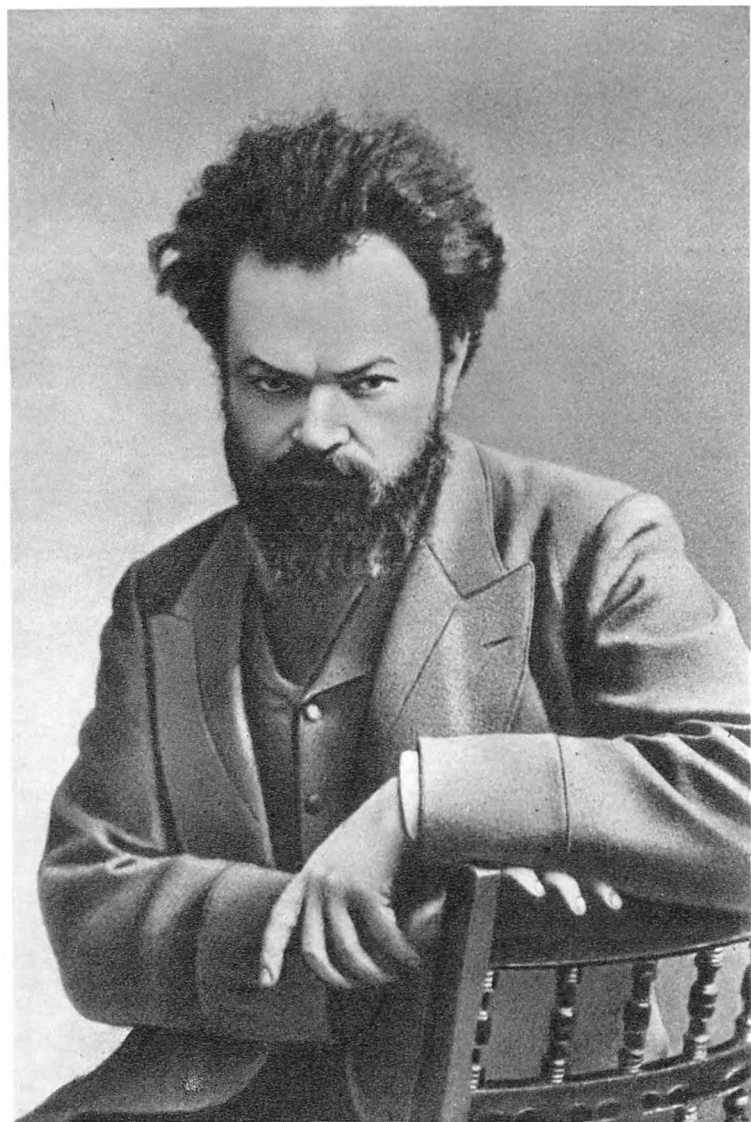
Известно ведь, что каждое литературное произведение, несмотря на все его своеобразие, имеет и своих предшественников и своих преемников, образует как бы звено в длинной цепи истории литературы.

И, если найти место данного произведения в этой цепи, тогда многое в нем, доселе непонятное, становится ясным.

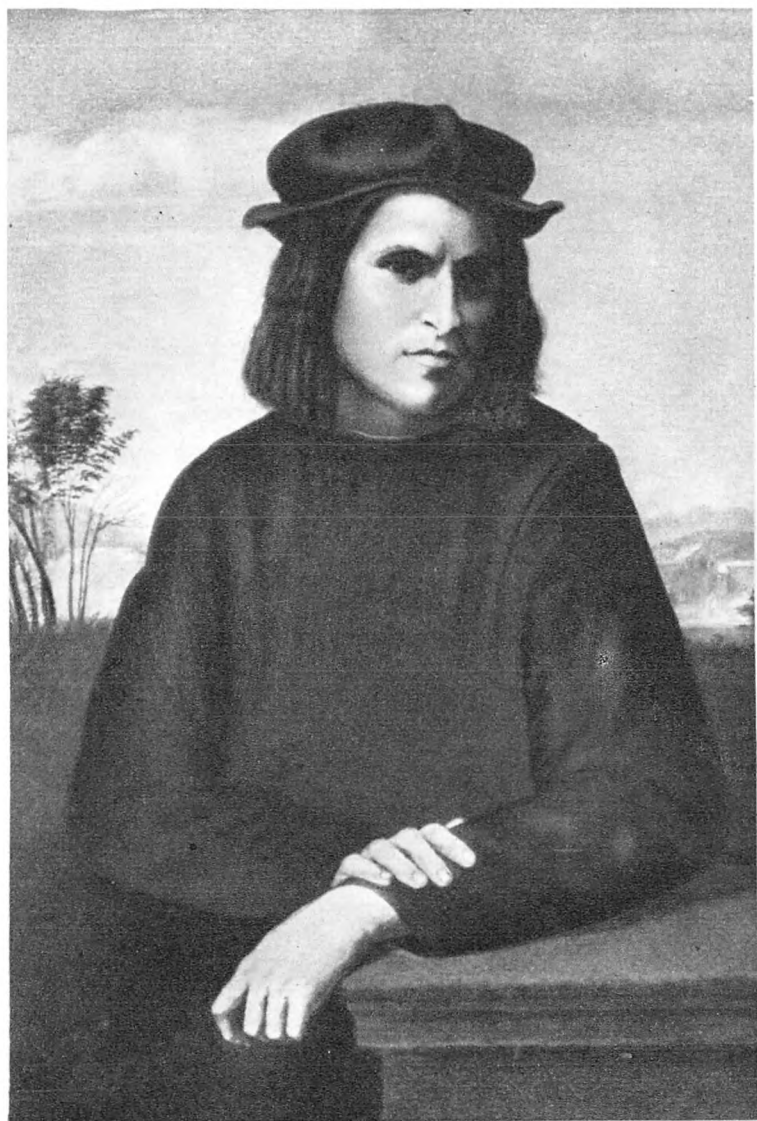
На что похож роман «Овод»?

Сколько я ни перебирала в памяти известные произведения английских писателей, творивших в конце XIX века, я ничего не могла найти подходящего.

Романы, повести, рассказы, пьесы Томаса Харди, Оскара Уайльда, Роберта Стивенсона, Редьярда Киплинга,

Русский писатель и революционер С. М. Степняк-Кравчинский. Друг Э.-Л. Войнич. Он подарил ей эту фотографию 19 декабря 1890 года.

Таким видела Э.-Л. Войнич своего Артура. «Портрет юноши в черном» — картина итальянского художника Франчабиджо.

Герберта Уэллса, Бернарда Шоу — это всё так далеко от «Овода»!

Вспоминала менее известных у нас английских писателей того времени — прозаиков, поэтов. Некоторые из них очень сочувственно отзывались о борьбе итальянского народа за свою свободу... Идеи борьбы за свободу Италии воодушевляли многих великих английских писателей более раннего времени — и Байрона, и Шелли, и других, — но как и это далеко от «Овода»...

А если поискать в литературе других народов?

Конечно, прежде всего вспомнился Виктор Гюго, его романы «93-й год» и «Отверженные». Но не то, не то...

И вдруг мелькнуло: а Степняк-Кравчинский? А его роман «Андрей Кожухов», а «Подпольная Россия»?!

И тут же сама себе возразила:

— Не может быть! Русский революционер, писатель-народник... Ну какая связь? Нет, невероятно.

А может быть, все-таки... Образ русского революционера Андрея Кожухова так похож на Овода, похожи на Овода и образы народовольцев из «Подпольной России», то есть, вернее, Овод похож на них...

А когда они были написаны? Вспоминаю! «Андрей Кожухов» появился в 1889 году на английском языке под названием «Карьера нигилиста», а «Подпольная Россия» была издана на итальянском языке еще в 1882 году, а в следующем году уже была переведена на многие европейские языки, в том числе и на английский. Значит, обе книги С. М. Кравчинского, известного под псевдонимом «Степняк», вышли намного раньше «Овода»!

Конечно, чтобы делать какие-то выводы, этих данных слишком мало.

Попробую перечитать роман «Андрей Кожухов». Может быть, я ошибаюсь, находя сходство между Оводом и Андреем Кожуховым?..

В этот же вечер я перечитала всего «Андрея Кожухова». Теперь я была совершенно уверена: между «Андреем Кожуховым» и «Оводом» существует глубокая внутренняя связь. И не в том дело, что совпадают отдельные эпизоды обоих романов, нет, — общим является самый дух; вся атмосфера; одинаково отношение авторов к своим героям — любовь и восхищение, которые передаются читателю; одинаково провозглашение авторами револю-

ционеров, борцов за свободу самыми прекрасными людьми; одинакова уверенность героев в торжестве своих идей при сознании неизбежности собственной гибели...

Недаром же и для Свердлова, Ярославского, Бляхина и многих других революционеров «Овод» всегда стоял рядом с произведениями С. М. Степняка-Кравчинского!

Но если понятно, что Степняк-Кравчинский, известный русский революционер, один из зачинателей «хождения в народ», страстный пропагандист идей социализма среди рабочих и крестьян, человек беспредельной отваги, создал замечательные образы русских революционеров, то совершенно непонятно, как и почему английская писательница создала такой замечательный образ итальянского революционера!

И почему эта книга производит такое сильное впечатление?

Теперь я уже не отступлю, пока не узнаю, как был создан роман «Овод», что за человек Этель Лилиан Войнич, чьи идеи выражала она в своей книге, почему роман английской писательницы похож на произведения русского революционера.

Я пойду по следам «Овода», пока не найду ответы на эти вопросы.

Глава III

ПО РАЗНЫМ ТРОПАМ

Прежде всего надо ознакомиться с биографией Э.-Л. Войнич, прочитать статьи о ее творчестве, перечитать заново другие ее произведения. Хорошо бы узнать, читала ли она Степняка-Кравчинского. А может быть, была с ним знакома? (Почему-то я уверена, что они были знакомы и даже дружили!) А где она сейчас? Если она жива, — ей должно быть уже девяносто лет...

Это первый путь.

Затем надо будет поподробнее узнать биографию Степняка-Кравчинского. Я вспоминаю, что последние годы своей жизни он провел в Лондоне, там и погиб под поездом, переходя линию железной дороги. Он родился в 1851 году, а погиб в 1895 году — значит, ему было всего сорок четыре года. Вряд ли он писал мемуары, но, может

быть, вел дневник? Может быть, сохранился его архив? Надо перечитать и другие его произведения, воспоминания его друзей.

Это еще один путь.

Прежде всего перечитаю статью о Войнич в Литературной энциклопедии. Второй том, где буква «В», вышел еще в 1929 году, но посмотрим, что там написано.

«ВОЙНИЧ Этель Лилиан (Ethel Lilian Voynich, 1864) — английская писательница, дочь видного английского ученого и профессора математики Джордж Буль. Выйдя замуж за В. М. Войнича, польского литератора, переселившегося в Англию, Войнич попала в среду радикально настроенной русской и польской эмиграции, где познакомилась с русским революционным движением 80-х годов. •

Войнич очень популярна в Англии, и особенно в России, как автор «Овода» (1897). Остальные романы Войнич: «Джек Реймонд» (1901), «Оливия Лэтам» (1904) и «Прерванная дружба» (1910) являются продолжением «Овода» и почти совсем не читаются ни в Англии, ни у нас, хотя и переведены на русский язык. Все четыре романа проникнуты протестом против рутины и традиций, но среди них только «Овод» выделяется революционным пафосом. Последнему роман и обязан своей популярностью в кругах нашей революционной молодежи... Сюжет его — борьба за независимость Италии против Австрии. Прообразом героя романа является Мадзини, основавший в 1831 тайное революционное общество «Молодая Италия». Революционная романтика делает роман захватывающе интересным, несмотря на его художественные недостатки.

Войнич, кроме того, принадлежат работы по славянскому фольклору, по музыке и ряд переводов с русского языка: сборник «Русский юмор» (1895), перевод рассказов Гаршина и стих. Шевченко (1911)».

Для нас очень важно, что она попала в среду русской и польской эмиграции и познакомилась с русским революционным движением 80-х годов. Только не совсем понятно слово «познакомилась»: по рассказам участников этого движения или по книгам? Но, во всяком случае, это подтверждает предположение о какой-то ее близости к русским революционерам.

Совсем странным кажется утверждение: «Остальные романы Войнич... являются продолжением «Овода». Я читала эти книги, и знаю, что это вовсе не так. «Джек Реймонд» — роман об английском мальчишке-сироте, ставшем детским врачом, и о его друзьях — вдове польского революционера и ее сыне. «Оливия Лэтам» — роман об английской девушке, полюбившей русского революционера. Обе эти книги никак с «Оводом» не связаны. А вот «Прерванная дружба» (у нас она выходила под названием «Овод в изгнании») действительно повествует о том, что произошло с Артуром за те тринадцать лет, которые отделяют первую часть «Овода» от второй, о его скитаниях в Южной Америке, о его дружбе с одной французской семьей, внезапно им разорванной в силу недопонимания. Но ведь нельзя сказать: «Остальные романы являются продолжением «Овода»...

Автор энциклопедии, конечно, прав, утверждая, что именно революционный пафос «Овода» создал ему популярность у нас, но это очень мало что объясняет.

В высшей степени важно утверждение, что Мадзини, человек действительно необыкновенный, является прообразом Овода.

Очень интересно, что Войнич переводила Гаршина и других русских писателей, а также Шевченко, — значит, хорошо знала русский и украинский языки.

Связь с русскими эмигрантами и знание русского языка — вот первая тоненькая ниточка, которая протянулась от Войнич к Степняку-Кравчинскому.

Теперь посмотрим биобиблиографический справочник «Современные иностранные писатели», изданный в 1930 году. На странице 33 напечатано:

«ВОЙНИЧ ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН. Буль. Род. в 1864 г. в России. Английская писательница. Эмигрировала в Англию, где теперь постоянно живет. Популярность у нас приобрела книгой «Овод». Другие ее произведения — средние романы, сентиментально окрашенные... представляют значительно меньший интерес».

Дальше идет список изданий ее произведений.

Ну, понятно: загадочно поставленное имя «Буль» — это ее девичья фамилия. Но — сообщение первостепенной важности! — оказывается, она родилась в России и потом эмигрировала в Англию!

Но ведь из Литературной энциклопедии мы знаем, что ее отец был «видный английский ученый и профессор математики». Так что ж, ее отец и мать переехали в Россию, жили у нас? Непонятно!

Есть у меня еще маленький справочник Я. Глана «Современные писатели Запада», вышедший в 1927 году. На страницах 18—19 читаю:

«Войнич, Этель Лириан (р. 1864) — английская писательница, автор пользующегося у нас огромной популярностью «Овода». У нас ее произведения встретили больше признания, чем на ее родине. Девичья фамилия ее Буль, псевдоним свой она взяла от названия маленького галицийского городка Войнич, откуда происходит ее муж — поляк. Войнич свободно владеет русским языком, и в 1911 году она опубликовала работу «Лирика Шевченко». Еще в 1897 году она перевела на английский язык рассказы Гаршина»... Дальше идет краткая характеристика ее романов.

Ну, теперь совсем непонятно. Все-таки здесь под ее родиной подразумевается Англия, а не Россия; кроме того, оказывается, «Войнич» — это не фамилия ее, а псевдоним?! Знание ею русского языка подтверждается, но, оказывается, «Лирика Шевченко» — это не переводы ее, а «работа», то есть исследование?!

Год рождения всюду совпадает — 1864, — но где же она родилась?

Теперь надо посмотреть Британскую энциклопедию, труды по истории английской литературы — там-то уж наверняка будут о ней достоверные сведения!

Глава IV

ДЕЯТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

На следующий день в библиотеке я прежде всего взялась за Британскую энциклопедию. Она издавна считается одной из самых основательных в мире по полноте сведений и обилию материалов.

Особенно подробно освещено в этой энциклопедии все, что касается Англии, — ее история, география, литература.

Ищу по корешкам, нахожу букву «V» в томе 23.

Ищу по страницам... но... имени «Voynich» в томе нет!

Проверяю: может быть, я ошибаюсь в написании ее фамилии? Все правильно: «Voynich», но это имя даже не упоминается в Британской энциклопедии!

Тщетно я искала с помощью самых опытных библиографов библиотеки имени Ленина, Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР, Все-союзной государственной библиотеки иностранной литературы во всевозможных многотомных историях английской литературы, изданных английскими университетами, — имя английской писательницы Э.-Л. Войнич в них также не упоминалось...

Это кажется невероятным, и я снова и снова перелистывала страницы толстенных томов, в которых сообщались самые подробные сведения о жизни и творчестве безвестных ныне английских писателей, но ни слова не было сказано об авторе «Овода»!

Итак, вместо ответа появилась только новая загадка: почему английская наука умалчивает об английской писательнице?

Но посмотрим теперь в Большой советской энциклопедии. Я не сомневаюсь, что в Советской энциклопедии есть статья об английской писательнице. И действительно, в коротенькой статье о Войнич в томе 8, на страницах 594—595, очень много интересного:

«ВОЙНИЧ, Этель Лилиан (р. 1864) — английская писательница. Была замужем за польским революционером, бежавшим из царской ссылки в Лондон. Восприняла прогрессивные демократические идеи русской литературы, произведения которой (В. Гаршина и др.) переводила на англ. язык. Была в Петербурге. Близость Войнич к кругам живших в Лондоне итальянских эмигрантов, участников национально-освободительного движения, помогла ей дать в ее главном произведении, романе «Овод» (1897, рус. пер. 1900), правдивую картину борьбы, развернувшейся в 30—40-е гг. 19 в. в Италии против австрийского гнета, за национальное воссоединение страны. Герои романа — члены тайного общества «Молодая Италия», основанного в 1831 Джузеппе Мадзини. В книге ярко показан героизм итальянских революционеров-патриотов; предательская роль католической церкви, ко-

торая в целях сохранения своей светской власти препятствовала воссоединению Италии. Английские буржуазные литературоведы замалчивают роман Войнич, однако за пределами Англии он завоевал популярность. В России революционная молодежь зачитывалась романом, несмотря на искажение его царской цензурой. Симпатии советских читателей вызывает образ героя романа — бесстрашного и мужественного революционера, преданного делу освобождения своей родины. Склонность писательницы к мелодраматическим эффектам, преувеличению трагического, наметившаяся уже в «Оводе», отличает позднейшие ее более слабые произведения: «Джек Реймонд» (1901, рус. пер. 1902), «Оливия Лэтам» (1904, рус. пер. 1926). Позднее Войнич вновь возвращается к герою «Овода» в романах «Прерванная дружба» (1910, рус. пер. 1926) и «Сними свои башмаки» (1945), повествующих о жизни предков Овода в 18 веке; однако по своему идейному и художественному значению эти книги не могут сравниться с «Оводом».

Оказывается, ее муж — польский революционер, бежавший из царской ссылки. Так вот что Литературная энциклопедия называла «переселился в Англию»!

Очень важное указание: «была в Петербурге». Но — родилась там или приезжала туда? И когда?

Важно указание на то, что она «восприняла демократические идеи русской литературы».

Очень важно утверждение, что именно близость писательницы к итальянским эмигрантам помогла ей дать в «Оводе» правдивую картину освободительного движения в Италии.

Здесь же мы находим и ответ на новую загадку: именно буржуазный, реакционный характер английского литературоведения объясняет замалчивание романа «Овод» и его автора в Англии! Буржуазные ученые не хотят изучать и популяризовать революционный роман.

Но вот в конце статьи опять непонятно: получается, что оба последних романа Войнич — и «Прерванная дружба» и «Сними свои башмаки» (кстати, что за странное название?) — повествуют о жизни предков Овода в XVIII веке! Но я читала «Прерванную дружбу» — и

там речь идет о самом Оводе, а вовсе не о его предках!

Итак, появились новые вопросы, но появились и новые ниточки для поисков. Если В.-М. Войнич — польский революционер, бежавший из царской ссылки, то, вероятно, более подробные сведения о нем находятся в биобиблиографическом словаре «Деятели революционного движения в России».

И действительно, в первом выпуске III тома этого словаря, вышедшем в 1933 году, на стр. 623—624 помещена большая статья о Михаиле Войнице и его фотография.

На плохоньком фото я увидела изможденное лицо молодого человека в очках, обросшего бородой, в арестантском халате и в меховой шапке. Подпись указывала: «1887 год. Из собрания музея «Каторга и ссылка».

Из статьи можно было узнать, что звали его Михаил-Вильфрид Леонардович, что он сын титулярного советника, родился 31 октября 1865 года около города Ковно (так тогда назывался Каунас), окончил шесть классов гимназии, а в 1885 году сдал экзамен при Московском университете и получил звание аптекарского помощника.

Арестован он был 10 октября 1885 года (значит, ему не исполнилось еще и 20 лет!) в Ковно и затем содержался в Десятом павильоне Александровской цитадели в Варшаве.

Михаил Войнич был членом польской социально-революционной партии «Пролетариат», занимался пропагандой, оборудовал подпольные типографии, доставал для партии документы, деньги. «По высочайшему повелению от 30 апреля 1887 года был выслан на жительство под гласный надзор полиции на 5 лет в Восточную Сибирь... Водворен в с. Тунка (Иркутской губернии), затем в Иркутск, откуда 22 июня 1890 года, согласно разрешению, выехал в Балаганск, но туда не прибыл и не был разыскан». После бегства, в конце 1890 года, прибыл в Лондон. Женился на Л. Войнич. Проживал под фамилией Кельчевского...»

И вот самое главное: «Вместе с С. Кравчинским... в июле 1891 года был основателем Фонда вольной русской прессы и членом его комитета».

Вместе с С. Кравчинским!

Значит, Михаил Войнич был близко знаком со Степняком-Кравчинским, был его соратником. Значит, несомненно и его жена была знакома с русским писателем-революционером!

Я нашла то, что искала! Но это еще ничего не объясняет.

В конце статьи о М. Войниче помещен список литературы о нем: полицейские издания, революционные журналы, воспоминания... Надо будет это все посмотреть.

Но сейчас гораздо важнее то, что здесь, в этом же словаре, на следующей странице помещена статья о самой Этель Лилиан Войнич!

Значит, составители словаря считали ее также деятелем революционного движения в России!

Читаю: «...родилась в 1864 году в Лондоне. Училась музыке в Берлинской консерватории; слушала лекции по славяноведению в Берлинском университете. В 1882 году приехала в Петербург, была дружна с П. В. Карауловой. Около 1882 года посещала собрания народовольцев в квартире В. А. Караулова, где бывали П. Якубович, С. Усова, И. Попов. Была близка к центральному народовольческому кружку. Оказывала народовольцам различные услуги. В конце 1880-х годов уехала в Англию, где вышла замуж в начале 1890-х годов за бежавшего из административной ссылки польского литератора В. Л. Войнича. Вращалась в Лондоне в кругах польской и русской эмиграции. В настоящее время живет в Англии».

Вот, наверно, точные сведения о месте ее рождения — Лондон! О времени ее пребывания в Петербурге: с 1882 года до конца 80-х годов! Интересно знать, зачем восемнадцатилетняя англичанка поехала в Россию? Как она попала в среду революционеров? Что за люди были рядом с нею? П. Ф. Якубович — известный народоволец, поэт, автор книги о каторге «В мире отверженных». А кто эти Карауловы, другие?

В конце статьи указаны источники, на основании которых она составлена: Сообщение И. И. Попова. — Новый энциклопедический словарь. — Словарь Граната, 7-е издание, том 40 (автобиография И. И. Попова). — МСЭ, ЛЭ, БСЭ. — И. И. Попов «Минувшее и пережитое», части 1 и 2, Л. 1924. Итак, кроме разных энциклопедий, основ-

ным источником являются сведения И. И. Попова. Надо будет все посмотреть и узнать, что это был за человек — И. И. Попов. Вероятно, он лично знал Э.-Л. Войнич?

Глава V

«КТО ЕСТЬ КТО?»

Конечно, статья о Э.-Л. Войнич в словаре «Деятели революционного движения в России» дает очень ценные сведения, но должны же быть хоть какие-нибудь английские материалы о ней!

В Государственной библиотеке иностранной литературы мне посоветовали посмотреть в английском справочнике «Who's Who?» — «Кто есть кто?». Этот справочник выпускается ежегодно и содержит краткие сведения о выдающихся людях всего мира, но, конечно, главным образом об англичанах.

Достаю последний из вышедших — на 1954 год. Перелистываю... И вот они, вот они, драгоценные строчки!

«Войнич (Этель Лилиан), 1864 — писатель и композитор; дочь Джорджа Буля; замужем за Вильфридом М. Войничем (умер в 1930). Окончила Высшую музыкальную школу в Берлине в 1885 году. Труды: Русский юмор, Рассказы Гаршина; Овод, 1897 (...далее, после перечисления романов), очень много песен. Адрес: 450 Вест, 24-я улица, Нью-Йорк».

Самое главное — она жива! Ведь в этом справочнике помещаются сведения только о живых. Она жива и живет в Нью-Йорке!

Оказывается, она не только писатель, но и композитор, сочинивший «очень много песен»!

Оказывается, она окончила консерваторию в Берлине в 1885 году.

Но если верить сведениям И. И. Попова в словаре «Деятели...», то ведь она в 1882 году приехала в Петербург и уехала из России только в конце 80-х годов. Как же она могла окончить консерваторию в Берлине в 1885 году, где должна же была проучиться несколько лет?

Итак, она теперь живет в Нью-Йорке. Интересно, ко-

гда и почему она переехала из Англии в Америку? Как она теперь живет? Что делает?

Но если она теперь живет в Америке, то, может быть, более подробные данные о ней будут в Американской энциклопедии?

Действительно, в томе 28 Американской энциклопедии есть статья об Э.-Л. Войнич, но новых сведений для нас в ней нет.

Теперь надо посмотреть всю литературу, указанную в словаре «Деятели революционного движения в России». Но надо поискать также биографию Джорджа Буля, — может быть, там что-нибудь будет сказано о его семье? И бывал ли он в России?

Прежде всего выписываю воспоминания И. И. Попова. Бывший народоволец Иван Иванович Попов рассказывает о разгроме партии «Народная воля» после убийства Александра II, о новых арестах в начале 1882 года, об уцелевших товарищах, которые не падали духом.

«Довольно часто, — вспоминает И. И. Попов, — мы собирались у В. А. Караулова на Песках, против Таврического сада. За чаем за большим столом усаживались: брат Василия Андреевича — Николай Андреевич, жена Прасковья Васильевна, урожденная Личкус, сестра жены С. М. Кравчинского, тогда еще медичка, П. Ф. Якубович, я и иногда англичанка Е. В. (Лиля) Буль, будущий автор «Овода».

Когда шутя говорили, что люди устали, надо, мол, отдохнуть, «вот и поедem в Италию», — приглашала англичанка, хорошо говорившая по-русски. «Кто знает, может быть, придется и в Италию, а то и далее», — загадочно произносил Якубович.

Но такое настроение продолжалось недолго; все мы старались встряхнуться и заглушить «червя сомнения». Якубович начинал читать свои или из Бодлера стихи... Прасковья Васильевна и англичанка садились за рояль, а Николай Андреевич иногда подпевал.

Оказывается, Прасковья Караулова — сестра жены Степняка-Кравчинского, Фанни Марковны! Так с кем же познакомилась Э.-Л. Войнич раньше — с самим Степняком в Лондоне или с семьей Карауловых в Петербурге? Конечно, со Степняком было познакомиться гораздо легче, так как он имел обширные связи среди англичан, а

ведь революционеры-подпольщики жили весьма замкнуто и избегали лишних знакомств. Но Степняк поселился в Лондоне только в 1884 году, а Попов утверждает, что Э.-Л. Войнич была в Петербурге уже в 1882 году. Значит, она сначала познакомилась с народовольцами в Петербурге?

Пока мы не можем ответить на этот вопрос...

К своему живописному рассказу о встречах с Э.-Л. Войнич на квартире у Карауловых И. И. Попов делает такое примечание:

«В 1889 году В. А. Караулов был выслан из Шлиссельбургской крепости в Усть-Уду, Иркутской губернии. П. В. Караулова, его жена, тогда уже врач, взяла в Усть-Уде должность фельдшерицы. Проездом к мужу она прожила некоторое время в Иркутске, где вращалась среди ссыльных. Здесь она познакомилась с административно-ссыльным провизором Войничем, который решил бежать из ссылки за границу. П. В. Караулова дала ему адрес англичанки, уже уехавшей в Лондон. Войнич благополучно доехал до Лондона, познакомился с Е. В. Буль, а потом на ней женился».

В этом примечании — целый роман! Вот как переплетаются судьбы людей... Но дальше, дальше...

Разыскала я сведения о В. А. Караулове. Он был членом партии «Народная воля», а после разгрома ее Исполнительного комитета восстанавливал и объединял разрозненные кружки. Его арестовали в 1884 году и приговорили к четырем годам каторги, которую он отбывал в Шлиссельбурге, а затем был сослан в Сибирь. Вскоре, однако, он не только изменил своим революционным убеждениям, но и открыто стал на защиту царского самодержавия. В. И. Ленин заклеил его предательский путь в статье «Карьера русского террориста».

И. И. Попов был активным членом партии «Народная воля», его арестовали в феврале 1885 года и сослали в Сибирь.

Одновременно я выяснила, что ни рассказов Гаршина в переводе Э.-Л. Войнич, ни сборника «Русский юмор» ни в одной московской библиотеке нет.

А вот книжечку ее переводов Шевченко я нашла в Государственной библиотеке иностранной литературы. Это действительно были переводы шести стихотворений

NIHILISM AS IT IS

BEING STEPNIAK'S PAMPHLETS
TRANSLATED BY E. L. VOYNICH,
AND FELIX VOLKHOVSKY'S
"CLAIMS OF THE RUSSIAN
LIBERALS" WITH AN INTRO-
DUCTION BY DR. R. SPENCE
WATSON

LONDON: T. FISHER UNWIN
PATERNOSTER SQUARE

В 1894 году английское «Общество друзей русской свободы» издало сборник статей «Нигилизм как он есть». Для этого сборника Э.-Л. Войнич перевела на английский язык две статьи С. М. Степняка-Кравчинского.

Шевченко, в том числе и знаменитого «Завещания». К книжечке был приложен биографический очерк Шевченко, написанный Э.-Л. Войнич, и ее перевод «Песни про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова.

Но, кроме этой книжечки, я нашла в отделе редких книг Библиотеки имени В. И. Ленина очень ценное издание — сборник статей на английском языке. Сборник называется «Нигилизм как он есть» и был выпущен в Лондоне в 1894 году «Обществом друзей русской свободы» для разъяснения своих задач и целей. Из этого сборника можно было понять, что именно Степняк был одним из инициаторов и организаторов этого общества. Но — самое главное! — две статьи Степняка в этом сборнике были напечатаны в переводе Э.-Л. Войнич! Значит, она помогала ему, была его сотрудницей?

Там же, в отделе редких книг, хранится комплект журнала «Свободная Россия» («Free Russia»), выходившего в Лондоне под редакцией Степняка. Это был ежемесячный орган этого самого «Общества друзей русской свободы». В нем печатались статьи о положении в России, переводы произведений русских писателей. В библиотеке имеются журналы с первого номера, вышедшего летом 1890 года, до конца 1892 года (журнал выходил и дальше).

Во многих номерах на первой странице печатался список членов Исполнительного комитета общества. И вот в номере от 1 августа 1892 года в этом списке я нашла новое имя: «Миссис Вильфрид Войнич». Ну конечно, это она! В Англии часто замужних женщин называют не только по фамилии, но и по имени мужа!

В отчетах о заседаниях Исполнительного комитета общества, которые печатались в этом журнале, нередко отмечается присутствие миссис Вильфрид Войнич.

Теперь бесспорно, что она принимала активное участие в деятельности «Общества друзей русской свободы».

Еще одно доказательство ее живого интереса к русскому революционному движению, еще одно доказательство ее сотрудничества со Степняком!

Но хотелось бы иметь прямые доказательства...

В биографии ее отца, знаменитого английского ученого, ни одним словом не упоминается о его пребывании в России. Сообщалось там, что он умер 8 декабря 1864 го-

да в Ирландии, в предместье города Корк, где он был преподавателем математики (значит, очевидно, он таки и не был в России, но, может быть, его жена ездила одна? Это маловероятно).

О его семейной жизни сказано очень кратко. Он женился на Мэри Эверест, племяннице известного английского исследователя Гималаев — Джорджа Эвереста, в честь которого была названа высочайшая вершина Гималайских гор.

«Пять дочерей были плодом этого счастливого союза», — пишет биограф. Пять дочерей... Этель Лилиан родилась в 1864 году, точная дата ее рождения мне неизвестна, но все равно, очевидно, она младшая дочь. Очень сомнительно, чтобы ее мать, обремененная такой большой семьей, пустилась в столь дальний путь в Россию. Нет, вряд ли Этель Лилиан родилась в России...

Одновременно я просматривала литературу о Михаиле Войнице, о Степняке (ничего не нашла о Э.-Л. Войнич), искала людей, живших в Лондоне, добывала сведения из Книжной палаты о разных изданиях «Овода», писала письма старым большевикам с просьбой сообщить об использовании «Овода» в революционной пропаганде, рассказать о своих впечатлениях от романа, смотрела разные издания «Овода», всевозможные мемуары, перечитывала другие произведения Э.-Л. Войнич, беседовала с писателями, учеными, историками.

Глава VI

КАКОЕ У НЕЕ ЛИЦО?

Очень хотелось узнать, какая она, какое у нее лицо. Я пересмотрела все дореволюционные и советские издания «Овода» на русском языке, пересмотрела все издания ее произведений, вышедшие в Англии и в Америке (те, что были в наших библиотеках), но ни к одному из этих изданий не был приложен ее портрет.

К счастью, в одном английском библиографическом справочнике я нашла сведения о том, где помещены портреты Э.-Л. Войнич. Указаны два американских и два английских журнала. Однако трех из этих журналов в

наших библиотеках нет, а вот четвертый есть и в Библиотеке имени В. И. Ленина, и в библиотеке Московского университета.

Аккуратно выписываю в блокнот: журнал «The Academy» («Академия»), выходящий в Лондоне, № 1399 от 25 февраля 1899 года, страница 321.

В этот же день я заказала этот журнал в Библиотеке имени В. И. Ленина и на следующий день пришла в читальню к самому открытию, к 9 часам утра.

Получаю комплект журнала за 1899 год, в темно-зеленом переплете. Это тонкий журнал большого формата, с иллюстрациями.

Бережно перелистываю. Вот и номер 1399 от 25 февраля... Вот страница 311-я, 315-я, 319-я и, наконец, 321-я!

На этой странице — только три столбца убористого текста и ни одной иллюстрации!

Еще раз проверяю: 1899 год? Правильно! № 1399? Правильно! От 25 февраля? Правильно!

Все правильно, а ее портрета нет!

Еще и еще раз проверяю свою запись...

Машинально переворачиваю пустую для меня 321-ю страницу... и вижу на обороте небольшой овал портрет. На нем изображено прекрасное лицо молодой женщины. Напечатан портрет плохо, краска смазана, печать нечеткая. Но можно различить ясный пристальный взгляд, тонкие крепко сжатые губы, легкие, аккуратно забранные наверх волнистые волосы, из-под пестрого платья виднеется узенькая полоска белого воротничка.

Конечно, это она!

Под портретом читаю подпись в несколько строк:

«Мы даем на этой неделе портрет Э.-Л. Войнич, автора романа «Овод». Девичья ее фамилия — Буль. Несколько лет тому назад она вышла замуж за польского дворянина. Роман «Овод» — первое ее опубликованное произведение».

Все правильно. В указателе просто была опечатка: надо было — страница 322-я, а напечатано — 321-я...

Через бюро обслуживания библиотеки заказываю фотоснимок с этого портрета. Там же заказываю фото с портрета ее отца, приложенного к одному английскому изданию его трудов. А в фототеке Музея Революции по моей просьбе с хранящегося у них негатива напечатали

фотографию ее мужа — Михаила Вильфрида Войнича (это оказалась другая фотография, не та, которая помещена в словаре «Деятели...»).

Три портрета, которые у нас никогда не печатались!

Взяла я эти три портрета и пошла в редакцию журнала «Огонек». Показала там портреты, рассказала все, что мне удалось узнать про Войнича. Спрашиваю:

— Интересно? Стоит рассказать читателям «Огонька»? Стоит опубликовать эти портреты?

— Стоит, — говорят сотрудники редакции. — Напишите.

Так в № 14 «Огонька» за 1955 год появилась небольшая статья «Роман «Овод» и его автор» с портретами Э.-Л. Войнича, ее отца и ее мужа. В статье приводились цифры об изданиях «Овода» в СССР, рассказ И. И. Попова, биографические сведения об Э.-Л. Войниче, указывалось на близость ее творчества к творчеству С. М. Степняка-Кравчинского.

По поводу этой статьи редакция получила множество писем.

Читатели расспрашивали о Войниче, хотели узнать подробности, писали о своей горячей любви к роману «Овод». Некоторые возражали: мол, между творчеством Э.-Л. Войнича и С. М. Степняка-Кравчинского нет никакой связи.

Статью из «Огонька» вместе с портретом Э.-Л. Войнича перепечатали целиком в газете «Советская Белоруссия». Перепечатали ее — также с портретом — и в Китае, на китайском языке.

(Но я и не предполагала, что эта статья попадет в руки самой Э.-Л. Войнича... Однако не будем забегать вперед.)

Я продолжала свои поиски.

Глава VII

«БУЛОЧКА»

Самым важным мне казалось — найти архив Степняка-Кравчинского. Умер он в Лондоне, но, может быть, архив его находится у нас. Но где? Оказалось, что большое количество его писем, рукописей хранится в Цент-

ральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ).

Поехала я в ЦГАЛИ, который находится между Москвой и Химками. И вот — опись фонда № 1158 — рукописного фонда С. М. Степняка-Кравчинского.

Здесь множество его рукописей. Рукописи уже опубликованных его произведений, отрывки незавершенных неопубликованных повестей, статей. Десятки всевозможных записных книжек, папки с разными газетными вырезками — его собственными статьями, рецензиями на его книги, материалы по истории революционного движения в России, различные фотографии — и огромное количество писем.

Здесь множество писем от русских его друзей и соратников. Множество писем на английском, французском, польском, немецком языках. И — что очень важно — много писем самого Степняка. После его гибели Фанни Марковна, жена Степняка, собирала их у друзей.

В описи перечислены имена только некоторых корреспондентов Степняка, а большей частью помечено: письма корреспондентов, чьи фамилии начинаются на букву «А», на букву «Б» и т. д., а то и просто: «письма неизвестных лиц» или «письма к неизвестным лицам»...

Среди упомянутых имен имени Э.-Л. Войнич нет. Но я уверена, что она писала Степняку. Значит, надо пересмотреть все письма!

А пока посмотрим его записные книжки.

Вот небольшая алфавитная адресная книжечка Степняка. Алфавит английский. Перелистываю... А... В... С... И на второй же страничке, на букву «В» нахожу: «Miss E. Boole — 103 Saymour Place»... (Мисс Э. Буль — 103, Сэймур Плэйс...)

Ну конечно, это она!

Значит, они были знакомы!

А вот несколько стареньких записных книжечек, так называемых «День за днем». На итальянском, на английском языках...

Одна — без переплета. На серовато-зеленоватой бумажной обложке по-английски напечатано: «Карманный дневник на 1889 год. Одна неделя на странице».

На первом же листочке поперек страницы небрежно написано: «Мисс Э. Буль... Ливерпуль...»

Очевидно, она уезжала из Лондона и Степняк наспех записал ее временный адрес.

...Как будто из глубины десятилетий донесся до нас голос Степняка. Как будто он сам рассказал нам о своем знакомстве с мисс Этель Буль, с Этель Лилиан Войнич, будущим автором «Овода».

С глубоким волнением читаю письма разных людей к Степняку.

Во всех письмах или прямо выражены, или сквозят дружеские чувства, симпатия к адресату. Русские письма, письма эмигрантов переполнены тревогой, заботами. Извещения об аресте друзей, об отсутствии вестей. Нет денег, а такой-то заболел. Как достать пять франков? Где достать хоть какую-нибудь работу...

Письма англичан полны выражения сочувствия. Просьбы выступить на митингах, приглашения, отзывы о книгах Степняка...

Все это чрезвычайно интересно, но... я перелистываю, перелистываю — ищу упоминания имени Войнич, Буль...

В пачке писем на английском языке от лиц, чьи фамилии начинаются на букву «В», нахожу несколько писем за подписью «Мэри Буль». Очевидно, это мать Э.-Л. Войнич.

Первое из них — от 25 марта 1886 года. Мэри Буль выражает желание познакомиться со Степняком и приглашает его к себе. Сообщает адрес, уже знакомый нам: 103, Сэймур Плейс...

Два следующих письма датированы 12 и 18 апреля 1892 года. Официальное обращение «сэр» сменилось дружеским — «дорогой Степняк». Это небольшие записочки. В одной — согласие встретиться в ближайшие дни, а в другой речь идет о какой-то статье, связанной с русскими политическими эмигрантами. «Я рада помочь вашему делу своими робкими силами», — пишет Мэри Буль.

В письме от 20 января 1893 года я впервые нашла упоминание имени Э.-Л. Войнич. Мать ее пишет: «Дорогой Степняк! Этель сказала мне, что вы хотите узнать ботаническое название черемши. Я старалась узнать у работников ботанического сада, и хотя они были очень предупредительны и добры, но им не удалось его найти». Далее она высказывает интерес по поводу лекарственных свойств этого растения и обещает продолжить

поиски. Очевидно, Степняку понадобилось где-то упомянуть это растение — род дикого чеснока, растущего в Сибири; — которое местное население и ссыльные употребляли против цинги.

Теперь-то уж ясно, что они были знакомы со Степняком — и сама Этель Лилиан и ее мать...

Последнее из имеющихся в архиве писем Мэри Буль — без даты и адресовано жене Степняка. В нем Мэри Буль выражает свое горячее сочувствие по поводу внезапной гибели Степняка (он погиб 23 декабря 1895 года): «Только что узнали о Вашей потере, — нашей потере, потере для всех, кто его знал...»

Прочитала я два письма Михаила Войнич к Степняку, но в них ничего не было об Э.-Л. Войнич.

Несмотря на самые тщательные поиски, ни одного письма Э.-Л. Войнич я в архиве Степняка не нашла...

После того как я просмотрела почти все письма разных людей к Степняку, я стала читать письма самого Степняка.

Особенно много писем Степняка, адресованных его близкой приятельнице — Анне Михайловне Эпштейн. Они были знакомы еще с молодых лет и вместе участвовали в подпольных кружках. Ей часто приходилось уезжать из России, а с 1887 года она вынуждена была стать эмигранткой. Незадолго до гибели Степняка А. М. Эпштейн скончалась в Вене от рака.

Степняк очень любил ее и писал ей часто, — очевидно, сохранились далеко не все его письма. Чудом можно считать, что при такой кочевой жизни сохранились и эти.

И вот среди этих писем есть длинное письмо, полное перечислений всяких бедствий: особенно плохо с деньгами, писал Степняк своей приятельнице. Роман «Карьера нигилиста» (так на английском языке назывался «Андрей Кожухов») выйдет из печати только осенью, тогда и будут деньги, а пока нет ни копейки.

Читаю дальше:

«...Мы ждем со дня на день приезда Саши (Фаниной сестры), которую везет нам в кредит одна милейшая англичаночка, очень подружившаяся с Фаниными обеими сестрами. Мы ее здесь русскому языку обучили и направили потом в Петербург к Личкусам всех колен. Она музыкантша и давала там уроки. Пашетка едет с Карауло-

вым в Сибирь. Его выпустили из Шлиссельбургской крепости. Но где поместят в Сибири — неизвестно. Мы надеемся кучу новостей общественного и семейного разряда получить от своей англичаночки, когда она придет. Напишем тогда паки».

Но ведь это письмо — о ней!

Хотя Степняк не называет ее по имени, но я уверена, что это он пишет о ней. Совпадает и то, что она музыкантша, и то, что дружила с сестрами жены Степняка!

Письмо написано из Лондона и помечено «2 июня». Но мы знаем, что «Карьера нигилиста» появилась из печати осенью 1889 года, значит, это письмо написано 2 июня 1889 года.

Саша — это Александра Марковна Личкус, сестра Фанни Марковны Степняк, девичья фамилия которой — Личкус. Пашетка — другая ее сестра, Прасковья Васильевна Караулова (я не сразу сообразила это, пока не узнала, что, по царским законам, еврейка, выходя замуж за русского, должна была креститься и изменить имя и отчество).

«Одна милейшая англичаночка», «своя англичаночка» — это, конечно, она, Этель Лилиан Буль.

Так вот, оказывается, как она изучила русский язык! Так вот как она попала в Петербург!

Значит, она в России давала уроки музыки. Но только ли это было целью ее поездки? И почему Степняк не называет ее по имени?

Очевидно, на то были серьезные причины. Дело в том, что за русскими политическими эмигрантами даже за границей постоянно следила русская полиция, письма их перехватывались, и Степняк, конечно, не желал наводить полицию на след. Вероятно, Войнич была его помощницей, недаром он пишет: «Мы надеемся кучу новостей общественного и семейного разряда получить от своей англичаночки». Не естественнее ли было надеяться получить эти новости от близкой родственницы — родной сестры Фанни Марковны, Саши?

А может быть, Этель Буль, возвращаясь в Англию, привезла не только новости, но и письма, нелегальные рукописи?..

Конечно, я убеждена, что «своя англичаночка» — это

Этель Буль, но... а почему не могло быть у Степняка еще одной знакомой англичанки, другой? А вдруг в этом письме речь идет не об Этель Буль?!

Надо иметь точные, неоспоримые доказательства.

Я вновь и вновь перелистываю письма Степняка... А что, если повнимательнее посмотреть его «Карманный дневник на 1889 год»? Может быть, там что-нибудь есть?

Перелистываю... В графе «3 июня» — запись: рукой Степняка: «Отправил письмо Анке». «Анкой» Степняк называл Анну Михайловну Эпштейн. Значит, 2 июня он писал ей письмо, а отправил 3-го.

На той же странице, в графе «4 июня», записано: «Приехала Саша с Булочкой».

Но ведь он писал Анне Михайловне, что Саша придет с англичанкой.

«Булочка» — что это за имя?

Да ведь это она! Ее фамилия «Boole» по-английски произносится почти совсем твердо: «Бул». И естественно было «свою англичаночку», молодую девушку, называть дружески и ласково «Булочка»!

Это уже бесспорное доказательство того, что в письме от 2 июня 1889 года Степняк писал именно об Этель Буль.

Итак, теперь мы точно знаем, что Этель Буль попала в Россию при содействии Степняка, и точно знаем дату ее возвращения в Лондон — 4 июня 1889 года. Но мы еще не знаем, когда и при каких обстоятельствах она познакомилась со Степняком, когда она уехала в Россию и зачем...

Как вы помните, И. И. Попов пишет, что он встречал ее в 1882 году в квартире у Карауловых. Но Степняк приехал в Лондон только летом 1884 года, значит, раньше этого времени он познакомиться с Этель Буль не мог. Конечно, он жил за границей с 1878 года — был во Франции, Швейцарии, Италии, — но вряд ли он мог познакомиться с нею не в Англии, тем более что он пишет А. М. Эпштейн: «Мы ее здесь русскому языку учили»... «Здесь» — то есть в Лондоне.

Кроме того, по данным английского справочника, она окончила консерваторию в Берлине в 1885 году.

Но И. И. Попов был арестован в феврале 1885 года и выслан в Сибирь, следовательно позже этого времени

он видеть Этель Буль в Петербурге не мог. Нечего говорить уж о В. А. Караулове, который был арестован в марте 1884 года.

Как же это было? Только сама Э.-Л. Войнич могла бы ответить на этот вопрос.

...Вернемся, однако, к архиву Степняка. Если «Булочка» — это она, то... то это прозвище встречается в бумагах и письмах Степняка много раз.

Значит, надо опять все пересмотреть наново!

И снова перечитываю все письма Степняка и к Степняку, смотрю его записные книжки. Там много упоминаний об Э.-Л. Войнич. Называли ее и «Лилия Григорьевна», и «мисс Буль», и «Булочка», и «Лили». По письмам можно было установить, что она работала в редакции «Свободной России», что она была тесно связана со многими русскими политическими эмигрантами, жившими в Лондоне.

И, хотя многое еще оставалось неизвестным, все яснее и яснее становилось, что между «милейшей англичаночкой» и русским революционером С. М. Степняком-Кравчинским существовала глубокая душевная близость...

Но среди всех этих документов самым дорогим для меня по-прежнему оставалось письмо, написанное Степняком 2 июня 1889 года в Лондоне и прочитанное мною 30 марта 1955 года в Москве!

Глава VIII

ПОЧЕМУ Э.-Л. ВОЙНИЧ НАЗВАЛА СВОЕГО ГЕРОЯ ОВОДОМ?

Одновременно с поисками сведений о жизни Э.-Л. Войнич я снова и снова перечитывала ее произведения и каждый раз находила что-нибудь новое для себя, на что не обращала внимания раньше.

Все более и более я убеждалась, что даже второстепенные детали в ее книгах далеко не случайны, а иногда полны глубокого смысла.

Конечно, не могло быть случайным и прозвище главного героя, которое стало и названием всего романа — «Овод».

Почему же Э.-Л. Войнич назвала своего героя Оводом?

На этот вопрос в самом романе есть как будто бы очень простой и ясный ответ. Все читатели романа «Овод», вероятно, помнят, что, когда его герой — Артур Бертон — после тринадцати лет изгнания возвращается в Италию, он берет себе имя Феличе Ривареса, но и друзья и враги знают его под прозвищем «Овод».

Один из его соратников так объясняет это прозвище: «Апеннинские контрабандисты прозвали Ривареса Оводом за его злой язык, и с тех пор он взял себе этот псевдоним».

Казалось бы, все ясно. Но я была убеждена, что это не так.

Одна фраза в романе была мне непонятна. Впервые слово «овод» в книге произносит революционерка Джемма. В начале второй части описано, как группа общественных деятелей Флоренции собралась для обсуждения плана предстоящих работ. Возник вопрос об издании сатирических листков для борьбы с иезуитами, но один из присутствующих, либеральный адвокат, говорит, что это надо делать серьезно, так как «Флоренция не город фабрик и наживы, как Лондон, и не притон для сибаритов, как Париж. Это город с великим прошлым...»

«Таковы были и Афины, — перебивает его Джемма. — Но граждане Афин были слишком вялы, и понадобился овод, чтобы пробудить их».

После этих слов присутствующие вспоминают об Оводе и решают пригласить его. Так начинается разговор об Оводе...

Но что же имела в виду Джемма, когда упомянула об Афинах? Очевидно, какой-то исторический эпизод. Но какой?

Зная скромность Джеммы, ее тактичность и деликатность, нельзя предположить, что она станет упоминать в общем разговоре что-то малоизвестное и тем поставит собеседников в неловкое положение.

Что же значит ее фраза об оводе, который пробуждает вялых граждан Афин? Сколько я ни старалась, ничего не могла вспомнить.

Может быть, перевод недостаточно точен? Посмотрела текст английского оригинала — нет, перевод верен.

О чем же говорила Джемма? Как бы это узнать?

Прежде всего я спросила одного моего друга — академика, человека огромной эрудиции, прекрасного знатока мировой литературы. Он ничего не мог вспомнить, но согласился с моим предположением, что именно в этой фразе и скрывается причина прозвища Овода.

Потом я стала спрашивать сотрудников Института мировой литературы имени Горького Академии наук СССР — и они ничего не могли вспомнить.

Я звонила по телефону всем знакомым. Спрашивала многих знакомых и незнакомых — профессоров, докторов наук, кандидатов — историков, филологов, старых, молодых...

Никто не знает!...

Некоторые высказывали предположение, что Э.-Л. Войнич спутала овода с осой и имела в виду комедию древнегреческого писателя Аристофана «Осы». Но содержание комедии «Осы», посвященной изобличению сутяжничества, никак нельзя было сопоставить с романом «Овод», и это было маловероятно.

Кого же еще спросить?

В Институте мировой литературы имени Горького работает виднейший специалист по классической филологии — член-корреспондент Академии наук СССР, Сергей Иванович Соболевский. Последнее время Сергей Иванович не совсем здоров и редко выходит из дому. Дело в том, что Сергею Ивановичу уже за девяносто! Он только на три месяца моложе Э.-Л. Войнич...

Однако Сергей Иванович много и плодотворно работает. Недавно из печати вышла его новая книга — «Аристофан и его время». Он заведует сектором античной литературы института, но заседания сектора происходят у него дома. Неловко было его беспокоить, а спросить хотелось.

Я обратилась к сотруднице сектора, Евгении Алексеевне Берковой (Евгения Алексеевна тоже считала, что, вероятно, Аристофан). Она охотно обещала спросить об этом у Сергея Ивановича.

Вечером Евгения Алексеевна звонит мне:

— Сегодня было заседание сектора. Спросила я у Сергея Ивановича. Он долго думал и сказал: вероятно, «Осы» Аристофана...

Ну, все! Больше спрашивать не у кого.

...Однако я была уверена, что это не так.

На следующий день телефонный звонок разбудил меня рано утром.

— Говорит Евгения Алексеевна. Вчера поздно ночью позвонил мне Сергей Иванович и с радостью сообщает: «Нашел! Это не Аристофан! Это «Апология Сократа» Платона». И действительно,—продолжала Евгения Алексеевна,—я тоже сразу вспомнила. Как только я могла забыть! Ночью вам звонить не решилась, еле дождалась утра. Возьмите сочинение Платона «Апология Сократа», раздел восемнадцатый. Защищаясь на суде против взведенных на него обвинений, Сократ сравнивает себя с оводом, вина которого в том, что он беспокоит благородного, но неторопливого коня, побуждая его двигаться...

Сократ... Так, значит, историю знаменитого греческого мудреца, рассказанную его учеником Платоном, имела в виду Э.-Л. Войнич.

Еду в библиотеку и выписываю «Апологию Сократа». Мне приносят маленькую книжечку, выпущенную в серии «Универсальная библиотека» издательством «Польза», год не обозначен, но очевидно — 1910 или 1912. Перевод И. Румера.

Нахожу раздел 18. Вот строчки, где речь идет о коне: «Ведь если вы теперь лишите меня жизни, — говорит Сократ, обращаясь к судьям, — то нелегко вам будет найти другого человека, который — позвольте мне употребить это несколько смешное сравнение — сидел бы на городе, словно на коне, большом и породистом, но благодаря своей величине несколько неповоротливом и нуждающемся в понукании со стороны погонщика; вот для этой-то роли, кажется мне, и послал меня бог в наш город, чтобы я, не переставая, понукал и убеждал и бранил вас, каждого в отдельности, целыми днями досаждая всем и всюду».

Мысль именно та, о которой говорил Сергей Иванович, но про овода ничего нет! Прямо наваждение какое-то!

Может быть, я что-нибудь напутала? Перечитываю всю книжку, от начала до конца. Ничего нет. Но я прошу, чтобы мне принесли другие издания «Апологии Сократа». Приносят еще две книги.

Вот толстая книжка в солидном переплете: «Философские беседы Платона в русском переводе... С приложением краткого жизнеописания Платона, подробных введений и объяснительных примечаний. Перевел и издал А. Клеванов. Москва. В университетской типографии. 1861».

Текст здесь напечатан без разделов, но на странице 57 я нахожу то же место: «Если вы меня предадите смерти, то, говорю прямо, едва ли вы найдете скоро другого такого человека, как я (как ни странно покажется вам это сравнение): меня бог дал этому городу, как наездника к благородному и сильному коню, который отяжелел от своей силы и дородства и которого нужно иногда поощрять шпорами. Точно так и мне бог дал назначение в городе, а именно: возбуждать вас из нравственного оцепенения, ободрять вас и учить каждого из вас, неотступно преследуя его и не давая ему покоя».

По смыслу очень походит к загадочной фразе Джеммы, но об оводе-то ничего нет.

Беру третью книгу, еще более толстую и солидную: «Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым. Часть I. Санкт-Петербург. 1863».

На страницах 427 и 428 читаю:

«Да, если вы умертвите меня, то трудно будет вам найти другого подобного мне, которого — хоть и смешно, а справедливо — бог поместил в городе, будто на великом и благородном коне, для того, что этот конь, по причине своей величины, довольно неповоротлив и должен быть возбуждаем жалом овода. Именно ту-то, кажется, должность в отношении к городу бог и возложил на меня, чтобы я и возбуждал вас, и убеждал, и надоедал каждому, чтобы я непрестанно, во весь день подседал то к тому, то к другому».

Какой тяжеловесный язык! Надо раза три прочитать, прежде чем поймешь. Но то, именно то, что я искала!

Да, значит, Сергей Иванович был прав. Конечно, именно это сравнение из «Апологии Сократа» имела в виду Джемма. Но почему в других изданиях этого не было?

К этому месту профессор Карпов дает примечание. Оказывается, на греческом языке и шпоры и овод обозначаются одинаковым словом. Оказывается,

мнения ученых, как надо переводить это место, разделились; одни считают, что Сократ представляет себя всадником на коне, которого он возбуждает шпорами, а другие — что Сократ уподобляет себя оводу, сидящему на спине коня. Профессор Карпов пишет: «Мне кажется приличнейшим последнее: потому что то не довольно идет к лицу Сократа и выражает слишком много самомнения, несколько ему несвойственного; а это гораздо скромнее и сообразнее с тонкостью Сократовой иронии».

Теперь все ясно, и мы можем согласиться с профессором Карповым, что это место у Платона надо читать именно так, как он переводит его. Теперь понятно, почему многие знатоки античности не могли помочь мне...

Но хорошо бы иметь подтверждение того, что Э.-Л. Войнич читала «Апологию Сократа». Хорошо бы узнать, как она относится к этому произведению.

И я вспоминаю, что «Апология Сократа» — любимая книга героини другого романа Э.-Л. Войнич — «Оливии Лэтам». А в чертах Оливии, несомненно, много автобиографических черт.

Теперь уже нет сомнений, что Э.-Л. Войнич дала своему герою прозвище «Овод» в честь Сократа.

И действительно, вся история жизни и смерти греческого мудреца Сократа, жившего более двух тысяч лет назад, возвышенна и трагична.

Афиняне озлобились против Сократа за то, что он обличал их пороки, призывал к справедливости, взывал к их совести. На него подали в суд, обвиняя его в том, что он развращает юношей и не признает богов. И суд приговорил Сократа к смерти. Впрочем, если Сократ откажется от своих убеждений, перестанет будить в людях совесть и искать в их душах правду и будет молчать, тогда ему оставят жизнь. Но Сократ не соглашается: без этого для него жизнь — не жизнь!

И Сократ должен умереть. Его друзья и ученики в отчаянии, они предлагают ему устроить побег. Но мудрец отказывается и от этой возможности сохранить свою жизнь. Убежать — это значит отречься от того, чему он учил всю жизнь, поступить трусливо, лицемерно, несправедливо, это значит изменить самому себе.

Сократ спокойно и даже с радостью выпивает чашу с ядовитым соком цикуты и умирает.

Сократ умер, но его образ остался бессмертным в веках, как образ человека, верного своим убеждениям, человека, неустанно борющегося за них, человека, для которого его идеи дороже жизни.

В заключение можно еще упомянуть, что в 80-е годы, то есть тогда, когда Э.-Л. Войнич была в России, к образу Сократа нередко обращались передовые русские мыслители и художники.

Поэт-народоволец П. Ф. Якубович написал стихотворение о Сократе. М. М. Антокольский создал скульптуру «Смерть Сократа». Фантазия В. Г. Короленко «Тени» также посвящена образу Сократа — Овода, его мужественной смерти¹.

Совершенно очевидно, каким глубоким смыслом полно прозвище героя романа Э.-Л. Войнич, как этим прозвищем писательница подчеркивает основную черту своего героя — воинствующую верность своим убеждениям, которые для Овода, как и для Сократа, дороже жизни.

Глава IX

А В ЭТО ВРЕМЯ ЗА ОКЕАНОМ...

Осенью 1955 года я узнала, что группа советских журналистов собирается поехать в Соединенные Штаты Америки.

Я пошла к руководителю делегации, писателю Борису Полевому, и попросила его посетить Э.-Л. Войнич в Нью-Йорке, сообщила ему адрес писательницы, напечатанный в английском справочнике «Кто есть кто?», — Нью-Йорк, 450 Вест, 24-я улица — и вручила целый лист со множеством вопросов. Несмотря на то что программа поездки была очень насыщенной и все дни заранее буквально были расписаны по часам, Борис Полевой все же обещал постараться выкроить время и побывать у автора «Овода».

С такой же просьбой я обратилась и к другим членам делегации — к главному редактору журнала «Огонек»

---

¹ Для наших читателей историю Сократа рассказали М. Ильин и Е. Сегал во второй части своей книги «Как человек стал великаном».

А. В. Софронову и специальному корреспонденту «Комсомольской правды» А. И. Аджубею.

...А в это время за океаном тоже готовились к этой встрече...

Дело было так. Номер журнала «Огонек», в котором была напечатана статья о Войнич, попал в руки советскому сотруднику Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке Петру Павловичу Борисову. Для совершенствования своих знаний в английском языке П. П. Борисов занимался с англичанкой, женой американского сотрудника ООН. Госпожа Фриментал, в свою очередь, совершенствовала свои знания русского языка. Так они и занимались: половину урока — английским, половину — русским языком. Госпожа Фриментал изучала английскую, американскую и русскую литературу, она была автором нескольких книг и даже опубликовала свой перевод на английский язык легенды о великом инквизиторе из «Братьев Карамазовых» Достоевского.

Прочитав статью о Войнич, П. П. Борисов очень заинтересовался ею и в первый же очередной урок с госпожой Фриментал показал англичанке эту статью.

— Вот здесь рассказано о вашей английской писательнице, авторе замечательной книги «Овод» — Этель Лилиан Войнич, — сказал Петр Павлович.

— Войнич? — переспросила госпожа Фриментал. — Никогда не слыхала. А что это за книга — «Овод»?

— Как! Вы никогда не слыхали имени Войнич? Но ведь «Овод» — это одна из самых замечательных книг на свете! Войнич замечательная писательница, она англичанка, ваша соотечественница!

— У нас в Англии очень много замечательных писателей, я не могу их всех знать, — ответила госпожа Фриментал.

Однако в этот день английским языком они не занимались — занимались только русским. Госпожа Фриментал хотела дочитать статью о неизвестной ей английской писательнице до конца.

Особенно поразило ее то, что Войнич является дальней родственницей полковника Джорджа Эвереста.

— Я тоже родственница полковника Эвереста, — заявила Борисову госпожа Фриментал.

Прочитав, что Войнич переехала из Англии в Нью-

Йорк, госпожа Фриментал решила во что бы то ни стало разыскать неизвестную ей писательницу, да к тому же как будто и свою родственницу.

Однако найти человека в Нью-Йорке не так просто: адресных столов там нет. Пришлось госпоже Фриментал обратиться в частное сыскное бюро, к детективам.

Пока детективы искали адрес Э.-Л. Войнич (который так легко было узнать из справочника «Кто есть кто?»!), П. П. Борисов искал в букинистических магазинах роман «Овод» на английском языке. Он хотел, чтобы госпожа Фриментал прочитала его. У П. П. Борисова был с собою «Овод» на русском языке — он очень любил эту книгу, — но госпожа Фриментал все-таки с трудом читала по-русски, да и естественнее было ей прочитать ее в оригинале. Много книжных магазинов обошел П. П. Борисов — «Овода» не было нигде. Он давно не издавался в Америке и стал уже редкостью... Наконец в одном магазине Борисову повезло — откуда-то из дальних полок продавец извлек потрепанную книжку.

На следующем уроке П. П. Борисов вручил ее госпоже Фриментал.

— Не знаю, будет ли у меня время прочитать «Овода». Я очень занята, — сказала она.

Ранний телефонный звонок на следующее утро разбудил Петра Павловича. Звонила госпожа Фриментал.

— Что вы со мной сделали! Из-за вас я не спала всю ночь! С вечера я решила просмотреть роман этой Войнич, прочитала несколько страниц... и не могла оторваться! Я читала его до утра и так уж и не заснула! Какая потрясающая книга! Я никогда не читала ничего подобного! И подумать только, что написала ее англичанка! Англичанка, о которой я никогда не слыхала! Я обязательно должна разыскать ее! — Вся речь госпожи Фриментал состояла, казалось, из одних восклицательных знаков.

Петр Павлович подарил госпоже Фриментал «Огонек» со статьей об авторе «Овода», и, когда наконец детективы сообщили ей адрес Войнич и она отправилась искать эту 24-ю улицу в мрачном и безрадостном квартале Манхэттена, она взяла этот «Огонек» с собой...

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Петр Павлович Борисов долго не решался воспользоваться приглашением Войнич, которое передала ему госпожа Фриментал. Ему казалось, что к этому визиту надо как-то подготовиться, надо обставить это посещение как-то торжественно, а как, он не знал. Наконец, уже осенью, он решился. Отправились с женой и дочкой.

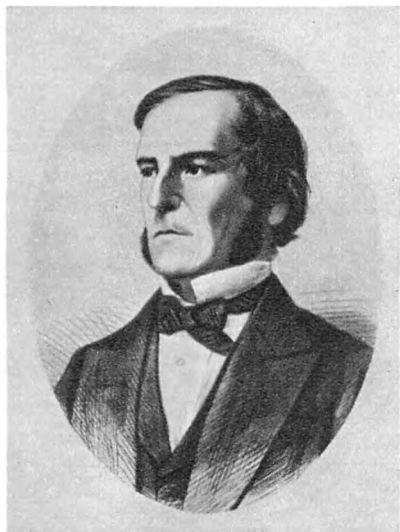
Так волновались, что приехали задолго до назначенного часа. Ожидая условленного времени, огляделись вокруг. Небогатая окраина Нью-Йорка. Вот 24-я улица, узкая, сжатая каменными громадами мрачных домов. Казалось, в ней не было воздуха. Улица была наполнена несмолкаемым шумом, скрежетом и бензиновым перегаром.

Дом 450, Вест, дом, в котором она живет, занимает целый квартал, его населяют три тысячи человек. Квартира Войнич — на семнадцатом этаже: это верхний, последний этаж. Пожалуй, так лучше. Сюда, на высоту, не долетает шум, не достигают пары бензина...

Об этом думали Борисовы, поднимаясь на лифте. Лифтер, который работает здесь уже не один год, и понятия не имел, что в его доме живет знаменитая писательница, что эта старушка из квартиры на семнадцатом этаже — автор замечательной книги...

Они постояли у двери, перевели дух, как будто пешком, а не на лифте поднимались все эти семнадцать этажей, и позвонили.

Первых советских граждан, посетивших Войнич, встретила госпожа Нилл, невысокая худощавая энергичная женщина. Она провела Борисовых в гостиную. Одновременно гостиная служила и столовой и кабинетом. Кроме нее, в квартире еще только две маленькие спальни. Гостиная поражала сверкающей чистотой, скромностью обстановки и обилием цветов и книг. Книги были повсюду. У одной стены стояло пианино. Над диваном висел карандашный портрет пожилой женщины. Чуть опущенные глаза казались пристально устремленными, тонкие губы были крепко сжаты. Долгие годы покрыли лицо морщинами, и, однако, в нем можно было узнать то прекрасное лицо, которое они видели в «Огоньке».

Известный английский ученый
Джордж Буль,
отец Э.-Л. Войнич.
С гравюры середины XIX века.

Ирландский город Корк, в котором 11 мая 1864 года родилась
Э.-Л. Войнич. *С гравюры середины XIX века.*

Ворота Александровской цитадели в Варшаве. Весной 1887 года в этой тюрьме находился Михаил Войнич. *Фотография.*

В простенке у большого окна в широкой деревянной раме висел портрет юноши в черном берете. Над ним — голубое небо, а в глазах юноши бесконечная скорбь, след долгого, глубокого и скрытого страдания.

Это большое окно выходит на восток. Госпожа Нилл рассказывает, что вот уже несколько лет Войнич не была на улице и, чтобы подышать воздухом, часто сидит у этого окна. Да, она уже очень стара! Ведь ей скоро девяносто два года. Но Войнич еще работает — консультирует книжную фирму, в которой работает и сама госпожа Нилл. Когда госпожа Нилл уходит на работу, она запирает квартиру, чтобы никто случайно не обидел Войнич...

Но вот дверь отворилась, и вошла Войнич. Она держится так прямо, что кажется высокой. Легкие седые волосы гладко зачесаны. У нее в руках палка, но она не опирается на нее, а идет уверенными медленными шагами. Во всех ее движениях чувствуется скрытая энергия и нескрываемое волнение.

После первого знакомства все долго молчали. Войнич не сводила глаз с крепкой, коренастой девочки. Потом, все так же глядя на нее, сказала:

— Значит, вы русские, из Советского Союза. Мне очень приятно видеть вас у себя. С Россией в моей жизни связано очень много воспоминаний.

Войнич говорила по-русски. Медленно, тщательно подбирала слова, как будто доставала их откуда-то из глубины.

Она рассказывала им про похороны Салтыкова-Щедрина в Петербурге, в которых она сама участвовала. Это одно из самых ярких событий ее жизни.

Потом она попросила, чтобы девочка села рядом с ней. Тонкими, высохшими пальцами она гладила плотные, чуть пухлые руки девочки и, глядя на нее, стала говорить как будто для нее одной. Войнич рассказывала ей сказку Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть», о том, как потерянную совесть, затоптанную в грязь, подняли и вложили в душу русского ребенка. Ребенок рос, и вместе с ним росла и совесть — становилась большой, чистой, гордой.

— Помни, Иринка, — говорила Э.-Л. Войнич советской девочке, — помни, Иринка, ты русская, и когда ты вырастешь, совесть твоя должна быть чистой и гордой...

Потом Войнич стала рассказывать о Степняке, о

своим дорогим другом Степняке, которого она называла опекуном.

Потом вспоминала стихи Лермонтова. Замолчала и, вся как будто во власти музыки, слышимой ей одной, как таинственное заклинание произнесла:

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной,
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается...

Я не могу не волноваться, читая эти стихи и теперь, — сказала Войнич. — Представьте же мое волнение, когда я впервые прочитала «Песню про купца Калашникова». Я не спала всю ночь и все ходила по комнате, повторяя:

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной...

Тогда же я решила перевести эту поэму на английский язык.

Госпожа Нилл достала из шкафа и показала Борисовым маленькую книжку в серой обложке — стихи Шевченко в переводе Войнич. В этой же книжечке был напечатан и ее перевод «Песни про купца Калашникова».

Потом Борисовы услышали стихи Шевченко на украинском языке. Это было так удивительно — сидеть рядом с автором «Овода», слышать немного старомодную, но все же чистую русскую речь, русские стихи, украинские стихи...

Петр Павлович стал рассказывать Войнич о любви к ее книге в СССР.

Госпожа Нилл не знала русского языка, но она догадывалась, о чем шла речь, а иногда Войнич или Борисов переводили ей.

— А все-таки, — энергично вдруг заявила госпожа Нилл, — главное в творчестве моего друга не книги, а музыка.

Госпожа Нилл достала с полки столку нот — музыкальные сочинения автора «Овода».

Войнич села за пианино. Она играла Борисовым свою кантату «Подводный город», сочиненную на слова русского поэта М. А. Дмитриева.

Голос Войнич звучал теперь ровнее. Она уже не так долго подыскивала полузабытые русские слова. Но гости собрались уходить — нельзя так утомлять хозяйку.

На прощание Войнич подарила Иринке книгу и написала на ней:

«Дорогая Ирина! Ты — единственный советский ребенок, которого я встретила, и это сделало радостным и незабываемым день, когда ты навестила меня вместе со своими родителями. Пусть же все дети твоей страны, которую я посетила много лет назад, живут в мире всего мира.

Э.-Л. Войнич».

Узнав от Петра Павловича, что скоро в Соединенные Штаты приедут советские писатели, Войнич попросила передать им ее приглашение посетить ее, особенно она хотела видеть господина Софронова, редактора журнала «Огонек», того журнала, благодаря которому она узнала о судьбе своего «Овода» в России, благодаря которому она познакомилась с советскими людьми, с советской девочкой...

Глава XI

17 НОЯБРЯ 1955 ГОДА

И вот этот день наступил. Рано утром 17 ноября в маленькую квартиру на семнадцатом этаже пришли семь советских людей — шестеро приехавших журналистов и Борисов.

Они принесли большой букет розовых хризантем. Шумные, взволнованные, они сразу притихли, войдя в маленькую гостиную, залитую утренним солнцем.

Сейчас они увидят автора «Овода», автора своей любимой книги, о котором они ничего не знали. Это было невероятно.

Но вот она вышла к ним, в коричневой юбке, в старенькой голубой кофточке, в черном вязаном платочке, пакнутом на плечи...

Ее голубые глаза останавливаются то на одном, то на другом. В маленькой гостиной от этих широкоплечих людей сразу стало тесно. И не на что их усадить. Но они не стесняются и садятся прямо на пол, у ее ног.

Отошли куда-то в сторону недавние впечатления от поездки по Соединенным Штатам. Советские журналисты возвратились памятью к своей юности, к тем незабываемым дням, когда впервые была прочитана книга об Оводе...

С благоговением смотрели на маленькую худенькую женщину, которая медленно, тихим голосом рассказывала им удивительные, никогда не слыханные ими истории. Она рассказывала им о своей юности, о жизни в Петербурге, о похоронах Салтыкова-Щедрина, о том, как она носила передачи политическим заключенным в тюрьму на Шпалерной. Она так хорошо это все помнит... И на листке бумаги Войнич рисовала расположение тюремных коридоров...

Потом они слушали ее рассказы о русских революционерах. Она дружила с ними, она любила их...

Нетерпеливые гости стали расспрашивать ее, как был создан роман «Овод».

Войнич умолкла, задумалась. Ей трудно говорить об этом, о самом сокровенном, о том, что не до конца ясно ей самой...

— Я лучше расскажу вам о том, кто помог мне стать писательницей, — сказала Войнич и попросила Анну принести старые письма и фотографии.

— Вот он, мой друг, ваш соотечественник.—И Войнич показала гостям фотографию Степняка.—Мы часто переписывались, но у меня сохранились только две его записочки и одно письмо.

И советские журналисты бережно передавали друг другу плотные листочки чуть желтоватой бумаги и переписывали в свои блокноты строчки из письма Степняка, в которых он угваривал милую Лили «попробовать свои силы на писательстве».

Представитель «Комсомольской правды» А. И. Аджубей попросил Войнич написать несколько слов, обращенных к советской молодежи. Под рукой не оказалось бумаги, и Аджубей протянул писательнице свой блокнот. Гости помогли ей сесть за стол. Войнич задумалась. Не-

сколько слов, а надо сказать самое главное... Гости отошли, чтобы не мешать ей.

И такими же ровными, прямыми буквами, какими когда-то был написан «Овод», уверенная рука вывела слова приветов:

To all children of the
Soviet Union: Happy
future in a world at
peace

E. L. Voinich.

New York, November 17th
1955.

«Всем детям Советского Союза: счастливого будущего в мире мира», и подписалась: «Э. Л. Войнич. Нью-Йорк, 17 ноября 1955».

Журналисты сфотографировались вместе с Войнич. Сняли ее вдвоем с госпожой Нилл. Но вот назначенное время истекло. Госпоже Нилл надо уходить на работу.

Гости бережно, по очереди, пожалы маленькую сухую руку Войнич...

Выйдя на улицу, журналисты захотели сфотографировать дом, где живет Войнич, где только что они испытали такие удивительные ощущения, но во всех пяти аппаратах запас пленки кончился — так много нащелкали снимков в комнате Войнич. Отойдя от дома, оглянулись еще раз и запечатлели в своей памяти унылый дом, осенний ветер, рвущий ржавые железные листы, и далекое окно на семнадцатом этаже, в которое смотрит своими ясными голубыми глазами замечательная женщина нашего времени.

Глава XII

АКВАМАРИН

Через день об этой знаменательной встрече сообщили радиостанции Советского Союза, советские газеты — и миллионы тех, кто любит роман «Овод», узнали, что автор его жива.

Вернувшись в СССР, журналисты рассказали о своей встрече с Войнич в газетах, журналах, по радио, на многочисленных вечерах. В редакции каждый день стали приходиться десятки писем. Читатели просили сообщить подробнее о жизни Войнич, приглашали писательницу приехать в СССР, выражали горячую любовь и признательность.

Борис Полевой, через иностранную комиссию Союза Советских писателей послал Войнич несколько изданий «Овода» на разных языках народов СССР, затем он обратился с такой же просьбой к писателям стран народной демократии, и Войнич получила польские, венгерские, болгарские, немецкие издания «Овода».

Затем из советских издательств Войнич перевели гонорар за издание ее романа. Эти деньги пришлось очень кстати — на маленькое жалованье госпожи Нилл им жилось очень трудно.

Многие советские читатели писали Войнич. Теперь на семнадцатый этаж унылого дома каждый день почтальоны приносили письма, бандероли с советскими марками. Госпожа Нилл подчас не успевала даже просматривать почту, да к тому же это было для нее затруднительно, так как по-русски читать она не умела.

Тихая квартира Войнич перестала быть тихой. Один за другим приходили к ней советские люди — журналисты, писатели, общественные деятели, члены делегации Организации Объединенных Наций.

Но самым желанным гостем по-прежнему была Иринка Борисова. Войнич очень полюбила ее родителей, но приход девочки был для нее настоящим праздником.

На рождество Ирина принесла Войнич в подарок нарядное издание сказок Пушкина. Войнич была глубоко тронута. Они уселись на диван и стали читать «Сказку о царе Салтане». Войнич читала вслух. Ей все было

понятно в этой сказке. Иногда лишь какое-либо слово казалось ей незнакомым, но через мгновение она его вспоминала. Но вот она прочитала:

Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку.

Тут Войнич вдруг остановилась.

— А что такое «зверюшка»? — спросила она.

Федосия Ефимовна объяснила ей, что такое «зверюшка». Войнич снова перечитала строчки из пушкинской сказки. Они показались ей очень смешными. Она лукаво посмотрела на Иринку и нараспев произнесла: «Зве-рю-у-шку». Они обе весело расхохотались. Потом Войнич стала читать дальше. Но через несколько минут опять произнесла нараспев «зверюшку» и опять весело рассмеялась. И позднее, на традиционном торжественном рождественском обеде, где речь шла о важных вещах, где читали письма из России, Войнич нет-нет, да лукаво взглядывала на девочку, и они обе заливались веселым смехом.

Войнич подарила Иринке в этот день маленькую брошку с прозрачным голубовато-зеленым камнем.

— Этот камень называется «аквамарин». «Аквамарин» — значит «морская вода». Я хочу, чтобы ты была как морская вода, — сказала Войнич, глядя Иринке прямо в глаза, — глубокой и чистой.

Глава XIII

РУССКИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

П. П. Борисов часто бывал у Войнич, рассказывал ей о Советском Союзе, приносил ей книги советских писателей. Писал Борисов о Войнич и в СССР. Только из его письма я наконец узнала точную дату — день и месяц рождения Войнич. Послала ей к этому дню поздравление, сообщила об этой дате и другим ее друзьям в СССР, те тоже послали ей поздравления.

Одиннадцатого мая 1956 года, день рождения Войнич, когда ей исполнилось девяносто два года, был для нее необычайным днем. Телеграмма, письмо, обклеенное нарядными марками, еще телеграмма, и все — из России.

И в этот день Войнич написала письмо в Россию. Наверху поставила дату: 11 мая 1956, Нью-Йорк. Первые строчки она написала по-русски:

«Дорогая Евгения Таратута.

Извините, пожалуйста, что я так долго не ответила на ваше письмо». (Писала по-старому, так, как писали много лет тому назад: в слове «Евгенія» стояло «и» с точкой, «отвѣтила» было написано через «ять», но твердых знаков Войнич уже не писала, она знала, что твердые знаки по новой орфографии в СССР не пишутся. Но все-таки по-русски ей писать было трудно, и дальше она писала по-английски.)

«Сегодня мне исполнилось 92 года. Это самый счастливый мой день рождения, потому что я получила ваше поздравительное письмо и поздравительные телеграммы от господина Софронова, и его сотрудников, и от Комитета Комсомола (она так и написала, латинскими буквами слова: «Komitet Komsomola»). Так что вы видите — это был настоящий русский день рождения.

Позвольте уверить вас, что я глубоко тронута вашим отношением ко мне, так же как и отношением столь многих других русских. Я так мало сделала, чтоб заслужить это.

Мой дорогой друг Анна Нилл и я хотим, чтобы вы приехали сюда и мы могли бы познакомиться с вами лично.

Анна и я старательно извлекали из моей памяти — да и сейчас продолжаем извлекать — ответы на ваши вопросы, но это трудная задача. Кроме того, у меня особенный недостаток, свойственный писателям: когда я нахожусь под давлением, я вдруг чувствую, что начинаю сочинять. Это так легко и так коварно!.. Я бы хотела снова поехать в Россию, но, к сожалению, это совершенно невозможно».

Последние строчки опять она написала по-русски:

«Очень теплое приветствие.

Лилия Войнич».

Вместе с этим письмом в конверт вложила свое письмо и Анна Нилл. Она сообщала, что на днях они пошлют фотографии Войнич и ее книги, ноты ее музыкальных произведений, фотокопии писем.

ПАКЕТ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

И вот драгоценный пакет прибыл в Москву.

Прежде всего я стала рассматривать прекрасный фотопортрет Э.-Л. Войнич работы Габора Эдера. На обороте рукой Анны Нилл написано сверху: «Э.-Л. Войнич сфотографирована 3 ноября 1944 года, вскоре после окончания романа «Сними обувь твою». (Так надо было перевести название этого романа!)

Затем — толстая книга. Этот самый роман — «Сними обувь твою», издания 1945 года.

Небольшая катушка фотопленки. Это копии писем С. М. Степняка-Кравчинского к ней, копия ее собственного письма, написанного еще в 1887 году одной приятельнице, титульные листы ее книг.

Три большие папки, скрепленные по корешку проволоочной спиралью, — ноты ее музыкальных произведений. Они напечатаны, как будто сфотографированы, и все слова и обозначения музыкальных терминов написаны почерком самой Э.-Л. Войнич. Это оратория «Вавилон», кантата «Подводный город» на стихи русского поэта, которые она сама перевела на английский, с соблюдением размера подлинника, так что эту кантату можно исполнять и на английском и на русском языках. И кантата «Эпитафия в форме баллады» на стихи французского поэта Франсуа Вийона, также переведенные ею на английский язык.

В круглой железной коробке лежала пленка небольшого кинофильма, снятого на квартире у Э.-Л. Войнич весной 1956 года.

...Я увидела дом, в котором она живет, — мрачное семнадцатипятиэтажное здание. Ее уютная комната, вся заставленная цветами и книгами. На стене — портрет итальянского юноши, с которого писательница взяла внешний облик Артура. И вот она сама, живая! Этель Лириан Войнич ходила по комнате, перелистывала ноты своих музыкальных сочинений, читала «Огонек» и смотрела на нас умным пристальным взглядом.

Кроме того, в пакете была драгоценная пачка тонкой и плотной бумаги: двадцать страниц на машинке ответов

на мои вопросы. После того как я месяцами разыскивала по одной строчке даже косвенные упоминания о ней, — получить вдруг целых двадцать страниц от нее самой! Чтобы не было никаких сомнений, она сама завизировала каждый из двадцати листочков: внизу каждой страницы проставлены знакомым почерком инициалы: «E. L. V.», и дата: «25. 4. 56».

Кроме ответов на мои вопросы, Э.-Л. Войнич прислала еще и копию статьи, написанной Анной Фриментал. В этой статье Анна Фриментал рассказывала об Э.-Л. Войнич, приводила подлинные слова писательницы и цитировала документы из ее архива.

Я читала и перечитывала драгоценные двадцать страниц, подписанные ее рукой. Э.-Л. Войнич писала о том, как она попала в Россию, как познакомилась со Степняком, как у нее возник замысел романа «Овод» и о многом другом.

Оказывается, она познакомилась со Степняком в конце 1886 года. Они сразу подружились, и Степняк помог ей осуществить давно возникшее желание побывать в России. В России она была с весны 1887 года до начала лета 1889 года.

Мое предположение, что она сначала познакомилась со Степняком, а потом уже, через него, попала в семью Карауловых, оправдалось. И теперь стало бесспорно ясно, что И. И. Попов никогда не видал Э.-Л. Войнич. А она никогда не видала ни В. А. Караулова, ни Якубовича, ни, естественно, самого И. И. Попова!

Так даже, казалось бы, не вызывающие сомнения исторические документы — мемуары современников — при проверке оказываются недостоверными. Каждый документ, каждое свидетельство требует проверки!

Как же получилось с И. И. Поповым? Не знаю, могу только предполагать. Вероятно, он слышал об Э.-Л. Буль от Прасковьи Карауловой, рассказывал об этом другим, а потом уже ему показалось, что он сам встречался с будущим автором «Овода»...

Действительно, Э.-Л. Войнич приехала в Берлин в 1882 году и училась там три года. После окончания консерватории она около года провела в Париже и только уж потом поехала в Россию...

Так наконец разрешилась одна из загадок.

Через некоторое время Э.-Л. Войнич прислала книгу своих переводов писем Шопена (этой книги я не могла найти ни в одной библиотеке Советского Союза), прислала другие свои романы, фотокопию своего портрета, нарисованного ее знакомой, художницей Кларой Клингхоффер, в 1949 году.

Прислала Э.-Л. Войнич дорогой памятный подарок — маленький перочинный ножичек с перламутровым черенком, принадлежавший когда-то еще ее мужу. Этим ножичком в 1897 году Э.-Л. Войнич разрежала первый экземпляр «Овода».

Я посылала Э.-Л. Войнич разные советские издания «Овода», афиши спектаклей «Овод», журналы, газеты, в которых рассказывалось о ней. Посылала ей альбомы с видами Москвы, Ленинграда, посылала наши кустарные игрушки, которые напоминали ей ту Россию, где она бывала когда-то...

Э.-Л. Войнич и госпожа Нилл писали мне.

Я продолжала свои поиски и исследования.

Познакомилась я с вдовой писателя А. С. Новикова-Прибоя — Марией Людвиговной. Она рассказала мне, что еще маленькой девочкой она жила у Степняка и однажды вместе с ним была в гостях у Э.-Л. Войнич.

Писатель Александр Леонидович Слонимский, автор замечательной книги о декабристах «Черниговцы» и большой специалист по Пушкину, рассказал мне, что много слышал о Войнич от своей тетки, Зинаиды Афанасьевны Венгеровой, которая первая перевела «Овод» на русский язык. Муж З. А. Венгеровой, поэт Н. М. Минский, тоже был знаком с Э.-Л. Войнич. Александр Леонидович посоветовал мне посмотреть архивы Венгеровой и Минского, которые хранятся в Ленинграде, в Пушкинском доме. И действительно, там сохранились три письма Э.-Л. Войнич, адресованных Н. М. Минскому.

В. П. Скороходов прислал мне из Иркутска найденную там в архиве фотографию Михаила Войнича, такую же, какая была опубликована в словаре «Деятели революционного движения в России».

Академик А. И. Белецкий сообщил о письмах Э.-Л. Войнич и ее мужа, сохранившихся в архивах Украины. Я поехала в Киев и во Львов и нашла там очень много интересного.

Краевед А. Г. Петров из Ленинграда прислал разысканный им адрес дома в Петербурге, в котором жила Э.-Л. Войнич в 1887—1889 годах. Дом этот сохранился, и от другого краеведа, И. К. Воложенинова, я получила фотографию этого дома.

Особенно щедро и постоянно помогает мне исследователь жизни и творчества Короленко — Александр Вениаминович Храбровицкий: дня не проходит, чтобы он не сообщил чего-либо чрезвычайно интересного.

Всех знакомых, кто ездил в Америку, я просила известить Э.-Л. Войнич. Так, побывал у нее художник Виталий Николаевич Горяев, рисовал ее. Были у нее в день ее 95-летия и поздравили ее с днем рождения артисты балета Большого театра — Сусанна Звягина, Катя Максимова и Ярослав Сех. А кинооператор Евгений Аккуратов снял этот визит на пленку, и вы можете увидеть Э.-Л. Войнич в документальном фильме «Советскому балету рукоплещет Америка»...

С тех пор как я пошла по следам «Овода», у меня появилось множество друзей, отзывчивых, добровольных, неутомимых помощников.

Со всех концов знакомые и незнакомые люди сообщали мне разные сведения, относящиеся к «Оводу».

Имя «Войнич», как волшебное слово «сезам», открывало сердца, музеи, библиотеки, ящики письменных столов...

Я продолжала свои поиски и исследования. И мало-помалу мне становилось понятно, почему роман английской писательницы об итальянском революционере нашел свою родину в России, мне стало ясно, пламень какой борьбы воодушевлял Э.-Л. Войнич, я узнала, кому она хотела помочь.

И мало-помалу в моем представлении сложился обаятельный образ замечательной писательницы — создательницы романа «Овод». Так и получилась вторая часть книги, которая называется: «Своя англичаночка», или Достоверная повесть об авторе «Овода» и ее русских друзьях».

„СВОЯ АНГЛИЧАНОЧКА“,
 или
 ДОСТОВЕРНАЯ ПОВЕСТЬ
 ОБ АВТОРЕ „ОВОДА“
 И ЕЕ РУССКИХ
 ДРУЗЬЯХ

Глава I

ИТАЛЬЯНСКИЕ БЕГЛЕЦЫ

В те редкие вечера, когда мать была не занята, девочки окружали ее и просили рассказать что-нибудь. Самым любимым был рассказ об итальянских беглецах.

— Однажды, в начале 1859 года, — начинала мать, — во время бури, к берегу Ирландии, неподалеку от места, где мы тогда жили, пристал корабль. На берег сошли бледные, худые, изможденные люди. Они опустили на колени и стали целовать землю. Это были итальянские патриоты. Мы приютили в своем доме двоих из них. Их звали — граф Кастелламаре и Карло Поэрио.

Они рассказали нам свою историю. Их арестовали после разгрома революции 1848 года, и больше десяти лет они томились в заключении, в мрачной австрийской крепости Шпильберг. Передовые люди в Европе требо-

вали облегчения их участи, и итальянский король решил выпустить их из тюрьмы, но жить на родине он им не разрешил, а велел отправить на вечное изгнание в Америку. В Неаполе шестьдесят шесть человек узников погрузили на корабль и отправили в Испанию. Там их пересадили на американский корабль, чтобы везти в Нью-Йорк.

Как только сопровождавший их итальянский военный корабль повернул домой, изгнанники потребовали, чтобы капитан отвез их не в Америку, а в Англию. Капитан отказался. Тогда весь экипаж корабля стал на защиту изгнанников.

Оказалось, что в Испании в числе матросов на корабль нанялся родной сын одного из изгнанников — Луиджи Сеттембрини — Раффаэлли. Раффаэлли хорошо знал морское дело и имел звание помощника штурмана. В первые же дни он привлек матросов на свою сторону, и, когда капитан отказался выполнить требование изгнанников, Раффаэлли взял управление кораблем в свои руки. Капитану ничего не оставалось, как сдаться.

И вот изгнанники прибыли в Ирландию. Они были так слабы, что едва могли двигаться. Особенно плохо было здоровье Карло Поэрио. До революции он был учителем, а во время недолгого пребывания либералов у власти в Неаполе был там министром просвещения. Австрийцы жестоко расправились с ним, приговорив его к двадцати четырем годам заключения в цепях. Десять лет тюрьмы сделали его стариком. Еще на корабле он с трудом находил силы, чтобы встать с постели и посидеть час-другой на палубе, любуясь морем и дыша свежим воздухом, которого он так долго был лишен. У нас он стал быстро поправляться, — добавляла мать.

Старшая девочка, Мэри, всегда вмешивалась в рассказ матери. Мэри уверяла, что это она сама спасла итальянцев и прятала их на чердаке дома. Ей тогда было три с половиной года. Граф Кастелламаре полюбил Мэри, и приглашал девочку с родителями приехать в Италию после ее освобождения.

Вскоре оба беглеца отправились в Лондон, чтобы присоединиться там к итальянским эмигрантам, к тем, кто боролся за освобождение Италии.

— Однако,— всегда заканчивала свой рассказ мать,—

когда Италия освободилась от австрийского ига, ни вашего отца, ни Поэрио, ни Каstellамаре уже не было в живых...

Так итальянская революция вошла в жизнь Этель Лилиан.

Глава II

ОТЕЦ И МАТЬ

Своего отца Этель Лилиан совсем не знала. Он умер, когда ей исполнилось всего полгода. Но мать часто рассказывала девочкам об отце. Это был замечательный человек.

Джордж Буль родился в Англии, в Линкольне, в 1815 году, в семье бедного сапожника. Самоучкой изучил языки, математику. Он свободно владел немецким, французским, латынью и греческим. В шестнадцать лет он сам стал учителем и преподавал математику и латынь в одной частной школе. Однако там он удержался недолго. Местные священники и учителя преследовали его за то, что он занимался математикой... и по воскресеньям. Они молились за него в церкви, прося, чтобы бог вразумил нечестивца. Вскоре Джордж Буль открыл свою небольшую школу. В свободное время он писал стихи, переводил древних греческих и римских поэтов, занимался философией. Товарищи отмечали его глубокий ум и обширные познания. Высокая цель — овладеть законами мышления — влекла молодого учителя.

Свои первые научные труды по математике Джордж Буль опубликовал, когда ему исполнилось двадцать шесть лет.

В 1849 году в старинном ирландском городе Корке было открыто новое учебное заведение — Колледж Королевы. Джорджа Буля пригласили преподавать там математику.

В 1857 году Джордж Буль был избран в члены Королевского общества, которое объединяло самых крупных ученых Англии, а через год его избрали почетным членом Кембриджского философского общества. Однако подлинное признание труды Джорджа Буля получили только после его смерти. Джордж Буль считается создателем

раздела науки, который называется «математическая символическая логика». Это на ее основе развивается современная кибернетика.

В 1855 году Джордж Буль женился на дочери ректора колледжа в Глочестере, почтенного Теодора Эвереста, Мэри. Это была культурная, образованная семья. Родной брат отца Мэри, Джордж Эверест, был крупным инженером и географом. Он первый исследовал Гималайские горы, высочайшая вершина которых и была названа в его честь — Эверест.

Мэри усердно помогала мужу в его трудах, переписывала его рукописи, правила корректуры его сочинений. У них было пять дочерей. Старших девочек звали Мэри, Алиса, Маргарет и Люси. Младшая родилась 11 мая 1864 года, там же, в Корке. Назвали ее Этель Лилян. Это и была будущая писательница.

А через несколько месяцев, 8 декабря 1864 года, Джордж Буль умер. Он хотел навестить друга, попавшего в беду, и, несмотря на протесты домашних, прошел пешком две мили под проливным дождем. Тяжелое восхождение легких свалило его. Ему было всего 49 лет...

Пять маленьких девочек — и никаких средств к существованию. Так приходилось Мэри Буль начинать самостоятельную жизнь. Она переехала с детьми в Лондон и стала давать уроки математики, писала статьи в газетах и журналах по различным вопросам.

Ее мечтой было дать дочерям хорошее образование. Особенно блестящими способностями отличалась младшая дочь. Этель росла очень впечатлительной, но сдержанной девочкой. Училась она с увлечением. Науки, языки давались ей легко, но на систематическое образование у матери не было средств.

Больше всего Этель влекла музыка. Ее музыкальная одаренность проявилась, когда ей едва исполнилось пять лет. Время от времени, когда в доме были свободные деньги, Этель брала уроки музыки. Но это бывало крайне редко. Большею частью они жили в горькой нужде, иногда приходилось даже голодать.

В Линкольне, где родился Джордж Буль, и в Корке, где он работал, были открыты мемориальные доски в его честь, в честь его заслуг перед наукой, а его дочери не могли учиться...

Мэри Буль работала целыми днями и не могла уделять много внимания детям, но в доме всегда бывал народ, велись беседы на разнообразнейшие темы.

Летние каникулы девочки часто проводили на берегу моря, на юго-западе Англии, в Корнуэле, в рыбацьем поселке. Этель наблюдала суровый труд рыбаков. Ей нравился их певучий корнуэльский говор, так отличающийся от обычной английской речи. Ее привлекали мужественные, честные сердца рыбаков.

Глава III

ТОЛЬКО ТРИ СЛОВА

Когда Этель было восемь лет, она тяжело заболела. Мать не могла обеспечить хороший уход за девочкой и отправила ее к дяде, брату Джорджа Буля, который работал управляющим на шахте в Ланкашире.

Это был мрачный, фанатически религиозный человек. Он считал, что все люди от рождения, по своей природе, грешники и его долг — исправлять людей, беспощадно карая их за грехи. Наказывать и истязать было для него самым большим наслаждением.

Однажды дядя обвинил Этель в краже куска сахара и потребовал, чтобы она созналась в своем преступлении. Но Этель не брала сахара и не сознавалась. Дядя не слушал ее уверений и запер больную девочку одну в темной комнате.

На улице было так хорошо! Там светило солнце и пели птицы. Достаточно только сказать: «Да, я взяла сахар», и попросить прощения, и ее отпустят туда — к солнцу, цветам и птицам. Только три слова... Но Этель молчала. Тогда дядя пригрозил, что силой введет ей в рот химическое вещество, которое обнаружит, что она съела сахар.

— Я утоплюсь в пруду, — сказала Этель.

И дядя понял, что она так и сделает. Он отступился от девочки. А у нее потом был тяжелый нервный припадок.

На всю жизнь запомнила Этель несправедливость и жестокость этого человека, который творил их во имя бога.

Глава IV

«СЧАСТЛИВОЙ МОШКОЮ ЛЕТАЮ...»

Этель много читала. Родная английская литература раскрывала перед ней свои богатства. Этель легко запоминала стихи, которые ей нравились. Радостно повторяла она звучные и мудрые строки Вильяма Блейка. Особенно любила она его книгу стихов «Песни опыта», а самым любимым было стихотворение «Мошка». Ей нравилась милая и грустная музыка этого стихотворения:

Твою игру прервала
Я летнею порой
И крылышки сломала
Небрежною рукой.

Похожа ль я на мошку
Такую же, как ты?
А может быть, найдешь ты
Во мне свои черты?

Беспечно я танцую,
Пою я, как во сне,
Пока судьба вслепую
Сломает крылья мне.

В мышление — жизни сила,
Дыхание и свет,
Без мысли — мрак могилы
И жизни вовсе нет...

Счастливой мошкою
Летаю,
Живу ли я
Иль умираю¹.

А потом произведения Вильяма Шекспира, Джона Мильтона, Перси Биши Шелли вошли в ее жизнь, и эти великие английские поэты стали ее постоянными спутниками.

---

¹ Перевод Е. И. Градиной.

Настольной книгой в семье была библия. Ее грозные и трогательные образы, героические истории производили на Этель всегда огромное впечатление.

Много читала она греческих и римских писателей, особенно восхищаясь историей жизни греческого философа Сократа, его мужеством, его преданностью своим убеждениям. Выше жизни ценил Сократ свои идеи и умер за них. А ведь он мог бы спастись. Достаточно было сказать: «Да, я неправ!» — только три слова, но он не сказал этого и должен был умереть...

Глава V

КАКОЙ ЖЕ ПУТЬ ИЗБРАТЬ?

В 1882 году Этель получила небольшое наследство. Наконец-то можно будет заняться музыкой всерьез! Этель решила поехать в Берлин и стать пианисткой.

Три года проучилась она в Берлинской консерватории и окончила ее в 1885 году по классу фортепьяно. Любимым ее композитором был Иоганн Себастьян Бах.

После напряженных лет учения нужно было отдохнуть.

Этель поехала путешествовать. Она провела несколько месяцев в Шварцвальде, побывала в Люцерне, а потом поехала в Париж.

Она прожила в Париже почти год. Это был знаменательный год в ее жизни. Кончалась юность. Надо было избрать свой путь. То, о чем она мечтала — быть пианисткой, — невозможно. После окончания консерватории Этель заболела — непонятная судорога сводила ей руки. И врачи сказали, что это неизлечимо...

Какой же путь избрать? Каков бы он ни был, это должен быть ее собственный путь.

Жизнь так прекрасна, но в ней так много страданий! Человек, его личность — самая великая святыня, но сколько людей лишены счастья свободы, находятся в вечном угнетении! Этель хотела, чтоб все люди были свободны.

Свобода! Нет такой цены, которая была бы слишком дорога для нее. Да, во все времена, во всех странах люди

боролись за свободу, принося в жертву этой борьбе свою жизнь.

Прекрасная страна Италия. Но как долго она была угнетена! Как мужественно итальянцы боролись за свободу! Этель никогда не забывала рассказ матери об итальянских беглецах.

Запомнила Этель на всю жизнь и то восхищение, которое вызывал Джузеппе Мадзини у многих англичан. Впервые она услышала это имя, когда ей было восемь лет. Ее двоюродная сестра, Мэри Катарина Буль, уже взрослая, восемнадцатилетняя девушка, читала газету и вдруг разрыдалась.

— Мадзини умер! — твердила она и на тревожные вопросы Этель рассказала ей о нем.

Позднее, когда Этель было уже пятнадцать лет, она прочитала книгу о Мадзини, и он стал властителем ее дум.

Всю свою жизнь Джузеппе Мадзини посвятил освобождению родины. Только она, любимая Италия, была его единственной страстью. Отдать все силы для ее свободы было для него непреодолимой потребностью. Жизнь представляла для него цену, только если она была посвящена идее. Еще совсем молодым юношей Мадзини вошел в тайную организацию карбонариев. Вскоре он был арестован, приговорен к смертной казни, но затем выслан во Францию. Там, в Марселе, он создал тайную организацию «Молодая Италия», поставившую себе целью освобождение страны от ига австрийских захватчиков, объединение Италии и провозглашение республики. И с тех пор, проведя почти всю жизнь в изгнании, он боролся за свободу родины.

Прочитав, что Мадзини в юности решил одеваться во все черное, как бынося траур по своей угнетенной родине, Этель тоже некоторое время одевалась только в черное — «в знак скорби по печальному состоянию всего мира», как она говорила.

Но Этель уверена, что так продолжаться не может, что скоро все люди будут свободны. Она твердит свои любимые стихи американского поэта Уота Уитмена о свободе:

Что? Этот дом заколочен? Хозяин куда-то исчез?

Ничего, приготовьтесь для встречи, ждите его неустанно,

Он скоро вернется, вот уже идут его вестники,

И, как клятву, повторяет строку: «Свобода! пусть другие не верят в тебя, но я верю в тебя до конца!»

Она верит в то, что свобода наступит. Но когда? И как это будет?

Глава VI

«ПОДПОЛЬНАЯ РОССИЯ»

Все чаще и чаще Этель думает о России. Об этой великой, загадочной и несчастной стране.

Она вспоминает 1881 год. Ей не исполнилось еще семнадцати лет. Каким потрясением для нее было узнать, что кучка заговорщиков там, далеко, в снежной России, убила своего царя! До какого отчаяния должны были прийти люди, чтоб, жертвуя своей жизнью, попытаться добыть свободу своему народу таким ужасным способом!

Это настоящие герои! А может быть, это просто злодеи?

Их казнили, заточили в крепости, сослали в Сибирь, а трон убитого занял новый царь...

Этель жадно ловила каждое слово о России, ища объяснения этой трагедии. Но газетные сообщения казались ей противоречивыми и недостоверными. Неужели в России действительно так ужасно?

Вскоре она прочитала книгу, которая ей все разъяснила. Эта книга называлась «Подпольная Россия». Она появилась на английском языке в 1883 году, это был перевод с итальянского. В предисловии к книге известный русский революционер Петр Лавров, уже давно вынужденный бежать из России, рассказывал, что автор книги, Степняк, — один из видных русских революционеров...

Яркими, сильными штрихами излагал автор историю революционного движения в России. Но книга эта меньше всего походила на историю. Скорее всего, это была вдохновенная ода героям и жертвам революции.

Основную часть книги составляли очерки о Вере Засулич, Софье Перовской, Петре Кропоткине и о других русских революционерах-народниках.

Теперь мы знаем, что теория и практика их были ошибочны, но их действия были продиктованы горячей любовью к родине, а личности — героичны.

Не умея постичь законов развития общества, они вступили в единоборство с самодержавием, полные решимости отдать свою жизнь за свободу родного народа. Не умел постичь этих законов и сам автор.

Эти очерки вовсе не были обстоятельными жизнеописаниями героев — это были бесхитростные рассказы соратника и друга, который безгранично любил их, хорошо знал и умел описать их искренне, талантливо и правдиво.

Герой, считал он, — это обыкновенный человек, со слабостями и странностями, с обыкновенными человеческими недостатками, необыкновенна лишь его страсть к свободе, к борьбе за свободу, которой посвящена вся его жизнь, до последнего вздоха. Бесстрашной смертью своей утверждает герой свою правоту и свое бессмертие. Необыкновенна его верность своим идеям, вера в их торжество. Пусть он молод, но воля его закалена и непреклонна. Таких людей немного на свете, но значение их примера как образца для подражания огромно.

Вдохновенные слова звучали, как гимн:

«Среди коленопреклоненной толпы он один высоко держит свою гордую голову, изъязвленную столькими молниями, но не склонявшуюся никогда перед врагом.

Он прекрасен, грозен, неотразимо обаятелен, так как соединяет в себе оба высочайших типа человеческого величия: мученика и героя.

Он мученик. С того дня, когда в глубине своей души он поклялся освободить родину, он знает, что обрек себя на смерть. Он перекидывается с ней взглядом на своем бурном пути. Бесстрашно он идет ей навстречу, когда нужно, и умеет умереть не дрогнув, но уже не как христианин древнего мира, а как воин, привыкший смотреть смерти прямо в лицо.

В нем не осталось ни тени религиозного подвижничества. Это боец весь из мускулов и сухожилий, ничем не напоминающий мечтательного идеалиста предыдущей эпохи. Он человек зрелый, и неосуществимые грезы его молодости исчезли с годами.

...И эта-то всепоглощающая борьба, это величие задачи, эта уверенность в конечной победе дают ему тот холодный, расчетливый энтузиазм, ту почти нечеловеческую энергию, которые поражают мир. Если он родился

UNDERGROUND RUSSIA

REVOLUTIONARY PROFILES AND

SKETCHES FROM LIFE

BY

STEPNIAK

FORMERLY EDITOR OF 'ZEMLIA I VOLIA' (LAND AND LIBERTY)

WITH A PREFACE by PETER LAVROFF

TRANSLATED FROM THE ITALIAN

SECOND EDITION

LONDON

SMITH, ELDER, & CO., 15 WATERLOO PLACE

1883

[All rights reserved]

Титульный лист английского издания книги С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». Из этой книги Э.-Л. Войнич узнала правду о русских революционерах.

смельчаком — в этой борьбе он станет героем; если ему не отказано было в энергии — здесь он станет богатырем; если ему выпал на долю твердый характер — здесь он станет железным...»

Рассказывая о своих друзьях, автор говорил, что они вызывают в нем чувство безграничного восторга и удивления.

Это чувство передавалось и читателю.

Для Этель «Подпольная Россия» была настоящим откровением. Она читала и перечитывала эту книгу, волнуясь и восхищаясь.

Вот это люди! Что же это за народ, который рождает таких героев? Что же это за страна? Действительно ли там так ужасно живется? Действительно ли там есть такие герои? Это надо увидеть самой. Ведь именно такой человек — самоотверженный, мужественный — был героем ее мечты. Да, именно такой!..

И возникло стремление поехать в Россию.

От денег, полученных в наследство, осталась еще небольшая сумма, на дорогу туда и обратно хватит. На жизнь там можно будет заработать уроками музыки и английского языка.

Но как страшно поехать, не умея говорить по-русски! И как увидеть революционера, как попасть в эту «подпольную» среду? Ведь это не так легко иностранке. И как надо быть осторожной: нельзя слова сказать — могут схватить, посадить в крепость... Страшно. Но ведь тем, героям, было гораздо страшнее. Но ведь живут же там люди...

Глава VII

ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

В смятении Этель без усталости бродила по улицам Парижа. Иногда целые дни проводила в музеях. Больше всего ей полюбился Лувр. В прохладных и торжественных залах старинного дворца собраны величайшие сокровища искусства, прекраснейшие произведения человечества, привезенные со всех краев света.

В длинном черном платье, стремительным шагом шла Этель мимо прекрасных греческих статуй, египетских

сфинксов, бессмертных полотен итальянских, испанских, фламандских, французских мастеров.

Каждый раз она направлялась в Квадратный салон. В Квадратном салоне висела одна из самых изумительных и прославленных в мире картин — «Джоконда» работы Леонардо да Винчи. Возле «Джоконды» всегда стоят люди — туристы из всех стран, художники, поклонники красоты.

Но Этель проходит и мимо «Джоконды».

Тут же, в Квадратном салоне, висит скромный портрет итальянского юноши. По каталогу картина значится за номером 1644 и называется: «Портрет молодого человека». Имя его неизвестно. Неизвестно точно и имя художника. Некоторые приписывают «Портрет молодого человека» кисти самого Рафаэля. Но это сомнительно. Вероятнее всего, создателем картины был миланец Франческо ди Кристофано, прозванный Франчабиджо. Он жил четыреста лет назад.

Уже который раз приходит Этель в Квадратный салон и все не может насмотреться на эту картину.

Юноша стоит полуоблокотившись на парапет. Он весь в черном, в черном берете. Над ним голубое небо, сзади него деревья спокойно вздымают свои гибкие ветви к спокойному голубому небу, а в глазах юноши бесконечная скорбь, след долгого, глубокого и скрытого страдания. Губы его сжаты. Он не взывает к небесам, он не ищет сочувствия, он не тщеславится своим великим горем — он мужественно переносит его. Вся фигура его полна скрытой силы, огромной боли, замкнутости.

Этель купила большую копию этой картины, повесила ее у себя и с тех пор не расставалась с нею.

Казалось, все ее смутные стремления приобрели видимую форму, воплотились в этом образе. Вот каким будет ее герой: он принесет себя в жертву своей идее. Скорбь не сломит его, не изуродует, он перенесет все и останется человеком.

Он обыкновенный человек, необыкновенна лишь его страсть к борьбе за свободу, необыкновенна его верность своим идеям, вера в их торжество, которой посвящена вся его жизнь, до последнего вздоха; бесстрашной смертью своей утверждает он свою правоту и свое бессмертие.

Он молод, он так еще молод, но воля его закалена и непреклонна.

Он прекрасен, грозен, неотразимо обаятелен!..

Этель любила его всегда. Она смотрит на портрет: да, вот он какой. Но она хочет увидеть его живого. Она должна его увидеть. Она блуждает во мраке — он нужен ей как солнечный луч!..

Снова и снова думала Этель о России. Ей казалось, что только там она увидит воочию настоящего героя.

Ехать или не ехать?

В тревожном смятении возвращается Этель из Парижа на родину.

Однажды она целую ночь провела без сна, отчаянно борясь с собой, стараясь отказаться от поездки в Россию и чувствуя необходимость ехать.

И решение было принято: ехать!

Глава VIII НОВЫЙ ДРУГ

Этель хотела познакомиться лично с кем-либо из русских революционеров, живущих в Лондоне.

В Англии издавна находили убежище борцы за свободу, изгнанные из родных стран. Жили в Лондоне Александр Герцен, Джузеппе Мадзини, Карл Маркс. В годы молодости Этель в Лондоне жил Фридрих Энгельс. Хотя центр деятельности русских эмигрантов находился в ту пору в Швейцарии, но и в Англии жили некоторые видные русские революционеры.

Приятельница Этель, Шарлотта Вильсон, издательница журнала «Свобода», знала многих русских. К ней-то и обратилась Этель. Шарлотта Вильсон охотно откликнулась на ее просьбу и познакомила ее со Степняком. Это произошло в конце декабря 1886 года.

Этель сохранила его первое письмецо к ней. Оно было написано 22 декабря 1886 года. Степняк писал ей (по-английски):

«Дорогая мисс Буль.

Я очень буду рад познакомиться с Вами и быть Вам полезным. Ближайший четверг вполне меня устраивает.

Госпожа Вильсон полагает, что во второй половине дня для Вас удобнее всего, и я буду ждать Вас около 4 часов пополудни.

Искренне Ваш *Степняк*.

Р. S. Ближайшая станция — Сент-Джон Вуд Род — 5 минут, от Бекер-Стрит — 12 минут».

С первой же встречи между русским революционером и молоденькой англичанкой установилась глубокая сердечная близость.

Степняк от души поддержал ее решение и помогал ей всеми силами. Он вместе с женой стал заниматься с Этель русским языком. Она делала блестящие успехи. Ей понравился русский язык, она старалась проникнуть в самую его суть, овладеть самым духом его.

Степняк, страстно влюбленный в русскую литературу, привил эту любовь и своей ученице. Через некоторое время Этель уже читала в подлиннике Лермонтова. «Демон» произвел на нее потрясающее впечатление. Она знала и оперу, написанную на сюжет «Демона» известным русским композитором Антоном Рубинштейном.

Этель все больше и больше привязывалась к своим новым друзьям. Степняк и его жена Фанни Марковна звали ее по-своему — «Лили», а Степняк часто называл ее ласково-шутливо «Булочка».

Лили жадно слушала рассказы Степняка о его друзьях — о тех, кто уже отдал свою жизнь за свободу родины, о тех, кто томится в страшных темницах и в далеких сибирских рудниках, о тех немногих, кто уцелел и пытается продолжать борьбу.

О себе Степняк рассказывал мало. Но из обмолвок, из случайных бесед Лили кое-что узнала о жизни человека, который ей так полюбился. И какая это была красивая, героическая жизнь!

Глава IX

КТО БЫЛ ЕЕ НОВЫЙ ДРУГ

Настоящая фамилия Степняка была Кравчинский. Звали его Сергей Михайлович. Он был на тринадцать лет старше Лили. Родился он на Украине, в семье

военного врача. Так уж, по отцовской линии, попал он в военную гимназию, а оттуда — в артиллерийское училище в Петербурге. Но военная служба вовсе не прельщала его, он не мыслил свое пребывание в армии, служащей угнетателям народа. Уже в училище подружился он с товарищами, которые, так же как он, видели целью своей жизни помощь народу. В 1871 году Сергей Михайлович вышел в отставку и поступил в Лесной институт. Это было время, когда передовая молодежь России решила деятельно помочь своей стране и пошла агитировать «в народ».

Лили теперь по-новому перечитывала «Подпольную Россию». Когда она читала: «Дмитрий Рогачев с одним из своих друзей отправились в качестве пильщиков в Тверскую губернию для пропаганды среди крестьян», она уже знала, что «один из друзей» Рогачева — это и был сам Сергей Михайлович. Веселый, добродушный, он удивительно легко находил общий язык с крестьянами и рабочими. В это же время он написал несколько пропагандистских сказок. В лубочных обложках, под видом самых обычных народных сказок, они были изданы в Лондоне. Для отвода глаз на них было напечатано: «дозволено цензурой», хотя, конечно, никакая цензура их не пропустила бы. В этих сказках он в простой и доступной форме излагал идеи социализма, рассказывал о Международном товариществе рабочих, призывал к бунту.

Царское правительство стало жестоко преследовать пропагандистов социализма, или пропагаторов, как их тогда называли. Было арестовано несколько сот человек, и 193 из них — лучшие юноши и девушки России — были преданы суду.

Сергей Михайлович тоже был арестован в 1873 году, но бежал, а затем ему удалось скрыться за границу. Некоторое время он жил в Париже. Но, когда в 1875 году в Герцеговине вспыхнуло восстание против турецкого ига, он решил ехать на помощь восставшим. Кроме того, Кравчинский считал, что ведь и русским революционерам не избежать открытой вооруженной борьбы и надо готовиться к ней, надо изучить опыт партизанской борьбы. О своей личной безопасности, о том, что он рискует жизнью, он, конечно, не думал.

После Герцеговины Кравчинский очутился в Женеве.

Там он строил планы поднять восстание на Урале, но, приехав в Россию, убедился, что это невозможно. Его кипучая натура требовала действия. Он снова поехал за границу.

Узнав, что его итальянские друзья организуют вооруженное восстание, он примкнул к ним. В апреле 1877 года Кравчинский с друзьями поднял знамя восстания в горах итальянской провинции Беневенто. Восставшие захватили власть в свои руки в нескольких районах, разрушали правительственные учреждения, сжигали бумаги, которые касались налогов на крестьян. Вскоре все повстанцы были арестованы и приговорены к смертной казни. Но казнь оттягивали со дня на день, и Кравчинский решил, чтоб время не пропадало зря, изучить итальянский язык. Через несколько месяцев он уже свободно говорил, читал и писал по-итальянски. Так прошло девять месяцев в ежедневном ожидании казни. Но тут умер итальянский король, а новый помиловал узников.

С начала 1878 года неутомимый Сергей Михайлович снова в Женеве. Он пишет статьи о русских революционерах, о восстании в Беневенто и вскоре опять едет в Россию.

Здесь, живя нелегально, он принял участие в организации партии «Земля и воля», вместе с друзьями издавал журнал «Земля и воля».

Царские слуги все более свирепо и жестоко расправляются с революционерами. Кравчинский приходит к мысли убить шефа жандармов Мезенцова, предавшего смерти многих юношей и девушек.

«Смерть за смерть!» — провозгласил Кравчинский. Пистолет? Нет, слишком часто бывают осечки. Кинжалом гораздо вернее. Он привез один из Италии, тамошние партизаны обучили его владеть этим оружием храбрых. И среди бела дня на одной из людных площадей Петербурга Сергей Кравчинский убил шефа жандармов. Вся петербургская полиция по личному распоряжению царя искала убийцу, а Кравчинский жил тут же, в столице, в самом центре, и не хотел никуда уезжать. Другьям только хитростью удалось заставить его уехать за границу, хотя бы на время. Кравчинский уехал в Швейцарию, думая вскоре вернуться...

Но вернуться на родину больше было невозможно.

Его фотографии были разосланы во все жандармские управления Российской империи. Даже здесь, за границей, агенты царской полиции следили за каждым его шагом.

Как только речь заходила о возвращении в Россию, Лили читала в глазах Сергея Михайловича глубокую, тайную, непроходящую тоску.

Он никогда не жаловался, но Лили понимала, что годы скитаний по Европе были годами жестокой нужды, голода и холода. А их было уже двое. Как раз в это время приехала из России и стала его женой Фанни Марковна Личкус.

Сначала они жили в Швейцарии. Кравчинский начал переводить произведения европейских писателей на русский язык. Ему вовсе не все равно было, что переводить. Он продолжал свою борьбу.

Одной из первых его работ был перевод романа гарибальдийца Рафаэлло Джованьоли «Спартак». Перевод был напечатан в петербургском журнале «Дело». Без имени переводчика, конечно. Там же ему удалось напечатать биографию знаменитого вождя итальянского народа Джузеппе Гарибальди.

Но в это время царское правительство стало требовать, чтобы Швейцария выдала Кравчинского, и Сергей Михайлович вместе с женой переехал в Италию.

После убийства Александра II вся Европа обратила взоры на Россию. Кравчинский начал публиковать в итальянской печати очерки о русских революционерах. В 1882 году они вышли в Милане отдельной книгой под названием «Подпольная Россия». Сергей Михайлович в честь своей родины, вспоминая родные украинские степи, взял себе псевдоним «Степняк».

Степняк — под этим именем его узнали читатели Европы и Америки.

Лили рассматривала экземпляры «Подпольной России» на итальянском, французском, немецком, английском языках. Книга была издана также в Дании, Португалии, Японии, Америке. Фанни Марковна вырезала из газет рецензии на «Подпольную Россию» и складывала их в особую папку. Рецензий было очень много.

Во всем мире читали «Подпольную Россию»... но в Российской империи эта книга была запрещена.

Вот уже около трех лет Степняки живут в Лондоне. Он продолжает сражаться за свободу своей родины и здесь. После «Подпольной России» он выпустил на английском языке еще две книги, характеризующие положение в России. Сейчас пишет третью — большую книгу о русском крестьянстве.

Степняк использует малейшую возможность служить своей родине. Но англичане, американцы, французы не верят его статьям, его книгам. Они считают, что Степняк сгущает краски, рисуя положение в России. В самой большой английской газете, «Таймс», против Степняка выступил известный американский журналист Джордж Кеннан. Он недавно был в России и решительно возражает: в России вовсе не так плохо, как это изображают Степняк и Кропоткин. Степняк ответил ему на страницах «Таймса», и Кеннан принял вызов: он публично сообщил, что еще раз поедет в Россию, поедет в Сибирь, чтоб лично убедиться, что там делается, и расскажет об этом всему миру. Он поедет как корреспондент американского журнала вместе с художником Джорджем Фростом.

И вот недавно Кеннан вернулся из своих путешествий по Сибири. Проездом в Америку он остановился в Лондоне, и на другой же день разыскал Степняка, Кропоткина и еще двух других русских эмигрантов. Они без конца расспрашивали Кеннана о своих друзьях и знакомых, томящихся в Сибири.

Кеннан признал, что и Кропоткин и Степняк были правы в своих описаниях ужасов царских тюрем. Он сам будет писать книгу о том, что он увидел. Пусть весь мир узнает о беззакониях самодержавия, о неслыханных мучениях русских людей на каторге и в ссылке. Он расскажет, какие это благородные, прекрасные люди, которых царское правительство называет злодеями.

Лили с восхищением смотрит на своего нового друга. У него добрые карие глаза и прекрасный огромный лоб. Лили поражала его скромность и простота, в нем не было и следа позерства.

Лили готова слушать Степняка не отрываясь, но говорит он немного. Часами он ходит по комнате из угла в угол, заложив руки за спину, чуть склонив голову. От него исходит ощущение силы, здоровья, огромной любви

к людям, человечности. Основное его качество — цельность. Он раздумывает, но не колеблется. В нем сочетаются мягкость, доброжелательность, даже сентиментальность с железной непреклонностью, беззаветным мужеством, волею, страстной преданностью своим идеям.

Он казался Лили настоящим солнечным лучом в ее жизни...

Глава X

«СЧАСТЛИВАЯ» КОРЗИНА

Приближалась весна. Надо было собираться. В Петербурге жили сестры Фанни Марковны и другие ее родные. К ним-то и дали Степняки письмо Лили Буль, рекомендуя ее как близкого человека.

Через своих дальних родственников, которые содержали небольшую женскую школу, Лили достала рекомендательное письмо в одну знатную петербургскую семью, к госпоже Веневитиновой.

Серьезно, сосредоточенно собиралась Лили в дорогу. Она понимала, что вступает в новую жизнь, пускается в плавание по морю большему, чем Атлантика, «полному глухих громыханий», как она говорила, цитируя Виктора Гюго. Возможно, будут бури. Она не боится их. Она чувствует себя сильной и крепкой. Ей во что бы то ни стало надо выбраться из этих туманов, окутывающих и Англию и ее душу.

Вот только мама... Мама нездорова и так боится отпустить ее одну в эту страшную Россию! Ну, уж раз Этель бесповоротно решила ехать, то пусть хоть возьмет с собой большую бамбуковую корзину, которую еще дядя привез из Индии. Эта корзина приносит счастье. Всякая поездка с этой корзиной оканчивалась удачно. Этель покорно укладывает свои вещи в «счастливую» корзину.

Вот наступил и день отъезда. Степняки дают ей последние наставления. Сергей Михайлович очень взволнован. Он в сотый раз повторяет имена друзей и знакомых. Лили не должна их записывать. Хорошо, что у нее такая верная память. Фанни Марковна просит расцеловать ее сестер, Пашету и Сашу, и особенно маленького сына Пашеты — Сережу.

Сереза Караулов с бабушкой. *Фотография.*

Петербург. Невский проспект. Больше двух лет (с весны 1887 года до лета 1889 года) прожила Лили Буль в России. *С литографии.*

Лили Буль.
Фотография сделана в январе 1888 года в Петербурге.

Десятого апреля 1887 года Лили Буль уже в Париже. Отсюда — прямая дорога в Россию.

Здесь настоящая весна. Все готовится к Всемирной выставке. Она будет открыта в 1889 году, в честь столетия Великой французской революции. Правительство утвердило проект инженера Александра Эйфеля о постройке гигантской башни в Париже. Весь Париж взбудоражен, но Лили это не трогает — она едет в Россию.

Глава XI

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Чем ближе граница Российской империи, тем большее волнение охватывает Лили. Вот и граница. Конечно, она англичанка и с нею стараются быть вежливыми, но вот оно — началось. Жандармы выворачивают вещи из «счастливой» бамбуковой корзины, перебирают аккуратно сложенное белье, подозрительно перелистывают каждую книжку. Да, Сергей Михайлович предупредил ее, что так именно и будет...

Вот наконец и Варшава. Лили решила задержаться здесь на несколько дней. Стояла пасхальная неделя.

В первую же свою прогулку по городу Лили направилась к цитадели. Тут, в Десятом павильоне, томятся политические узники.

Был ясный солнечный день. Лили стояла в сквере против цитадели. Ветер шевелил ее небрежно уложенные ярко-золотые волосы. В сквере уже зеленела трава, играли дети. А там — мрачные, неприступные стены, а за ними — люди. Люди, которые хотят свободы для народа и которые потеряли ее для себя.

Из-за стен крепости слышались какие-то голоса. Очевидно, заключенных вывели на прогулку.

Лили стояла не шевелясь. Это была ее первая встреча с самодержавием.

Была пасха. В костелах праздновали воскресение Христа, о котором легенда гласила, что он дал себя распять за счастье людей. Но жертва его была бесплодна. Нет счастья у людей. Очевидно, его надо добывать иным путем... ❦

Через несколько дней Лили приближалась к Петербургу. Все виденное ею в пути болезненно отзывалось на нервах, и она прибыла в столицу Российской империи, чувствуя себя очень испуганной, заброшенной и тоскуя по родине.

Сестры Фанни Марковны радостно встретили ее. Вскоре Лили подружилась с ними, особенно с Прасковьей, Пашетой.

Прасковья Караулова была только лет на пять старше Лили, но сколько горя ей уже пришлось перенести! Уже около трех лет томится в Шлиссельбургской крепости ее муж, Василий Андреевич Караулов. После его ареста она осталась одна с маленьким ребенком, но во что бы то ни стало решила окончить медицинские курсы, на которых училась.

Арестованы все друзья. Через несколько месяцев после ареста мужа арестован их лучший друг — поэт Петр Филиппович Якубович. Арестована его невеста Роза Франк, самая близкая Пашина подруга. Они всё еще находятся в Петропавловской крепости. Ждут приговора. Суда еще не было.

А брат мужа, Николай Андреевич Караулов, уже освобожден из Петропавловской крепости и сослан под гласный надзор полиции в Псковскую губернию, в дом родителей. А двоюродная сестра Паши, Роза, побывала уже во многих тюрьмах и томится в ссылке в Ялutorовске.

Да и сама Паша ждет ареста с минуты на минуту.

Лили с удивлением и болью слушала Пашины рассказы. Каждый день, каждый час в такой тревоге! Как только люди могут выдержать!

Глава XII

«ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ»

В дни приезда Лили в Петербург в столице было очень тревожно. Только месяц назад в газетах было опубликовано правительственное сообщение:

«1 сего марта на Невском проспекте, около 11-ти часов утра, задержано трое студентов С.-Петербургского университета, при коих, по обыску, найдены взрывные

снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды по осмотру их экспертами оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином».

Первого марта!.. Они хотели убить царя. Как в 1881 году!

Шепотом передавали имена арестованных. Самым молодым — Василию Генералову и Александру Ульянову — только по двадцать лет. Все они в Петропавловской крепости.

Арестованы и девушки — учительница, акушерка. Арестована и сестра Александра Ульянова, слушательница Высших женских курсов Анна Ульянова.

Что с ними будет?

Через несколько дней проходим на улицах раздавали листки. Люди читали обвинительное заключение, а в конце сообщалось:

«Приговор Особого Присутствия Правительствующего Сената о смертной казни через повешение над осужденными Генераловым, Шевыревым, Осипановым, Андреюшкиным и Ульяновым приведен в исполнение 8 сего мая 1887 года».

Приведен в исполнение...

На этот раз это была не публичная казнь, как в 1881 году. Царь велел казнить их тайно, потому что смерть героев не только не пугала, а наоборот, воодушевляла молодежь. Тайно. Никто не знал, где это произошло. Ходили слухи, что в Шлиссельбурге.

Передавали, что Александр Ульянов произнес на суде блестящую речь. Он говорил о своем убеждении, что «единственный правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом». Но путь этот в России невозможен. И правительство, запрещая свободное слово, карая за него столь жестоко, само толкает интеллигенцию на единственно возможный путь — путь террора.

Повторяли его гордые и гневные слова:

«Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

Рассказывали, что, несмотря на свои молодые годы, Александр Ульянов подавал блестящие надежды как ученый, что он занимался своими научными исследованиями по биологии буквально накануне покушения. Он был страстно влюблен в науку, но страсть к свободе, любовь к народу были сильнее.

Передавали, что все приговоренные к смерти отказались от исповеди перед казнью.

Передавали, что сестра Александра Ульянова получила предсмертное письмо брата уже тогда, когда его не было в живых.

Их не было в живых, но дыхание великого подвига коснулось всех современников.

Таковы были первые впечатления Лили Буль от России.

Глава XIII

ЗНАКОМСТВО С РОССИЕЙ

В конце весны Лили с семейством Веневитиновых выехала на лето в их имение в Воронежскую губернию.

Эмилия Ивановна Веневитинова была богатая вдова. Муж ее, племянник известного поэта Д. Веневитинова, занимал высокий пост церемониймейстера императорского двора. Он умер два года назад.

Еще в дороге Лили стала знакомиться со своими учениками. Старшему мальчику, Алексею, исполнилось двенадцать лет, младшему, Георгию, — восемь. Кроме них, было пять девочек: Ольга, Софья, Аполлина, Вера, Эмилия. (Пять девочек. Так же как в семье Лили. Но как это было не похоже!) Дети были избалованны, высокомерны. Шутка ли: сам царь был крестным отцом одного из мальчиков!

После долгой, утомительной дороги добрались наконец до имения Веневитиновых. Оно было расположено на Дону, в селе Ново-Животинном, недалеко от Воронежа.

Роскошный господский дом с колоннами стоял на пригорке, окруженный пышным кустарником и густыми деревьями. Роскошна была и жизнь его обитателей. Но за высокой стеной усадьбы была чудовищная нищета. Местные крестьяне буквально умирали с голоду.

Лили занималась с детьми английским языком, а по вечерам, когда приходили гости, должна была играть на фортепьяно.

Трудно пришлось молодой англичанке в этом аристократическом доме. Учительница и ученики сразу невзлюбили друг друга.

Совсем плохо было бы Лили, если б не одна старая служанка в доме, с которой она подружилась. Старушка немного говорила по-немецки, и они могли беседовать.

Недолго выдержала Лили эту жизнь в знатном семействе и уехала от Веневитиновых.

В простой телеге, по ухабистым дорогам ехала англичанка по необъятной России, жадно приглядываясь к окружающему.

Необычное смятение наблюдала она в деревнях.

Седьмого августа должно было произойти солнечное затмение. Старики и старухи ожидали конца света, скупали деревянное масло, зажигали лампы перед иконами. Передавали, что в город Юрьевец на Волге приехали колдуны — «остроумы» с невиданными трубами, будут свет затемнять, порчу на солнце напускать. Кто помоложе, те читали брошюрки о затмении, ждали этого дня с нетерпением.

Лили была приглашена наблюдать солнечное затмение в один дом под Костромой, недалеко от Волги. Затмение должно было там начаться в шесть часов утра. Но 7 августа — Лили все никак не могла привыкнуть к русскому календарю, отстававшему на двенадцать дней. И считала по-английски — 19 августа — в той местности шел дождь, и ничего не было видно...

Затем Лили совершила большую поездку на пароходе по Волге, почти с верховьев до Нижнего Новгорода.

Лили заслушивалась прекрасными русскими песнями, то протяжными и задумчивыми, то полными лихого веселья. Особенно поразили ее воображение песни о Стеньке Разине.

В Нижнем Новгороде она побывала на знаменитой ярмарке. Город ошеломлял сутолокой, многолюдьем, обилием товаров со всех концов России.

На обратном пути Лили остановилась на две недели в Москве, но повидать «белокаменную» ей не удалось — утомленная долгой дорогой, она расхворалась.

Глава XIV

В ПЕТЕРБУРГЕ

Вернувшись в Петербург, Лили поселилась вместе с Пашей в мрачноватом четырехэтажном доме на Песках, недалеко от Таврического сада. Паша кончала медицинские курсы и готовилась стать врачом. Лили горячо привязалась к ее сыну — пятилетнему Сереже. Мальчик был очень милостив. Лили особенно нравились его выразительные глаза и шапка светлых кудрей. Он придумал для своей новой приятельницы особое имя и звал ее Ляля.

Друзья достали Лили несколько уроков, и она зарабатывала достаточно.

Все свободное время она читала русские книги, журналы, разные нелегальные издания, стараясь понять окружающее. Мечтала увидеть тех героев, которых она полюбила по рассказам Степняка.

Но сестры Личкус жили замкнуто. Большинство друзей было арестовано. Многие боялись водить знакомство с женой государственного преступника.

Еще в конце весны прошел новый процесс революционеров. Двадцать один человек предстали перед судом. Поэт Якубович был приговорен к смертной казни, но потом смертный приговор ему заменили восемнадцатью годами каторги. Из Петропавловской крепости его отправили на Кару. Его невеста Роза Франк еще раньше была сослана в Якутскую губернию.

Паша много рассказывала Лили о них и других приятелях и друзьях — настоящих героях, преданных революции.

Еще так недавно в их квартире происходили оживленные горячие споры о том, каким путем бороться с самодержавием. После разгрома Исполнительного комитета «Народной воли» многие считали, что сейчас надо ограничиться одной лишь подготовительной работой, заниматься просвещением и, когда возможно, мирной пропагандой. Другие настаивали на необходимости немедленных боевых действий. Особенно страстные споры и разногласия вызывал вопрос о терроре, об организации все-российской революционной партии. Но все готовы были принести в жертву грядущей победе свою жизнь.

Слушая рассказы об этих спорах, о подвигах, об ошибках и разочарованиях, Лили не могла еще понять всей глубины политической трагедии передовых людей России.

Как мучительны были поиски путей борьбы за свободу! Десятилетия раздумий, блужданий и шатаний, сотни загубленных жизней лучших юношей и девушек, сотни погибших талантов... Но, несмотря на невиданный гнет царизма и разгул мрачайшей реакции, эти поиски никогда не прекращались. Искали в самой России — в студенческих кружках, в лачугах, в тюрьмах, на каторге, — искали за границей, живя в изгнании. Это была история «...неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (так В. И. Ленин писал потом об этих поисках).

Сейчас в Петербурге все приутихло и приумолкло. Казалось, что дело 1 марта 1887 года было последней попыткой. Казалось, что все опустили голову. Слишком неравны были силы. Реакция наступала.

Летом же министр народного просвещения Делянов издал указ, запрещающий принимать в гимназии детей бедняков — «кухаркиных детей», как их презрительно называли. Он угодливо выполнил пожелание царя. На отчете по делу 1 марта 1887 года Александр III, видя, что большинство «злоумышленников» было из студентов, написал коротко и ясно: «Прекращай образование».

Лили казалось, что она физически ощущает гнет полицейского режима. Все испуганы, подавлены. Не раз она слышала суждения о том, что сейчас не нужно подвигов, что России нужны скромные, маленькие труженики, что сейчас время малых дел — и они послужат на пользу народу. Люди, еще так недавно готовые к активным действиям, опустили руки.

Знатные невежды занимались спиритизмом — вызывали духов с того света, вертели столики...

Другие увлекались искусствами. Восторженно аплодируя первому тенору Санкт-Петербургской оперы Николаю Николаевичу Фигнеру, уже мало кто знал, что его родная сестра Вера Николаевна Фигнер заточена в Шлиссельбурге...

Публика попроще глазела на ледяной замок, выстро-

енный в «Аквариуме». Там впервые люди увидели немигающий ровный свет электрических лампочек.

Но многие помнили героев, павших в борьбе с самодержавием. Глухо в глубинах России зрели силы протеста.

Лили старалась уловить его признаки. Но по сравнению с недавно отшумевшими героическими выступлениями народовольцев они были ей незаметны.

Глава XV

МОГИЛА ДЛЯ ЖИВЫХ

Часами в раздумье бродила Лили по Петербургу. Ходила вдоль набережных, вглядываясь в громады дворцов.

С другого берега Невы раздавался мелодичный звон. Это играли куранты Петропавловской крепости. Так мирно сиял на солнце золотой шпиль! Так мирно раздавались звуки старинного псалма! «Коль славен наш господь в Сионе» — играли куранты. И мелодия эта разносилась над Невой, над дворцами, над казематами...

Лили каждый раз с ужасом смотрела на крепость. Вход в крепость был разрешен и даже поощрялся. Ведь в крепости находились могилы русских императоров. Посетителей пропускали в собор, к гробницам. Но после входа по мостику, за тяжелыми стенами крепости, атмосфера тюремного двора охватывала посетителей. Здесь царило зловещее молчание, нарушаемое лишь бряцанием оружия да окликарами часовых: «Слу-шай!»

В пышных гробницах покоились мертвые российские императоры, а рядом, в мрачных казематах, томилась лучшая люди России, погребенные заживо.

Погребены заживо! Их не убили, не казнили, а просто похоронили живыми!

Что может быть ужаснее! Тюрьма. Могила для живых. Самое страшное порождение власти, охраняющей себя. Самое страшное. Страшнее всего. Мрачнее всего.

...Как дело измены, как совесть тирана,

Осенняя ночка черна...

Черней этой ночи встает из тумана

Видением мрачным тюрьма, —

вспоминались стихи поэта Гольц-Миллера.

Лили смотрела на крепость.

Еще так недавно томились в казематах крепости Чернышевский, Писарев. Здесь же сидел и Кропоткин. Почти все друзья Сергея Михайловича прошли через сырые камеры Петропавловки. Все друзья Пашеты побывали здесь.

Только недавно увезли отсюда Александра Ульянова с товарищами, Петра Якубовича...

Что же это были за люди? Что давало им силы жить и бороться и быть верными себе до конца?

Глава XVI

ДЛЯ РЫЧАГА РЕВОЛЮЦИИ

Сами революционеры давали ответ на эти вопросы в своих речах на суде и в предсмертных письмах.

Народовольцы понимали огромное воодушевляющее значение этих документов и всячески распространяли их.

На первом организационном съезде партии «Народная воля» было прочитано вслух письмо землевольца Валериана Осинского, написанное перед казнью:

«Мы ничуть не жалеем о том, что приходится умирать, ведь мы же умираем за идею...

Наше дело не может никогда погибнуть, эта-то уверенность и заставляет нас с таким презрением относиться к вопросу о смерти».

В № 4 газеты «Народная воля» был напечатан отчет о процессе шестнадцати революционеров, происходившем в Петербурге в 1880 году. Заканчивая свою речь, один из подсудимых, народоволец Яков Тихонов, сказал: «Я знаю, что мне и другим товарищам осталось всего несколько часов до смерти, но я ожидаю ее спокойно, потому что идея, за которую я боролся и умираю, со мной не погибнет; ее нельзя бросить, как нас, в мрачные тюрьмы, ее нельзя повесить...»

Один из организаторов партии «Народная воля», Александр Михайлов, приговоренный к смертной казни (потом казнь была заменена каторгой), писал в предсмертном письме: «Жизнь для меня — это постоянная борьба, всеми силами существа, во имя идеи. Смерть же

много лучше прозябания и медленного разрушения. Поэтому я так спокойно и весело жду приближающегося момента небытия». Удивительно слово «весело» в этом письме!

Но особенно сильное впечатление на молодежь производили два письма заключенных Петропавловской крепости. Летучая типография «Народной воли» напечатала их осенью 1883 года.

Эти письма назывались «От мертвых к живым».

Заключенные в крепости обращались к русской молодежи с призывом продолжить их борьбу за народное дело. Они описывали ужасы пребывания в крепости — все физические и моральные пытки, которым подвергают узников. Рассказывали потрясающие истории о судьбе заключенных женщин, которым приходится особенно тяжело.

Но из глубины своих могил они пророчили скорое падение самодержавия, пророчили торжество освобождения народа.

Особое впечатление производило второе письмо. Передавали, что написала его Анна Павловна Корба, член Исполнительного комитета «Народной воли».

В этом письме подробно описывались пытки, применяемые к заключенным. И где? Здесь, в центре столицы, «под окнами дворца»!

«Мы обречены на верную, безусловную смерть, — говорилось в письме. — ...Из всех человеческих потребностей за нами признаны только две: мы можем принимать небольшое количество пищи и извергать ее; мы низведены на степень дождевых червей.

Но есть сила, которая дает нам возможность если не жить (потому что это физически невозможно), то, по крайней мере, страдать и умирать; это — мысль, что мы служим точкой опоры для рычага революции. Как добрый гений, она неотступно при нас, она делает нас нечувствительными к нашим страданиям. Ночью она не отходит от нашего изголовья, колышет и убаюкивает нас. Утром, когда нас будит лязг отпираемых замков и засовов и торжествующее бряцание шпор и мы готовы проклясть народившийся день, — она уже снова около нас, застилает непроницаемым покровом от наших взоров неприглядную действительность и на своих вселечащих

крыльях уносит нас за пределы тюрьмы, за пределы одиночества, бесстыжего варварства и раскрывает перед нами книгу судеб человечества. Чем больше страдания и унижения, которым нас подвергают, тем выше становится полет наших мыслей...

Поразительный факт. Люди, унижающие нас, не смеют нас презирать... Перед больным, согбенным арестантом для чего этот трепет, этот стан, сгибающийся в почтительный поклон, этот взор, полный ужаса и вместе с тем уважения? Видят ли они в это время сияние на наших лицах и венец мученичества над нашими головами?..»

Да, это о них писал Степняк: «Он прекрасен, грозен, неотразимо обаятелен, так как соединяет в себе оба высочайшие типа человеческого величия: мученика и героя».

Мученики. Святые мученики! Недаром Тургенев назвал «святой» девушку-революционерку в своем стихотворении в прозе «Порог».

С дней похорон Тургенева, когда «Порог» был напечатан «Народной волей» вместе с прокламацией о Тургеневе, написанной Петром Филипповичем Якубовичем, — вся молодежь знала его наизусть.

...И во всех речах, письмах, завещаниях звучала мысль о самопожертвовании, скорее даже не мысль, а чувство, ощущение неизбежности собственной гибели и уверенность в торжестве идей социализма.

Глава XVII

ГОВОРЯЩИЕ ТЕНИ

Эти же чувства находила Лили в маленьких книжечках с лубочными обложками, с какими обычно выпускали народные сказки. Да и назывались они так же: «Сказка-говоруха», «Сказка о копейке». Несмотря на все обыски и аресты, у многих еще сохранились эти маленькие книжечки. Автор на них не был указан, но Лили знала, что написал их ее друг Сергей Михайлович Кравчинский. Написал еще давно, лет тринадцать-четырнадцать назад, в пору «хождения в народ», когда он был еще совсем молодым.

Лили с трепетом брала их в руки. Она читала в «Сказке о копейке» слова мудрого старца, призывающего крестьянина бороться за социализм:

«Благословляю тебя на проповедь. Иди, возвещай по селам и городам, по дорогам и ярмаркам народу русскому правду, которую я поведал тебе. Если возьмут тебя и заключат, закуют тебя и станут судить перед судом грабителей, мучителей твоих, будь тверд, ибо Сын Человеческий был мучим и распят за то же, за что замучат тебя».

Но особый подъем душевных сил вызывала другая книжка Сергея Михайловича — «Сказка-говоруха» о Мудрице Наумовне. В этой сказке автор излагал историю борьбы человечества за свободу, излагал основные идеи великого Карла Маркса, рассказывал о международном товариществе рабочих, рисовал картины будущей счастливой жизни.

Вся сказка была страстным призывом к борьбе, пророчеством победы и обещанием счастья самому борцу. Но каково было это счастье!

Юноши и девушки наизусть заучивали конец сказки: «Когда осудят тебя на смерть, привяжут тебя к столбу и под ногами твоими выроют могилу твою и убийцы твои направят на грудь твою дула ружей своих, и взглянешь ты в лицо их, то истинно, истинно говорю тебе — ты будешь счастливее их, ибо нет больше счастья, как погибнуть за братьев своих!

И убьют тебя!.. Замолкнет голос твой! Бессильно опустятся руки, и выпадет из них знамя освобождения рода человеческого, которое держал ты! Но тень твоя поднимет его! Заговорят кровавые раны на груди твоей! И бодрость и отвага польются в ряды друзей твоих, и ужас и смятение — в среду врагов!»

И Лили знала, что это не просто слова. Да, так умирали русские герои. Да, таким подвигом была их смерть. Да, громко говорили их тени!

Так они становились бессмертными!

Смутный облик человека, принесшего себя в жертву, так давно возникший в воображении Лили, приобретал все более ясные, видимые черты.

Жизнь, отданная борьбе за свободу! Только это — настоящая жизнь.

НЕ СОТВОРИМ СЕБЕ КУМИРА...

Пафос безымянной героической смерти издавна был воспет русской литературой. Еще Некрасов писал о Добролюбове:

Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

И невольно этот пафос героической страдальческой смерти, пафос героической жизни, отданной за счастье людей, связывался с образом Христа, с преклонением перед героической смертью за других. Недаром легенда наделила этот образ величайшим даром — бессмертием, этой высшей наградой, какую может вообразить человечество.

Ведь во все времена у всех народов были свои легендарные герои, которые вставали на защиту угнетенных и погибали, ибо до сих пор всякая попытка добыть счастье людям, свергнуть иго эксплуататоров кончалась поражением.

И народ создавал легенды о смельчаках, отдающих самое дорогое — жизнь, и в этих легендах награждал их бессмертием, ибо вечная жизнь — самая высшая награда.

Но угнетатели обернули эту легенду против создавшего ее народа, отлично понимая, какой огромной силой может быть в умелых руках всякая идея, всякая легенда. Они хитро и лукаво исказили этот образ, на первый план выдвинув его смирение, покорность и его проповедь лучшей жизни в будущем (сами пользуясь всеми ее благами в настоящем!).

Образ, созданный народом, правители обратили против народа.

И в христианской религии, такой, какой она дошла до наших дней, пробиваются две струи — бунтарская, идущая от народа, и пассивная, внушающая покорность, идущая от врагов народа. В записях этих легенд — евангелии — явственно ощутимы эти две струи. Христос будто бы учил: не мир, но меч, то есть провозглашал борьбу.

И он же будто бы учил: если тебя ударили по правой щеке, подставь левую, то есть: будь покорен.

Но и от одной и от другой струи шло одинаковое зло — и это зло было в преклонении, в обожествлении, в передаче своей защиты в другие руки. И против этого огромного зла восстали социалисты.

Карл Маркс еще в юношеские годы провозгласил как лозунг слова эпического героя древней Греции Прометея: «По правде, всех богов я ненавижу!» — и объявил бой всем кумирам.

Проницательный читатель ясно видел, как сквозь якобы религиозные термины народнической литературы пробивалась мужественная и гордая идея социализма и отрицания всех богов, идолов и кумиров.

Еще в знаменитом стихотворении А. Н. Плещеева «Вперед! без страха и сомненья», ставшем как бы гимном прогрессивной молодежи России, было провозглашено:

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Все русские революционеры были атеистами (а ведь почти все они прошли через увлечение христианской религией в юношеские годы). Все русские революционеры ненавидели церковь.

Только люди, свободные от преклонения перед кем-либо, могут завоевать свободу.

Лили знала, какую гнусную роль играло русское духовенство. Еще в «Подпольной России» она читала о том, как священники доносили на революционеров, выдавая тайну исповеди. Теперь она знала, что такие истории случались постоянно.

Она знала, что служители церкви благословляли казни, пытки, издевательства.

Всем известно было, что и Перовская и Желябов отказались даже видеть священника перед смертью. Отказались от исповеди и Александр Ульянов и многие, многие другие.

Лили вспоминала, как верно изобразил этот процесс освобождения русского революционера от религиозного образа мышления, от какого-либо преклонения перед кем-либо Сергей Михайлович в своей «Подпольной России».

Глава XIX

«ПОСЛЕДНЯЯ ИСПОВЕДЬ»

В первом номере «Народной воли», который вышел 1 октября 1879 года, был напечатан отрывок из драмы. Назывался он «Последняя исповедь». Имя автора, конечно, указано не было. После заглавия стояло: «Посвящается казненным».

В страстных, гневных стихах воспевал автор пафос героической смерти русского революционера. Глубоко и остро выразил состояние узника перед казнью, его отношение к народу, к религии, к служителям церкви. Ненавидя церковь — пособницу угнетателей, узник готов признать и не отрицает человеческих качеств ее служителя. Священник, может быть, и добрый человек, но он — служитель церкви, он обманывает народ самым утонченным образом, направляя его помыслы по ложному пути, и тем самым помогает угнетателям народа.

Отрывок изображал сцену в одиночной камере, где находится юноша, приговоренный к смерти. В камеру входит священник, сопровождаемый палачом. Священник предлагает юноше покаяться в грехах. Узник отказывается. Затем иронически кается, перечисляя свои действия в защиту народа. Священник взывает к воспоминаниям детства узника и призывает его молиться, если он виновен и если невиновен:

Молись тому пред казнию, кому
Во время казни должен подражать ты...
И он казнен за бедных и голодных,
И он казнен за вечное добро...

Осужденный говорит, что он много думал о Христе:

И я решил, что повесть о Христе —
Пустая ложь.

И на вопрос священника: «А прежде верил ты?» — отвечает:

В дни юности когда-то... Вере в бога
Уже давно противился мой разум,
Но лишь вчера сказал мне голос сердца,
Что бога нет.

Священник
Что ж говорил тот голос?

Осужденный
Он говорил, что если на Голгофе,
Века назад, своей святою кровью
Грехи людей Христос бы искупил,
То не было б моей сегодня казни...

Он слышит шум толпы под окном. Толпы, собравшейся в ожидании зрелища казни. Он с грустью говорит о своей великой любви к народу. И потом:

Я не совсем бессилён — умереть
Осталось мне, и грозное оружие
Я на врагов скою из этой смерти...
Я кафедру создам из эшафота
И проповедь могучую безмолвно
В последний раз скажу перед толпой!
Как надо жить, тебя не научил я,
Но покажу, как надо умирать.

Священник прощается, понимая бесплодность своих усилий. Узник говорит ему:

Ты враг народа...
Из всех врагов презреннейшие — вы!
Трусливые, со сладкими словами,
Изменники, лжецы и лицемеры!
...О бедный край мой! Море гнусной лжи
Тебя залило мутными волнами
Со всех концов: в семействе лжет отец
Перед детьми, а в школе лжет учитель...
В твоих церквах лгут слуги алтарей...
Поверь, что мне палач стократ милее,
Чем лживый поп...

Палач приближается к нему. Священник уходит...

Этот отрывок производил огромное впечатление на современников. По свидетельству одного из них, читая его, люди «метались, словно ужаленные и чуть не смертельно пораненные». Под этим впечатлением И. Е. Репин написал свою знаменитую картину «Отказ от исповеди перед казнью».

Почти никто не знал имя автора — это был молодой поэт Николай Максимович Виленкин, писавший под псевдонимом «Н. Минский». Он вовсе не был революционером, но ему удалось с такой силой выразить их настроения, что редакция «Народной воли» напечатала его произведение в первом номере своего издания...

Глава XX

КТО ОБЕССМЕРТИТ ИХ?

Лили читала разные нелегальные издания, читала номера «Народной воли». Все эти мысли волновали ее. И она снова и снова, стараясь понять окружающее, искала ответов на свои вопросы в книгах, не только нелегальных, но и доступных каждому читателю.

Из русских литераторов особое внимание Лили Буль привлекали имена Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Гаршина, Глеба Успенского.

Лили знала, что царское правительство постоянно преследовало Салтыкова и закрыло его журнал «Отечественные записки», знала, что для выражения своих мыслей и чувств Салтыков вынужден писать иносказательно, и училась понимать этот эзопов язык.

Она читала и перечитывала его «Историю одного города», «За рубежом», «Помпадуры и помпадурши» и сказки. Сказка «Пропала совесть» особенно волновала ее.

Лили была покорена талантом Достоевского. Но революционеры, изображенные Достоевским, не были похожи на тех, кого она знала и полюбила.

Многие, даже самые благонамеренные писатели не могли не выразить свое восхищение подвигом русского революционера. Особый восторг вызывали, конечно, женщины-революционерки. Даже такой далекий от политики поэт, как Я. Полонский, написал стихи в честь русской революционерки. Молодежь заучивала их и твердила наизусть:

Что мне она! — не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь?

Спать не даст оттого, что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...

С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не дó полу темные
Космы тяжелых волос.

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...

Что мне она! — не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь?

Но только неправ был поэт, когда писал об узнице: «без мысли, без надежд», — и мысли и надежды не покидали узников.

Горюя о судьбе молодой узницы, поэт не понимал ее.

Тургенев — тот понял: в стихотворении «Порог» он так верно изобразил экстаз самопожертвования молодой девушки!.. Но вот в романах изобразить ее не сумел.

Кто же сумел? Кто изобразит эту героическую фигуру, кто обессмертит ее? Лили понимала, что в русской печати это невозможно, но жадно ловила хотя бы отдельные черты, скрытые намеки.

Очень волновали и привлекали Лили Буль произведения Всеволода Михайловича Гаршина. В трагическом рассказе «Красный цветок» писатель изобразил высший подвиг самопожертвования. Глубоко трогала ее проблема, поставленная Гаршиным в рассказе «Художники»: человек отказывается следовать влечению своего таланта художника — высший долг, долг служения народу, завет его. Ведь народу — голодающему, забитому крестьянину — нужен хлеб, а не картины. Лили знала, как остро стояла эта проблема перед теми, кто посвятил свою жизнь революции. Им приходилось подавлять в себе влечение к науке, к искусству. В жертву революции при-

несли свое научное призвание и Александр Ульянов, и Петр Кропоткин, и Георгий Плеханов, и многие, многие другие. Ее друг Сергей Михайлович мог бы быть крупным писателем...

Несчастливая страна, где погибают таланты!

Счастливая страна, сыны которой приносят свои таланты в жертву ее свободе...

Пашета много рассказывала Лили про Всеволода Михайловича Гаршина.

Некоторые из ее друзей знали его лично. Весь его облик был глубоко симпатичен Лили.

Уже долгое время Гаршин был опасно болен. Тяжелая душевная болезнь подтачивала его силы. Он остро переживал трагизм своей эпохи.

Девятнадцатого марта 1888 года по Петербургу разнесся слух, что Гаршин пытался покончить с собой, что он бросился с третьего этажа в пролет лестницы. Этот слух подтвердился. Через пять дней Гаршин скончался.

Еще одна жертва самодержавия...

Лили читала и перечитывала рассказы Гаршина. Нужно, чтобы их узнали в Европе. В них так верно отражены настроения лучших русских людей!

Глава XXI

ОЛЬГА ЛЮБАТОВИЧ

В апреле сестер Личкус посетила дорогая гостья. Из Сибири приехала близкая приятельница Сергея Михайловича — Ольга Любатович.

Судьба этой женщины была поистине драматична. Лили казалось немыслимым, чтобы на долю одного существа могло выпасть столько трагедий...

Еще совсем молоденькой, восемнадцатилетней девушкой Ольга, дочь инженера, страстно желая учиться, уехала в Швейцарию. Когда через год она из Цюриха поехала домой, ее обыскали на границе и, найдя письма революционеров, арестовали. Потом она вновь поехала за границу. При возвращении ее снова арестовали, но отец добился ее освобождения. Неумолимая девушка ведет пропаганду среди крестьян, переправляет через гра-

ницу нелегальную литературу. Снова арест. И суд. Знаменитый процесс 1877 года, на котором судили пятьдесят человек. Правительство распорядилось проводить судебные заседания открыто — для устрашения «общества», но вместо этого революционеры вызвали восторг и преклонение широкой публики.

Ольга как сейчас помнит потрясающие слова своего товарища, рабочего Петра Алексеева, сказанные на этом процессе, — ведь она одна из тех, о ком он говорил: «...русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме как от одной нашей интеллигентной молодежи... Она одна братски протянула к нам свою руку... И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока подымет мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» А как хорошо сказала в своей речи ее подруга, Софья Бардина, о том, что их ничем запугать не удастся, так как идеи на штыки не улавливаются...

Все обвиняемые по процессу 50-ти были приговорены к тяжелым наказаниям.

Под впечатлением этого процесса и написал свой «Порог» Тургенев, а Я. Полонский — стихотворение об узнице...

Ольга получила девять лет каторги, но потом приговор был смягчен, и ее отправили в ссылку в маленький городок Западной Сибири — Ялutorовск. Из Ялutorовска она вскоре бежала. Об этом побеге рассказывали легенды. Ольга симулировала самоубийство — оставила одежду на берегу реки, как будто утонула, и, преодолев множество препятствий и обнаружив удивительную выдержку, добралась до Петербурга. Она приехала в Петербург 4 августа 1878 года — как раз в тот день, когда Сергей Кравчинский убил Мезенцова. Вскоре Ольга познакомилась и с самим Кравчинским, и они очень привязались друг к другу. Они вместе принимали деятельное участие в организации партии «Земля и воля». Затем опять начались скитания за границей. Ольга помогала Кравчинскому в его работе над переводом «Спартака» и даже перевела самостоятельно несколько глав. Когда организовалась партия «Народная воля», Ольга вошла в ее Исполнительный комитет. В это время она вышла

замуж за одного из самых активных деятелей партии — Николая Морозова. Они вместе сотрудничали в газете «Народная воля». Их арестовывали, они скрывались. Опять пришлось уехать за границу. Там, в Швейцарии, у Ольги родилась девочка. В январе 1881 года им надо было вернуться в Россию — приближался срок покушения на царя. Но Ольга не могла оставить новорожденную дочку, и Морозко, как звали его друзья, уехал один. Через несколько дней Ольга узнала, что Морозко арестован на границе... Сергей Михайлович хотел поехать в Россию, чтобы устроить побег Морозову, но Ольга понимала, что это бесполезно — его самого тотчас же арестуют.

После тяжелой, мучительной борьбы Ольга, оставив девочку на попечение Сергея, поехала в Россию спасать Морозова. Благодаря нечеловеческим усилиям Ольги побег уже был близок к осуществлению, но предательство одного провокатора провалило все. Морозов был заключен в Петропавловскую крепость, откуда побег был уже невозможен.

Хотя Ольга жила легально, ей все труднее и труднее становилось избегать полиции. Каждый день она прокрадывалась к сестрам Личкус, на адрес которых Сергей обещал присылать ей письма о девочке. Письма все не было. Наконец пришла телеграмма. И как раз в тот момент, когда Ольга пыталась понять роковой смысл телеграммы, извещавшей о смерти ее ребенка, в дом нагрянула полиция. Ольге едва удалось спастись. Но через некоторое время она была все же арестована и заключена в ту же Петропавловскую крепость. Николай Морозов был приговорен к вечной каторге и заточен в Шлиссельбург, дочка умерла, Ольгу, лишив всех прав состояния, отправили в Восточную Сибирь. Но дух ее не был сломлен!

Перед отправкой Ольга писала своему другу Сергею Кравчинскому из тюрьмы:

«Если наша жизнь не способна дать нам счастье, то спасибо ей хотя за то, что она щедро наделила нас горем и муками, — в них своеобразная жизнь, во сто крат высшая, чем бесцельное однообразное существование обыкновенных людей, и если бы мне пришлось начинать мою жизнь снова, то я не колеблясь пошла бы тем же путем».

Теперь, весной 1888 года, после долгой сибирской ссылки, Ольга приехала в Петербург хлопотать о смягчении своей участи.

Глава XXII

СКАЗКА О ЗЕЛЕННОЙ ГУСЕНИЦЕ

В начале лета 1888 года Лили вместе с Пашей и Сережей уехали в Псковскую губернию. Там, в Торопецком уезде, в глухом селе Успенском, жила мать Караулова, добрая, но недалекая старушка. Жил и брат Караулова, Николай Андреевич, с детьми и другие члены семьи. Жили замкнуто, одиноко. Соседи их избегали. Хотя официальный срок ссылки Николая Андреевича под гласный надзор полиции уже кончился, все соседи знали, что полиция продолжает наблюдать за ним негласно. Знали и то, что старший брат сидит в тюрьме.

Карауловы жили бедно. С удивлением осматривала Лили старый «господский» дом, заглохшие аллеи.

С тяжелым сердцем наблюдала Лили грустную картину русской деревни. Край был нищий и заброшенный. Гибельные болота, покрытые золотыми лютиками и голубыми незабудками, дышали лихорадкой. Днем над полями кружили ястребы, а по ночам выли волки.

Крестьяне погибали от чахотки и от голода. Чиновники и ростовщики беззастенчиво грабили крестьян. Хотя после отмены крепостного права прошло уже больше четверти века, нищета и темнота деревни казались Лили неправдоподобными.

Хотя Паша приехала отдохнуть, но крестьяне, прослышав, что она врач, часто просили ее о помощи.

Лили ходила с Пашей по окрестным деревням. Она мерила температуру, кипятила инструменты, накладывала повязки, помогала Паше всеми силами. Тяжелые мысли не покидали молодую англичанку. Ей казалось, что, помогая Паше, она помогает ей совершать преступление, ей казалось, что это преступление — сохранять жизнь людям, которым лучше было бы умереть.

Не по газетам, не по книгам — сама, воочию видела Лили Буль весь ужас российской действительности... Многие были непонятны для Лили.

Жадно приглядывалась она к Николаю Андреевичу. Вот один из тех, кого она искала. Но какое разочарование!

Она страстно желала понять его и мучительно жалела. Это был глубоко несчастный, потерявший себя человек. Тяжело больной, внутренне сломленный, он влачил жалкое, беспросветное существование. На руках у него была к тому же большая семья.

На все расспросы Лили Николай Андреевич ничего не мог ответить толком. Иногда он рассказывал ей о товарищах, томящихся в заключении, — о своенравной и гордой Вере Фигнер, о резком и непреклонном Якубовиче, о талантливом Германе Лопатине...

Лили знала, что Николай Андреевич после разгрома Исполнительного комитета «Народной воли» в 1881 году, продолжал активную революционную деятельность и в 1883 году был избран в состав центральной группы народолюбцев. Предательство Сергея Дегаева, выдавшего полиции лучших его товарищей, тяжело отразилось на нем. Теперь, больной, лишенный возможности действовать, он горько ощущал свое бессилие.

Было ясно, что движение народников потерпело неудачу.

Сознавая свое поражение, народолюбцы не в силах были понять причины этого поражения. Не зная законов исторического развития, они все свои надежды связывали с крестьянством и не могли разглядеть в нарождающемся рабочем классе ту силу, которая опрокинет самодержавие.

Хотя народники знали и изучали труды Маркса, они не могли понять их целиком и считали, что его теории неприменимы к России. Утопические мечтания народников роковым образом отразились на их деятельности и на их судьбе. Однако сознание собственной обреченности всегда соединялось в них с уверенностью в конечном торжестве идей социализма.

Недаром в народолюбческом гимне говорилось:

Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых!

Больной, сломленный, Николай Андреевич сохранил непоколебимую веру в победу своих идей, в победу, до которой он и не мечтал дожить сам.

Лили удивлялась и восхищалась этой непонятной ей непоколебимости, скорбела об этой непонятной ей обреченности.

На всю жизнь запомнила она сказку о Зеленой гусенице, которую как-то Николай Андреевич, импровизируя, рассказывал своим детям и Сереже.

...Когда Зеленая гусеница вползла на самую верхушку камыша и обвилась вокруг его крошечной макушки, она оказалась так высоко, что смогла увидеть все, что происходило вокруг. Перед ней раскинулась такая широкая, огромная страна, какой она никогда до сих пор не видела. Она называлась Страной Завтрашнего Дня, потому что все дети в ней стали уже взрослыми, а все гусеницы превратились в бабочек!..

Но как трудно было гусенице взобраться на вершину камыша, чтобы увидеть эту волшебную страну...

Глава XXIII

ЛИЛИ ХОДИТ В ТЮРЬМУ

Осенью Лили с Пашей и Сережей вернулись в Петербург. У Лили были хорошие уроки, и она могла даже помочь своим друзьям.

В ноябре кончался срок каторги Василия Андреевича. Никто не знал, что его ожидает дальше. Тщетно обивала пороги жандармского управления и департамента полиции бедная Паша. Лили каждый день выслушивала ее скорбные рассказы о бесплодных хождениях по длинным белым коридорам, по высоким холодным кабинетам. Не выдержав напряжения, Паша тяжело заболела. Как раз в это время удалось узнать, что Василия Андреевича перевели из Шлиссельбурга в Дом предварительного заключения на Шпалерной улице, а затем, вероятно, вышлют в Восточную Сибирь.

В тюрьме очень плохо кормили. Другам удалось добиться разрешения приносить ему пищу с воли. Но как это сделать? Средств у Паши не было.

Лили рассказала об этом одной из своих учениц, богатой генеральше, которой она давала уроки английской литературы. Вероятно, эта генеральша тайно сочувствовала революционерам. Во всяком случае, она сама предложила Лили, что ее повар будет готовить подходящую пищу для узника и Лили может относить ее в тюрьму.

И каждый день Лили приходила в генеральский дом, забирала посуду с едой и относила ее на Шпалерную, в угрюмое шестиэтажное здание.

Подолгу приходилось ей ждать в очередях, пока надзиратель возьмет от нее передачу. Сколько оскорблений ей пришлось вынести самой и быть свидетельницей, как оскорбляли других!

Часами ждала она среди молчаливых заплаканных женщин. Ее поражало это безысходное, запуганное горе. Женщины боялись проявить свою скорбь, свое отчаяние. Ибо каждое слово грозило неприятностями им самим и, что самое ужасное, могло быть гибельным для заключенных, их близких.

Лили тоже научилась бояться, не чувствуя за собой никакой вины. Со страхом смотрела она на каждого жанدارма.

Иногда Лили брала с собой в тюрьму Сережу. Он был очень привлекателен и никогда не дичился, охотно вступая в беседу. Однажды, когда она вместе с Сережей ехала в тюрьму на конке, какая-то пассажирка спросила у мальчика, указывая на Лили:

— Это твоя мама?

— Нет,—ответил Сережа,—это Ляля, а мама больна.

— А где же твой папа? — продолжала беседу досужая пассажирка.

На это Сережа грустно ответил:

— Он в клетке.

Лили со страхом увидела, что два жандармских офицера, сидящие напротив, стали пристально ее разглядывать.

Унизительный, тяжелый страх!

Через некоторое время Паше удалось узнать, что весной ее мужа вышлют в самые отдаленные местности Восточной Сибири. Куда точно, еще неизвестно. Паша твердо решила последовать за мужем. Она врач и будет там работать. Сережу она возьмет, конечно, с собой.

Правда, у нее нет ни медицинских инструментов, ни медикаментов и денег нет, чтобы купить их, но она постарается заработать на жизнь, помогая людям.

Глава XXIV

ПЛЕМЯННИЦА ДЕКАБРИСТА

В эти тяжелые для Паши дни большую поддержку оказывала ей старая приятельница их семьи — Мария Константиновна Цебрикова. Она не боялась водить знакомство с семьей государственного преступника, и Лили тоже очень подружилась с нею.

Мария Константиновна была интереснейшая женщина своего времени — писательница, общественная деятельница. Лили было просто удивительно, что она так много успела написать за свою жизнь. Мария Константиновна писала повести, рассказы, критические, публицистические, педагогические статьи. Казалось, она была неутомима, несмотря на свои пятьдесят с лишком лет. Происходила она из дворянской семьи, отец ее был важный генерал, но она считала своим настоящим отцом дядю, Николая Романовича Цебрикова. Николай Романович был декабристом, человеком радикальных воззрений. В его честь Мария Константиновна многие свои произведения подписывала «Н. Р.» (Николай Романович) или «М. К. Николаева».

Мария Константиновна была знакома со всеми литераторами той поры. Она рассказывала Лили о Некрасове, о Тургеневе, о Салтыкове-Щедрине. Рассказывала о своем близком друге Василии Васильевиче Берви, выпустившем под псевдонимом «Н. Флеровский» очень ценную книгу — «Положение рабочего класса в России».

Мария Константиновна свободно владела европейскими языками и много переводила. Она первая познакомила русского читателя с романом Шпильгагена «Один в поле не воин».

Лили жадно слушала ее рассказы. Нашлись у них и общие симпатии — Цебрикова тоже очень любила английского поэта Шелли. Даже писала о нем — статью чуть не конфисковала цензура.

Пожилая одинокая писательница горячо привязалась к молоденькой англичанке, безбоязненно поверяя ей свои заветные мысли.

Надо что-то делать, говорила она. Терпеть невозможно. Страданиям забитого, бесправного народа надо положить конец. Но она не одобряет, нет, отнюдь не одобряет безумных поступков молодых террористов. Они ничего не достигают и погибают сами. Лучшие люди России, цвет ее нации, уничтожаются государством. Она вообще не одобряет насилия. Если бы произошла революция, она, конечно, пошла бы в рядах красных, но старалась бы уменьшить зло насилия. Но революции долго еще не будет, и надо что-то делать.

Надо убедить царя, что так продолжаться не может. Царь не знает, какие преступления творятся его именем, надо, чтобы он сам вмешался в управление страной. Она не раз предлагала своим друзьям — литераторам... нет, она не будет называть их имен... написать коллективное письмо царю обо всех бесчинствах чиновников, о страданиях народа, о беззакониях, о переполненных тюрьмах. Но все лишь с испугом отшатываются от нее и смотрят на нее как на безумную. Боятся! Считают бессмысленным. Ну и пусть!

Она одна сделает это.

Она все уже обдумала. Надо сделать так, чтобы царь не смог отмолчаться. Просто послать ему письмо бесполезно. Нет, она печатает свое письмо в нескольких десятках экземпляров и одновременно разошлет его по редакциям крупнейших газет России, а также за границей — в Англии, во Франции. Тогда царь вынужден будет ответить. Или он облегчит участь России, или... или вся Россия, весь мир поймут, что русский царь на самом деле тиран своего народа.

Она уже готовит, уже пишет это письмо царю. Кроме того, она напишет брошюру о тюрьмах и ссылках России. У нее собрано уже столько вопиющих фактов! Эту брошюру она разошлет вместе с письмом.

Конечно, она понимает — предстоят большие трудности. В России этого письма не напечатать. Да она и не хочет подвергать кого-либо из друзей неизбежным опасностям. Придется ехать за границу. Конечно, это очень опасное дело. За это письмо ее ждет суровая кара, но

иначе она поступить не может. Никому, никому она не рассказывает о своих планах. Одной только Лили...

Лили не совсем понимает, почему написать царю письмо так преступно, но она уже достаточно жила в России, она знает, что это действительно опасно и, вероятно, будет бесполезно, но она преклоняется перед героизмом пожилой женщины.

Глава XXV

ОНА ЗАПОМНИЛА ЭТОТ ДЕНЬ НАВСЕГДА

Двадцать девятого апреля 1889 года был день рождения Лили. Ей исполнилось двадцать пять лет. В Европе было уже 11 мая, но по русскому календарю — еще только 29 апреля.

Какой грустный это был день!

Накануне вечером по городу разнеслась скорбная весть о кончине Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

На 2 мая были назначены похороны. Хоронить великого писателя должны были на Волковом кладбище, рядом с могилой Тургенева.

Все прогрессивные студенты, все передовые люди Петербурга решили выйти на улицу, проводить своего любимого писателя.

Лили тоже решила пойти.

Ее предупреждали, что это вовсе небезопасно. Она уже достаточно прожила в России и понимала, что это так, но все-таки ей не верилось. Запретить похоронную процессию! Это неслыханно!

Но ей рассказывали, что царское правительство боится своих врагов даже мертвых. Вот ведь и Пушкина похоронили тайком. Да вот совсем недавно, осенью 1886 года, когда студенты решили отметить 25-ю годовщину со дня смерти Добролюбова — отслужить панихиду, возложить венки, — полиция разогнала процессию, а многие из ее участников были арестованы, исключены из университета, высланы из Петербурга...

Накануне похорон уже было известно, что петербургский градоначальник Грессер «принял меры».

Когда Лили вышла на улицу, она увидела, что весь

город наполнен полицейскими. У каждого дома стояли дворники. Всем, кто нес цветы или был в студенческой форме, полицейские очень «любезно» указывали путь, по которому якобы пройдет похоронная процессия. На самом деле шествие направлялось совсем по другим улицам. Лили пошла прямо на Литейный проспект, к дому, где жил Щедрин, и сразу попала в ряды процессии.

Это была настоящая демонстрация!

Люди шли нестройно, волнуясь. Вместо объявленного заранее выноса тела на 10 часов утра полиция распорядилась начать похороны на час раньше. Те, кто опоздал, догоняли на извозчиках. Как только переехали Невский проспект, гроб повезли рысью. Многие отстали, другие бежали.

Молодые люди рассказывали, что во всех гимназиях, академиях, институтах как раз на этот день и час были назначены экзамены, чтобы помешать учащимся прийти на похороны.

Но многие все же пришли.

Лили бережно держала в руках маленький букетик примул. Она хотела положить его на гроб писателя. Но начало процессии было далеко впереди. Вдруг кто-то из идущих перед ней обернулся и прошептал:

— Дайте их мне.

Лили отдала ему цветы. Он передал их вперед. Лили видела, как ее букетик присоединился к другим цветам. Букет все рос и рос, переходя из рук в руки, пока не достиг гроба, на который его и положили.

Когда процессия прибыла на кладбище, ряды как-то раздались, и Лили оказалась впереди.

Начались речи. Россия провожала в последний путь славного писателя земли русской.

Кто-то говорил речи, кто-то читал стихи. Лили услышала, как упомянули сказку «Пропала совесть».

Кого-то из выступавших арестовали.

Потом возлагали венки на могилы Гаршина, Надсона, Белинского, Добролюбова.

Весь вечер по городу ходили тревожные слухи о новых арестах.

Демонстрация и речи на похоронах Щедрина произвели огромное впечатление по всей России.

Лили запомнила этот день навсегда.

ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ

Близился срок отправки Василия Андреевича в Сибирь. Паша ехала за ним. Лили решила вернуться в Англию. А Саша тоже очень хотела поехать в Лондон к сестре Фанни, но денег не было. Лили предложила довести ее в долг. Так и решили.

Лили держалась из последних сил. Все виденное и пережитое тяжко отразилось на ней.

Последние сборы. Лили отдала свою «счастливую» бамбуковую корзину Паше. Ей нужнее. Вещи Лили тоже были уже упакованы. Она увозила с собой много книг. Одна из самых дорогих — комедия Грибоедова «Горе от ума». Эту книгу ей подарила на прощание ее ученица-генеральша и надписала: «В память приятных бесед дорогой мисс Буль». Везла Лили и подарки в Лондон. Друзья посылали Степняку снимок с картины Наумова «Умиравший Белинский».

Но дорожке всего, конечно, были письма и фотографии. Лили увозила с собой на память маленькую фотографию Сережи с бабушкой. Увозила она и свой снимок. Еще прошлой зимой, в январе 1888 года, ходила она на Невский проспект в фотографию Павловского. Пристальный взгляд, пышные, небрежно забранные волосы, простое темное платье с белым шарфиком. На этом снимке она была похожа на скромную русскую девушку...

Среди вещей Лили были надежно запрятаны листки бумаги, исписанные размашистым почерком. Это была рукопись брошюры Цебриковой о тюрьме и ссылке. Мария Константиновна приступила к осуществлению своего плана. Она прощалась с друзьями, распродала вещи, якобы собираясь в большое заграничное путешествие. Она и на самом деле собиралась на днях за границу. Только не путешествовать. За ней уже следили. Рукописью письма к царю она оклеила изнутри коробку с табаком, а рукопись брошюры отдала Лили, надеясь, что вещи англичанки не так тщательно будут осматривать на границе.

В середине мая Василия Андреевича отправили в Сибирь через Москву. Пашета с сыном ехала вместе с ним.

Лили и Саша провожали их. Вот тронулся арестантский вагон. Последний раз мелькнула золотистая головка Сережи...

На следующий день должны были уехать Лили и Саша.

Вечером Лили вышла на улицу попрощаться с Петербургом.

Погода была великолепная. В ясном, прозрачном воздухе особенно четко виднелся золотой шпиль Петропавловской крепости.

Город был неузнаваем. Вся столица была украшена коврами и флагами. Несметные толпы толкались на улицах и площадях. Это в гости к русскому императору приехал шах персидский.

Когда стало темнеть, над городом вспыхнула грандиозная иллюминация. На Невском проспекте горели газовые звезды. Почти всю ночь гуляли петербургские жители. Лишь под утро наступила тишина, и в ясном воздухе далеко разносились звуки курантов Петропавловки: «Коль славен наш господь в Сионе...»

Глава XXVII

ДОМОЙ

В мае 1889 года, пробыв в России больше двух лет, Лили Буль уехала из Петербурга.

Она узнала Россию. Убедилась, что Сергей Михайлович был прав. Но тех, кого искала, она не нашла. Их убили, уничтожили, сослали. Некоторые были еще здесь, но за решетками, за непроницаемыми каменными стенами, погребенные заживо. Но образы их были живы, идеи их были бессмертны.

Там, дома, в Англии, найдет она тех, кто остался в живых, тех, кого она тщетно искала в России.

Саша и Лили ехали самым медленным поездом. Лили торопилась домой, но так было дешевле.

В вагонах было людно. Из многих углов России, у кого только были свободные деньги, ехали в Париж на недавно открытую Всемирную выставку. Повсюду на станциях продавали путеводители по Парижу.

Лили торопилась домой. Обнять мать, сестер. Отдохнуть от всех этих ужасов. Увидеть Сергея Михайловича, познакомиться с его друзьями.

Она чувствовала, что отныне судьба ее неразрывно связана с Россией.

Они не задержались ни одного дня в Париже, не полюбопытствовали взглянуть на Всемирную выставку, на знаменитую башню, построенную инженером Александром Эйфелем.

Глава XXVIII

КАК ЭТО ТРУДНО!

Друг Лили в Лондоне тоже с огромным нетерпением ожидал ее. Сергей Михайлович ждал вестей с родины, известий о судьбе близких людей. Тревожился он и о самой Лили — как перенесла она эту поездку. Он не сомневался, что все ее тревоги, «действительно ли в России так плохо», рассеялись, но по силам ли ей оказалась эта личная проверка?..

Четвертого июня Степняк написал красными чернилами в своей маленькой серой записной книжке: «Приехали Саша с Булочкой».

...Но как изменилась его милая Булочка! Как повзрослела! Какой горький университет прошла она за эти два года!..

Сергей Михайлович жадно расспрашивает ее о друзьях, о событиях, о настроениях в России. Читает письма, привезенные ею. Рассматривает книги, подарки. Умиравший Белинский... Хоть умер он в своей постели, а не на тюремной койке, но и это так легко могло случиться... Художник хорошо показал эту возможность: через полуоткрытые двери виднеется фигура жандарма.

Да, по всей России, кажется, возле каждого человека стоит жандарм...

Лили не наглядится на своего друга. Он так же бодр, горяч, неутомим, суров, нежен. Так же неустанно ходит взад и вперед по комнате и рассказывает не торопясь. Как всегда, глядя на его крепкую фигуру, кажется, что у него должен быть бас, а говорит он высоким, тонким голосом.

Лондон, Флит-стрит — улица, на которой сосредоточены крупнейшие издательства и редакции газет. С открытки конца XIX века.

Польский революционер Михаил-Вильфрид Войнич. Фотография.

З. А. Венгерова. Первая переводчица романа «Овод» на русский язык. *Фотография.*

Поэт Н. М. Минский. Содействовал появлению «Овода» в России. *Фотография.*

Лили слушает его рассказы. Прежде всего — о романе, который он написал за это время. Так было трудно писать его по-английски! Он сомневался — нет ли погрешностей в языке. Спасибо добрым друзьям — Элеоноре, дочери Маркса, и ее мужу Эдуарду Эвелингу, — они просмотрели рукопись и одобрили его английский язык. Теперь он спокоен. Он решил было назвать роман по имени главного героя, но все ему советовали дать другое название, более понятное для англичан. Роман будет называться «Карьера нигилиста». Степняк хохочет: ведь англичане всех русских революционеров называют нигилистами.

Но, может быть, может быть, когда-нибудь ему удастся увидеть свою книгу, изданную на русском языке... Тогда она будет называться «Андрей Кожухов».

Это книга о его друзьях, об их жизни и борьбе. Он не излагает в ней политических программ, не дает широкой картины революционного движения в России, ему хотелось осветить сердечную и душевную сущность восторженных друзей человечества, безграничность их самопожертвования, их великую преданность идее освобождения народа. В эту книгу он вложил свое восхищение героями-мучениками, свои чувства и мысли. Недаром в главных персонажах романа друзья Сергея находили его собственные черты.

Делился Сергей Михайлович с Лили и своими планами. Больше всего он хотел бы вернуться в Россию и продолжить там борьбу с самодержавием. Но террор бессмыслен — он это понял теперь, а мирная пропаганда по-прежнему невозможна. Рассказы Лили только подтвердили эту невозможность. Он будет бороться здесь. Заветной его мечтой было продолжить дело Герцена — возродить вольную русскую печать, издавать журнал, газету, книги, переправлять эту литературу в Россию, готовить народ к новому этапу борьбы. Но нет денег...

Ведь самодержавие в России является оплотом для реакционеров всех стран; народы мира и в своих интересах должны помочь русскому народу в его борьбе, — нужно всемерно разоблачать ужасы царского строя, показывать действительное положение в России. Он делает все, что в его силах, — пишет книги, статьи, выступает на митингах, — но этого мало. Надо больше знакомить евро-

пейского читателя с русской литературой, переводить ее, надо вызывать симпатии к освободительной борьбе русского народа. Сам «Генерал», как он и его друзья зовут Фридриха Энгельса, одобряет и поддерживает его усилия. Теперь и Лили может ему помочь в этом...

Лили глубоко любила своего старшего друга, целиком доверялась ему. Она называла его своим опекуном.

Глава XXIX

ЛЮДИ ЕДИНОЙ СТРАСТИ

Друзья Степняка приходили к нему слушать рассказы Лили о России.

Чаще всех бывал Александр Логинович Линев. Это был талантливый инженер, изобретатель, но в России он ничего не строил, не изобретал — он служил революции. А потом сидел в Петропавловской крепости, потом эмигрировал за границу; был хорошо знаком с Марксом. Лили подружилась с ним и с Евгенией Эдуардовной Паприц, вскоре ставшей его женой.

Евгения Эдуардовна была замечательной певицей. Она с огромным успехом выступала в оперных театрах Европы. Но судьба русского народа, его тяжкая доля волновали молодую певицу. Она бросила сцену и вместе с друзьями организовала нелегальное общество переводчиков и издателей. Они перевели и выпустили в Москве несколько произведений Маркса и Энгельса. Потом ей пришлось уехать за границу, там она познакомилась со многими передовыми людьми, переписывалась с Энгельсом. Она целиком посвятила свои силы пропаганде русской музыки. Здесь, в Лондоне, Евгения Эдуардовна организовала из любителей — студентов и эмигрантов — русский хор. С огромным интересом узнавала английская публика неведомые ей богатства русской классической и народной песни.

Познакомилась в эти дни Лили и с Петром Алексеевичем Кропоткиным.

Князь Петр Алексеевич Кропоткин происходил из знатнейшего рода. Друзья шутили, что он — рюрикович по крови — имел больше прав на российский трон, чем

нынешний царь. Он получил воспитание в пажеском корпусе, где готовили приближенных слуг престола. Он был выдающимся ученым. Его исследования по географии и геологии завоевали ему всемирную известность.

И всё это он оставил для служения народу!

Кропоткин был одним из лучших пропагандистов среди народников. Но вскоре — неизбежный арест, Петропавловка, изумительный по дерзости побег (он ускакал на том самом рысаке Варваре, который потом увез и Сергея Михайловича после его покушения на Мезенцова), и с тех пор, вот уже тринадцать лет, — скитания по Европе. Он борется за свободу и здесь — в Швейцарии, во Франции, в Англии. И не раз уже сидел и в европейских тюрьмах. Книги его переводились на многие языки. Вокруг его имени создавались легенды. Популярность его в Европе была огромна. И в тесном кругу друзей он неизменно вызывал любовь.

Лили просто обожала его.

В эти дни, летом 1889 года, приехал из Женевы давнишний друг Сергея Михайловича — Георгий Валентинович Плеханов. Степняк звал его Жоржем. В юные годы Плеханов тоже мечтал посвятить себя науке, увлекался химией, но потом весь целиком отдался революционной борьбе. Он тоже вынужден жить в изгнании, тоже бедствует, да к тому же болен, но какая энергия, какая неутомимость, какое глубокое, пристальное внимание к самым основам борьбы — к вопросам теории!

Плеханов был последователем Маркса. Несколько лет назад он с друзьями организовал группу «Освобождение труда», в нее вошли Вера Засулич, Лев Дейч, Павел Аксельрод — все бывшие народники, все близкие друзья Сергея. Усиленно приглашали и Сергея примкнуть к их группе, но Степняк не видел растущих сил рабочего класса в России, все еще считал, что путь России иной, чем путь Западной Европы.

Плеханов был согласен с Сергеем в высокой оценке душевных качеств народовольцев. Он сам написал воспоминания об Александре Михайлове, восхищаясь им, восхищаясь образом этого человека, который, подобно лермонтовскому Мцыри, «знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»: этой думой было счастье родины, этой страстью была борьба за ее освобождение».

Но Плеханов яростно спорил с народолюбцами, доказывал, что истинные пути борьбы основываются на теории Маркса.

Лили уже знала, что у друзей Степняка были различные взгляды. Лили не всегда могла разобраться в их ожесточенных спорах. Ее поражало, что в одних и тех же условиях рождались столь противоположные теории, но ее восхищало неизменное взаимное уважение к убеждениям другого, и она видела, что их объединяло — страстность поисков, беззаветная преданность своим убеждениям, глубокая принципиальность, презрение к каким бы то ни было компромиссам, сделкам с совестью, и самое главное — интересы общества всегда были для них выше их личных интересов, борьба за свободу была их единой вечной страстью.

Все они томятся в изгнании, мучительно страдая от разлуки с родиной, тяжело переживая участь друзей, томящихся в тюрьмах и ссылке. Горькая нужда преследует их повседневно, но вера в победу своих идей, но бодрость не покидает их.

Глава XXX

ПОПРОБОВАТЬ СВОИ СИЛЫ

Лили чувствовала себя совсем больной. Пребывание в России вызвало тяжелое нервное потрясение. Она мечтала поехать куда-нибудь за город. При всех трудностях и горестях Лили всегда искала прибежища и утешения в природе. Но денег не было...

На помощь пришел старый друг их семьи — Джон Фальк, один из владельцев небольших соляных заводов. Он пригласил Лили с сестрами в Кемберленд. Они поселились в простой деревенской гостинице.

Лили целыми днями гуляла среди близкой ее сердцу природы родной страны. Свои впечатления она описывала в письмах к своему русскому другу, своему «опекуну».

Но, кроме озер и лесов, существуют и города, существует и далекая Россия. Лили все время думала о Пашете, о Серееже.

Сколько долгих дней длится долгий путь на восток в арестантском вагоне...

Лили рассказывает Джону Фальку о бедствиях мужественной Паши Карауловой. Она будет работать в Сибири врачом, но у нее нет никаких медицинских инструментов.

Джон Фальк приобрел для Пашеты полный набор медицинских и хирургических инструментов.

Лили рассказывает Джону Фальку о лишениях, которые терпят русские эмигранты. Джон Фальк дает ей чек на солидную сумму.

Лили послала чек Степняку.

Двадцать второго августа 1889 года Сергей Михайлович писал ей в Кемберленд:

«Милая Лили.

Получил сегодня Ваш чек, за который благодарен Вам чрезвычайно. Передайте мою благодарность м-ру Фальку тоже. — Пришло все как раз вовремя.

Ах, Лили, если б Вы знали, как мне Ваши описания природы нравятся. Положительно Вы должны попробовать свои силы на писательстве. Кто может двумя-тремя строчками, иногда — словами схватить и передать характер природы, тот должен уметь или, по крайней мере, может уметь охватывать также рельефно и вразумительно характер человека и явления жизни — если только он достаточно долго и внимательно наблюдал их (что несравненно труднее, конечно, чем наблюдение природы). — Об этом мы поговорим, когда приедете. Что же до той местности, которую Вы специально описываете, то у меня явилось желание, когда я буду писать свой третий роман (теперь пишу второй, маленький), съездить туда и пожить неделю, другую. Первая сцена этого романа открывается в Англии, и я думаю, не взять ли именно этот уголок — если Вы позволите воспользоваться Вашим открытием.

Спешу окончить, чтоб поспеть сегодня отправить. Кланяюсь Люси.

Ваш Сергей».

«...Если только он достаточно долго и внимательно наблюдал их» — Сергей Михайлович подчеркнул эти слова.

Ему нравятся ее описания природы. Ну, это он пишет для придания бодрости, думает Лили. Советует писать.

13 Grove Gardens

N.W.

22 Aug. 1889

Милый Лили

Получила сегодня твою теле-
грамму благодарю тебя
презвычайно. Передаю мою
благодарность твоей маме
Томе. — Прими же мои
поцелуи.

Ах Лили если бы ты увидела
какую мне радость отменил
природы знойная. Погода
была бы прекрасна. Все
идет к тебе. Кто
может думать тебе отключить
много словесно сказать и передать

Вряд ли что-нибудь у нее получится. А что, если попробовать?..

Прекрасный образ героя и мученика не покидает ее. Она думает о нем постоянно. Она достаточно долго и внимательно «наблюдала» его. Не только наблюдала. Она преклоняется перед ним. Страстное восхищение его подвигом владеет ею. Она видит его: вот он стоит перед нею. Он так молод! Весь в черном. В его глазах бесконечная скорбь, след долгого, глубокого и скрытого страдания. Он не взывает к небесам. Он бросает вызов небесам. Он борется. Он — человек. И он погибает. Но он — бессмертен. Кровавые раны на груди его говорят. И тень его поднимает знамя, выпавшее из рук его. И бодрость и отвага вспыхивают в рядах друзей его, и ужас и смятение обуяли врагов его. Он — бессмертен. Она следует за ним...

Глава XXXI

НАЧАЛО

Вскоре после возвращения из России Лили Буль начала писать свою первую книгу — роман о революционере Оводе.

Глава XXXII

ГЛАВНАЯ ПОМОЩНИЦА

В начале 1890 года после долгих хлопот Степняк организовал группу либеральных англичан; и они основали в Лондоне «Общество друзей русской свободы». Из пожертвований составила изрядная сумма, благодаря которой можно было приступить к изданию журнала. Назвали его «Свободная Россия».

Редакторами этого журнала были Степняк и его старый друг, недавно бежавший из Сибири с помощью Джорджа Кеннана, — Феликс Вадимович Волховский.

Главной помощницей Степняка была Лили Буль.

Лили нашла наконец настоящий, истинный путь жизни. И такое счастье было работать вместе с милым «опекуном» — умным, горячим, мягким и суровым дру-

гом! От томившего ее когда-то ощущения пустоты не осталось и следа.

Дни ее были заполнены до краев. Она помогала в организации общества, в создании журнала, в сборе средств. Помимо всяких организационных дел, она переводила различные материалы на английский язык и принимала близкое участие в литературном редактировании журнала.

Было решено, что «Свободная Россия» будет выходить раз в месяц на шестнадцати страничках. В журнале будут печататься статьи и очерки о положении в России, будут публиковаться и переводы произведений русских писателей.

Лили много читала — и русских классиков, и номера «Народной воли», произведения современной русской литературы и всевозможные издания эмигрантской печати. Сама тщательно работала над литературными переводами. Прежде всего решила перевести на английский язык сказку Степняка «Мудрица Наумовна», так ей полюбившуюся. Потом стала переводить рассказы Гаршина.

Интересовала ее и украинская литература.

Степняк часто читал ей стихи своего любимого поэта Тараса Шевченко. Сергей Михайлович ввел ее в мир духовной жизни поэта, мир, полный гневного протеста против угнетения личности, против самодержавия, полный непреклонного мужества, бесконечной любви к народу, яростной ненависти к богу.

Лили сама хотела читать стихи Шевченко, хотела перевести их на английский язык. Степняк стал заниматься с ней и украинским языком. Вскоре Лили уже свободно читала по-украински. Она горячо полюбила творения великого кобзаря. Трагическая история его жизни вызывала в ней страстное возмущение. Его тоже хотели похоронить заживо: ему запретили писать и рисовать, но, пока он был жив, пока дышал, он не мог не писать, не рисовать.

Уже тридцать лет прошло со дня смерти Шевченко, а до сих пор лучшие его стихи запрещены в России, — как будто приговор преследует его и после смерти... Но стихи его живут. Недавно друзья в Женеве издали запрещенные стихи Шевченко. Лили бережно хранит маленькую

книжку в зеленой бумажной обложке. Без конца читает и перечитывает ее. Как передать на английском языке напевность стихов Шевченко?

Особенно близко ей было по настроению знаменитое «Завещание» Шевченко. Да, до той поры, пока не понесут реки в своих водах кровь постылых угнетателей, до той поры нету бога для меня, писал поэт. Лили решила перевести на английский язык это стихотворение. Ей казалось, что это свои мысли выражает она, переводя стихи Шевченко, и еще сильнее звучало отрицание бога в ее переводе.

С наслаждением знакомилась Лили с народными украинскими песнями. Пыталась переводить и их. Перевела старинную чумацкую песню «Чайка», посвященную извечной мечте народа о свободе.

Глава XXXIII

ПИСЬМО К ЦАРЮ

В феврале 1890 года Лили получила большой пакет из Парижа. В пакете были две брошюры и письмо.

Мария Константиновна осуществила наконец свой план. Она уже несколько месяцев жила в Париже. Лили переслала ей туда рукопись, привезенную из России, и вот теперь она напечатана под названием «Каторга и ссылка». Маленькая книжечка в серенькой обложке. А вот и другая, в такой же серенькой обложке, — «Письмо к Александру III». На обложках нет фамилии автора, только помечено, что книжечки напечатаны в Женеве. Но в конце текста стоит неровно оттиснутая подпись: «М. Цебрикова». Буквы печатные, но как будто они не напечатаны, а оттиснуты от руки. Как странно!

Лили с волнением читает и перечитывает письмо Марии Константиновны. Вот что она писала ей:

«Дорогая Лили!

Когда вы получите это письмо и мои брошюры, я буду в тюрьме. Как вы знаете, я не революционерка. Но я хотела наконец сделать что-нибудь для моего народа. Когда я была молода; моя английская приятельница Мэри М., бывало, говорила мне: «Вы, русские, вы рож-

дены быть рабами». Я отвечала ей: «Мы рождены рабами, но не рождены, чтобы быть рабами». И я решила, что когда-нибудь я это докажу. Но не это является истинным мотивом моих действий. Истинным мотивом является то, что я в долгу перед моим народом, и я плачу этот долг, говоря слово в его защиту, нанося моральную пощечину деспотизму. Мои революционные друзья, которые не разделяют моего мнения о невозможности революции в ближайшем будущем, старались отговорить меня от этого шага, полагая, что люди, не знающие меня, будут думать, что я просто хотела произвести сенсацию... Если бы не их предположения, мне бы в голову не пришло вообще говорить об этом и объяснять, что личные мотивы — ярость раба, разбивающего свои цепи, — имеют мало значения в данном случае и что истинная причина — нестерпимая жалость к народу. Я хорошо знаю жизнь, я знаю, что его ждет от новых ничтожных тиранов.

Желаю всего наилучшего.

Ваша любящая

Мария Цебрикова».

Да, она уже в тюрьме. Лили знает это. Об этом напечатано и в газете «Таймс». Вскоре стали известны и подробности.

Мария Константиновна, прибыв в Париж, списалась с одним русским эмигрантом, давно живущим в Женеве, у которого была русская типография. Тот напечатал ее брошюры, не зная, кто их автор.

Корректуры для просмотра он выслал в Париж по условному адресу. Когда брошюры были напечатаны, он выслал по тому же адресу небольшое количество типографского шрифта, по несколько штук каждой литеры, и Мария Константиновна сама составила из них свою фамилию, намазала краской и сама рукой оттиснула подпись на брошюрах.

Каждая деталь была строго продумана.

Мария Константиновна знала, что на границе, при возвращении в Россию, ее вещи будут тщательно осматривать, но личного обыска не будет. Она решила провезти брошюры на себе, спрятав их под одеждой. К сожалению, она сама была довольно полная и все брошюры на себе спрятать было невозможно. Она взяла с собой

Les travaux forcés et la déportation
politique en Russie.

КАТОРГА И ССЫЛКА

ЖЕНЕВА

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ

Обложка нелегальной брошюры М. К. Цебриковой, напечатанной в Женеве в конце 1889 года. Лили Буль вывезла рукопись этой брошюры из России за границу. Сверху — надпись по-французски: «Каторжные работы и политическая ссылка в России».

только пятьдесят брошюр с письмом к царю и двадцать брошюр о каторге и ссылке.

Главная ее цель была — чтобы о письме стало известно широко и чтобы царь вынужден был что-либо ответить.

Она заготовила пакеты для крупнейших английских и французских газет, написала знаменитому датскому критику Георгу Брандесу с просьбой довести содержание ее брошюр до датской публики; такие же письма послала в Америку Джорджу Кеннану, с которым давно была знакома, Лаврову здесь, в Париже, и Лили Буль в Лондон.

Так же были заготовлены почтовые бандероли в редакции крупнейших московских газет.

Все заготовила, запечатала, но не отослала.

Она оставила все это у своих друзей в Париже, а сама уехала в Россию. Каждый день был рассчитан. Она условилась со своими парижскими друзьями, что они сдадут все пакеты на почту точно в условленный день, не раньше и не позже. В этот самый день она уже будет в Петербурге и успеет развезти такие же пакеты по петербургским адресам. Ведь если за границей это станет известно раньше, то ее арестуют в Петербурге прежде, чем она осуществит свое намерение, и все тогда пропалет.

И действительно, сообщение о письме Марии Цебриковой к Александру III было напечатано одновременно в крупнейших английских и французских газетах. В это же время ее письма и брошюры получили и Джордж Кеннан, и Георг Брандес, и Лавров, и Лили Буль.

Позднее Лили узнала, что произошло в России. Мария Константиновна приехала в Петербург, не известив никого из своих знакомых. Ее никто не встречал. Она прямо направилась в гостиницу — она видела, что за ней уже следили, и не хотела подвести кого-либо. В гостинице она сняла с себя брошюры и запечатала их в пакеты. Из гостиницы, взяв извозчика, она направилась в канцелярию царя, затем в канцелярию наследника, потом объехала редакции самых больших петербургских газет и всюду оставляла пакет с брошюрами.

Она видела, что шпионы следуют за ней по пятам, но арестовали ее только через несколько дней. Полиция старалась выявить ее сообщников, поэтому-то ее и аресто-

вали не сразу. Допросы следовали один за другим. Не верили, что она все проделала сама.

Мария Константиновна спокойно ожидала решения своей участи. Больше всего ее тревожило, достигла ли она цели — попало ли ее письмо в руки царя.

Вскоре она узнала — да, царь получил ее «Письмо». Сначала, посмотрев брошюры и узнав, что она арестована, Александр III сказал докладывавшему ему об этом петербургскому градоначальнику Грессеру: «Отпустить старую дуру», потом подумал и добавил, что нет, теперь им обоим жить в одном городе уже нельзя и надо ее отправить куда-нибудь подальше. Он серьезно осведомился, нельзя ли ее заточить в монастырь. Но в конце XIX века даже всероссийский самодержец не мог применить эту решительную меру русских государей XVII века.

Прочитав «Письмо» и брошюру о каторге и ссылке, царь больше всего поразился: «Ей-то что за дело?» Действительно, как это рядовая гражданка русского государства смела думать о судьбах отечества!

Отдано было распоряжение замять всю эту историю. Но это было уже невозможно: сообщения английской и французской печати привлекли широкое общественное мнение в Европе. Русское посольство во Франции прислало опровержение, что, мол, не было никакой писательницы, писавшей письмо царю, а что, мол, это все дело рук лондонских эмигрантов. Очевидно, агенты русской полиции что-то разузнали о пересылке рукописи брошюры из Лондона в Париж, но не поняли, в чем дело...

Через некоторое время Марию Константиновну сослали в Вологодскую губернию, в глухое местечко Яренск.

Конечно, ничего не изменилось в русском государстве из-за этого письма Цебриковой к Александру III, но впечатление оно произвело. Ведь это было время самой глухой и мрачной реакции. Еще одна попытка! Желание бороться с несправедливостью было огромное, сил было немного, еще меньше было трезвого понимания тех путей, по которым должна идти борьба.

Мария Константиновна Цебрикова тоже была одним из действующих лиц той политической трагедии, которую

переживал русский народ в мучительных поисках правильных путей борьбы.

И в ее защиту, при всей ее наивности, можно сказать, что в этой трагедии она была все же лицом действующим, а не бездействующим.

Лили восхищалась мужеством пожилой женщины.

В первом номере «Свободной России», который после больших тревог и усилий вышел летом 1890 года, среди других материалов было напечатано краткое изложение «Письма к Александру III» Цебриковой и сообщалось о судьбе его автора, а в январском номере за 1891 год был целиком напечатан перевод письма Цебриковой к Лили.

Глава XXXIV

НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ

Лили виделась со Степняком ежедневно. Она постоянно бывала в его маленькой квартире, которая казалась ей настоящим штабом. Кто бы ни приходил к нему в дом, каковы бы ни были его убеждения, если только это был честный человек и интересы общества были ему дороже личных, Степняк широко открывал двери своего дома. Он любил людей, любил узнавать людей. Любил узнавать, не спрашивая, не «влезая в душу», а просто говоря «по душам». И люди любили его за его деликатность, человечность, кристальную чистоту, искренность, скромность, бескорыстие, но больше всего любили за принципиальность, свободолюбие, за широту взглядов, за несгибаемое мужество, за постоянную готовность к борьбе за свободу всех народов.

Какие только люди не бывали здесь! Политические эмигранты всех стран считали этот дом своим родным домом. В кабинете Сергея Михайловича произносились речи, велись споры на русском, польском, итальянском, украинском, английском, немецком, французском, испанском языках. И хозяин говорил с каждым на его родном языке. Для голодного на столе всегда был чай, для раздетого всегда находилась какая-нибудь одежда. Милая, радушная Фанни Марковна, хотя частенько хворала, хотя подчас в доме не было ни шиллинга, давно уже

свыклась с тем, что их квартира превратилась в прибежище, и каждый находил у них помощь и приют.

Видные художники, писатели, музыканты, политические деятели приходили к Степняку. По субботам двери его дома были открыты для всех.

Лили познакомилась с другом Степняка — блестящим, остроумным Бернардом Шоу. Известный драматург, памфлетист очень любил Степняка, часто бывал у него.

Бернард Шоу привязался к Лили Буль и шутя называл молодую девушку «нигилисткой».

Дружил со Степняком и, приезжая в Лондон, всякий раз бывал у него Георг Брандес. Брандесу очень понравился роман «Карьера нигилиста», и он обещал содействовать переводу его на датский язык. Он сам собирался написать предисловие к этому изданию.

Бывал, конечно, и председатель «Общества друзей русской свободы» Роберт Спенс Ватсон. Он очень уважал Лили и ценил ее серьезность и энтузиазм. Нередко она слышала его рассказы о том, что он в юности мечтал примкнуть к войскам Гарибальди и сражаться за свободу Италии. Рассказывал Спенс Ватсон и о дружбе своего отца с Кошутом и Гарибальди.

Степняк был тесно связан с английскими социалистами. Он дружил с видным писателем и общественным деятелем Вильямом Моррисом. Дружеские отношения связывали его с дочерью Маркса, Элеонорой, и ее мужем Эдуардом Эвелингом — активными деятелями английской социалистической партии.

Степняк принимал близкое участие и в деятельности английских социалистов и в международном рабочем движении.

Четвертого мая 1890 года социалисты решили организовать в Лондоне демонстрацию за установление восьмичасового рабочего дня во всем мире. Демонстрация была грандиозной. В ней участвовало несколько сот тысяч человек. Социалисты устроили несколько импровизированных трибун. Фридрих Энгельс руководил одним из митингов. С трибуны, устроенной на большой грузовой платформе, выступали его друзья: Эдуард Эвелинг, Поль Лафарг — видный французский социалист, муж другой дочери Маркса, Лауры, — Степняк. Хотя и

Лафарг и Степняк говорили по-английски не очень-то хорошо, с сильным акцентом, их страстные речи вызвали бурю восторга.

Даже буржуазная пресса была вынуждена признать значительность демонстрации.

Интернациональный дух борьбы господствовал в доме Степняка. Социалистическое движение давно уже вышло за рамки узконациональной борьбы и стало международным. Это находило свое отражение и в литературе. Недаром ирландский революционер Джим Конноль, автор песни «Красный флаг», которая стала гимном английских рабочих — ее пели на всех социалистических митингах, собраниях, демонстрациях, — говорил, что он написал свою песню «под впечатлением Парижской коммуны, героизма русских нигилистов, отваги и самоотвержения членов Ирландской земельной лиги, стойкости чикагских анархистов и других подобных событий».

Страстная заинтересованность в борьбе народов разных стран была основной чертой Степняка. Но, конечно, главные помыслы Степняка принадлежали его родине.

В его дом всевозможными окольными путями приходили вести из России.

Лили слышала потрясающие рассказы о трагедиях, происшедших в Якутске, на Каре. Беззащитных ссыльных и каторжан морили голодом, расстреливали, вешали, подвергали пыткам и изощренным издевательствам. Слышала она и о том героическом сопротивлении, которое оказывали политические заключенные: о бунтах, голодовках, о массовых самоубийствах, — это был единственно возможный протест.

Пришло известие о смерти Николая Андреевича Караулова. Он умер в августе 1889 года, вскоре же после отъезда Лили из России.

Приходили и радостные вести: такой-то убежал, такой-то уже прибыл за границу. И каждый, кто попадал в Лондон, прежде всего приходил к Степняку.

МИХАИЛ ВИЛЬФРИД ВОЙНИЧ

Однажды осенью 1890 года Сергей Михайлович ожидал прибытия нового беглеца из России. Вечером у него собрались самые близкие друзья — Феликс Волховский, Лили Буль. Они вместе с Фанни Марковной и Сашей ожидали прихода гостя — еще один освобожденный узник, еще один борец на свободе! Жадно ждали вестей из России.

Когда раздался стук, Сергей Михайлович сам пошел открывать дверь. Перед ним стоял высокий молодой человек с серыми глазами. Изможденное лицо обросло бородой. Грязная одежда висела на нем лохмотьями. Он дрожал от холода и, казалось, давно уже не ел и не спал.

Ничего не говоря, он протянул Сергею Михайловичу измятый клочок бумаги. Степняк увидел знакомый почерк Пашеты — тонкие штрихи узких длинных букв. Это был его собственный адрес, написанный по-английски.

На расспросы Степняка незнакомец ответил, что он поляк, бежал из Сибири, а зовут его Михаил Вильфрид Войнич. Говорил он по-русски свободно, без всякого акцента, чуть шепелявя.

— Вот и еще один! — весело сказал Степняк своим друзьям.

Прибывший был совсем не тот, кого они ожидали.

Фанни Марковна, ни о чем не спрашивая, повела беглеца умываться.

Вскоре он вышел к столу в висевшей на нем мешком одежде широкоплечего Степняка. Отрывисто, перескакивая с одного на другое, Михаил Войнич рассказывал свою историю.

Когда его арестовали пять лет назад, ему не было еще и двадцати лет. Он был членом польской социально-революционной партии «Пролетариат». Сам он родом из-под Ковно, учился в гимназии, но недолго. Еще юношей ушел в революцию. Занимался пропагандой, добывал для партии деньги, типографский шрифт, паспорта. Приходилось ему бывать и в Москве, и в Петербурге, и в Риге, и во многих других местах. Очень хотелось

учиться, но не было времени. Все-таки успел сдать экзамен при Московском университете на аптекарского помощника. В 1883 и 1884 годах были арестованы руководители партии «Пролетариат» — Людвиг Варынский, Станислав Куницкий, Петр Бардовский. Им грозила верная смерть. Судебный процесс был только проформой.

Михаил Войнич вместе с друзьями пытался организовать им побег из Десятого павильона Александровской цитадели в Варшаве, где они сидели.

Но они ничего не могли сделать. Осенью 1885 года арестовали их самих. Он полтора года просидел в одиночке того же Десятого павильона, и весной 1887 года без суда и следствия, просто «по высочайшему указу», его отправили в Восточную Сибирь сроком на пять лет. Мучительный путь этапом до Иркутска. Его поселили в глухом селе Тунка, под Иркутском. Там были славные товарищи, но хотелось действовать. Он мечтал бежать! С большим трудом удалось ему получить разрешение пробыть некоторое время в Иркутске — якобы для лечения. И вот в Иркутске встретился он с Прасковьей Карауловой. Он рассказал ей о своих мечтах и о своих тревогах: если даже и удастся бежать, то куда? У него ни души знакомой нет за границей, языков он не знает — отец его, бедный титулярный советник, конечно, не мог дать ему образование. Прасковья Васильевна рассказывала ему о своей жизни, о родных, о сестре в Лондоне, о Степняке и дала их адрес.

Он тщательно подготовил побег. Его должны были перевести в Балаганск. Из Иркутска он выехал, а в Балаганск не прибыл. Ему удалось бежать по дороге. Это было в июне, а сейчас октябрь... Больше трех месяцев он скитался. Ему удалось перейти границу, но, к сожалению, он попал в Германию. А ведь у царского правительства был договор с Германией о выдаче политических преступников. Приходилось скрываться и там. Средств у него не было уже никаких. Кое-как он добрался до Гамбурга, скрывался в доках, прячась в штабелях досок. С трудом уговорил капитана небольшого суденышка, перевозившего фрукты, взять его с собой в Англию. Чтобы оплатить проезд, ему пришлось продать все, что у него было. Продал даже очки и жилет,

103 Stamow Place
Bryanston Square
London. W. 1
22. 4. 1890.

Многоуважаемый Пётр Лаврович,
Александра Локтикова
мне вчера показала письмо
от Вас, которое мне не
многого было известно на счёт
хирургических инструментов
для жены Василия Караулова.
Ольга Николаевна обмывала
мечом для меня путешест-
венника, который согласился
да и ещё взять от себя то
Петра Дурна, и говорила также
объём отъёма по поводу, которо-

Первая страница письма Лили Буль известному русскому революционеру П. Л. Лаврову от 22 апреля 1890 года из Лондона в Париж. П. Л. Лавров помог Лили Буль переправить хирургические инструменты в Сибирь для Пашеты Карауловой.

оставил только маленький перочинный ножик с перламутровым черенком. На дорогу он мог купить только селедку и немного хлеба.

Но на море ему не повезло. Их настигла буря, судно прибило к скандинавскому берегу, груз был потерян, и вот только сегодня он добрался до лондонского дока. Прибыв в Лондон, он пошел по Торговой улице и, размахивая бумажкой с адресом Степняка, знаками спрашивал у прохожих дорогу. Но никто не хотел ему помочь. Вероятно, его истомленный вид и рваная одежда не внушали доверия.

Он уже было пришел в отчаяние, но тут к нему подошел какой-то юноша и спросил его по-русски:

— У вас вид политического. Вы бежали из России?

Михаил Войнич доверился юноше. Тот оказался бедным студентом, который добывал деньги на жизнь и на учение, работая на табачной фабрике, неподалеку от доков. Юноша долго объяснял ему дорогу и наконец сам проводил его до дома Степняка.

Фанни Марковна и Саша расспрашивали его о Пашете. Она очень бедствует. Василия Андреевича поместили в селении Усть-Уда, Балаганского округа. Медицинские инструменты, присланные из Англии, очень ейгодились.

Рассказывая, вспоминая, Михаил Войнич не сводил глаз с Лили Буль, которая сидела молча. Ему казалось, что он уже видел когда-то эти легкие ярко-золотые волосы, эту тоненькую девушку, вся фигура которой выражала напряженное внимание, глубокую скорбь, скрытый гнев, горячее сочувствие. Он пристально разглядывал ее, как бы желая спросить ее о чем-то, и все не решался.

Наконец он спросил ее по-русски:

— Мне кажется, я где-то видел вас. Вы были в Варшаве на пасху в 1887 году?

— Да, — ответила пораженная Лили. — Я останавливалась в Варшаве на пути в Петербург.

— Скажите, — продолжал нерешительно Михаил Войнич, — а вы были в сквере против цитадели?

— Да, — снова ответила Лили. Она так хорошо помнила этот весенний день, звон пасхальных колоколов, играющих детей и мрачные стены крепости.

— Я сидел в этой самой цитадели. Я смотрел на

сквер; на людей на воле, и я видел вас. Я запомнил вас. Кто вы?

Лили назвала себя.

— Так я же вас знаю! — воскликнул изумленный Войнич. — Прасковья Васильевна так много мне рассказывала про Булочку, англичанку из Лондона! Неужели это вы? Какая встреча! — Он ласково улыбнулся. — Прасковья Васильевна просила передать вам привет от «счастливой» бамбуковой корзины!

...Так в судьбу Лили Буль вошел человек, который стал спутником ее жизни, имя которого стало ее именем.

Это было 5 октября 1890 года в Лондоне, в доме Степняка.

Глава XXXVI

«ТЮРЕМНЫЙ ЭТЮД»

Несмотря на все усилия Степняка и его друзей возродить вольную русскую печать, это было невозможно — не было денег.

Степняк решил съездить в Соединенные Штаты. Джордж Кеннан и другие друзья за океаном обещали организовать его выступления и надеялись, что ему удастся собрать там изрядную сумму.

В декабре 1890 года Сергей Михайлович с женой уехал в Америку.

Перед отъездом он подарил Лили свою фотографию, снятую в ателье «Эллиот и Фрей» и надписал: «Лилии Буль на память. 19 декабря 1890».

Лили очень скучала без своего друга, часто писала ему длинные письма. Она писала ему о тех новых переживаниях, которые переполняли все ее существо, — писала о Михаиле Войнице, о своей любви к нему.

Целые дни она проводила с Иваном Михайловичем Кельчевским — так в эмиграции стали звать Михаила Войнича (почти у всех ее друзей было по два-три имени!). Она учила его английскому языку, он ее учил польскому, они вместе работали в редакции «Свободной России», и она готова была без конца слушать его рассказы о героях польского движения, о его подпольной работе, о его скитаниях.

Ее сердце наполнялось глубоким сочувствием к судьбе польского народа — ведь в порабощенной Польше гнет самодержавия был особенно силен. Она начинала понимать всю сложность освободительной борьбы в Польше. Еще очень многие поляки считали своими врагами всех русских, и только партия «Пролетариат» провозглашала союз польского народа вместе с русским народом против русского самодержавия.

Но чаще всего Михаил Войнич рассказывал о своих неосуществленных попытках освободить вождей «Пролетариата».

Сложный план побега был тщательно разработан. Узники должны были спуститься по веревочной лестнице, пройти через туннель, переправиться на лодке. Окончательное согласование всех этапов побега было возложено на Михаила Войнича. Он больше всех подходил для этой роли: в Варшаве его никто не знал, так как он бывал там редко, а последнее время жил в России, и самое главное — его не знала и варшавская полиция; по-русски он говорил свободно, без всякого акцента, ведь в Литве, где он вырос, можно было учиться только на русском языке.

Заговорщики снабдили его русским паспортом и значительной суммой денег. Он должен был посещать офицерские собрания, участвовать в кутежах и щедрыми проигрышами в карты снискать благосклонность охранников крепости. Это ему удалось очень скоро. Начальник охраны крепости подполковник Белановский воспылал к нему особенно нежными чувствами. Он поляк по рождению и ревностно служил царскому правительству. Сородичи отшатнулись от ренегата, русские офицеры его презирали. Поэтому Белановский с радостью приветствовал молодого «русского», который проводил с ним целые дни, без сожаления проигрывал солидные суммы и без усталости слушал его мрачные анекдоты об этих упрямых заключенных, от которых подполковник пытался добиться нужных ему показаний.

Подполковник Белановский, живший на территории крепости, даже выдал своему «богатому русскому другу» пропуск для входа и выхода из крепости, чтоб не провожать его каждый раз до ворот.

Все складывалось как нельзя более благополучно.

Михаил Войнич, получавший от Белановского самые точные сведения о содержании «пролетариатцев» в крепости, уточнил все детали, установил связь с узниками, и час побега был уже назначен. Предательство провокатора разрушило все. Михаил Войнич был арестован.

Подполковник Белановский, вне себя от бешенства, поместил Войнича в камеру, откуда хорошо был виден тюремный двор. Через несколько дней на дворе были установлены виселицы. Михаил Войнич должен был своими глазами увидеть, как казнили его дорогих друзей, за жизнь которых он готов был отдать свою жизнь...

Как мужественно узники держались во время казни! А ведь еще так недавно сердца их были полны надеждой на побег, на свободу. Особенное впечатление производили на Лили рассказы о Петре Бардовском — ведь он русский, а погибает за свободу польского народа!

Подполковник Белановский жестоко мстил Михаилу Войничу. Перед отправкой в Сибирь всем заключенным полагалось свидание с родными. Белановский, любезно улыбаясь, обещал Михаилу Войничу свидание с матерью. Когда молодого узника ввели в комнату свиданий, он действительно увидел свою мать. Она лежала на полу без сознания. Сын бросился к матери, но стража удержала его. Белановский с той же любезной улыбкой подчеркнул, что он свое обещание выполнил. Только много позже Михаил Войнич узнал, что его мать лишилась чувств потому, что Белановский сказал ей, что ее сын расстрелян.

Больше он не видал своей матери. И не увидит. Она слишком стара, чтобы приехать сюда, — а он сам поехать в Литву не может — его тотчас арестуют.

Лили обещала ему обязательно навестить его мать.

Его рассказы потрясали Лили. Ей казалось, что она сама, воочию видит мужественных героев, что она сама пытается их спасти и разрабатывает план побега, что она сама во власти этого изощренно злобного жандарма.

Фигура Белановского буквально преследовала ее. Лили записала все, что слышала о подполковнике Белановском от Михаила Войнича. «Тюремный этюд» — так назвала она свою запись.

Глава XXXVII

В РАБОТЕ

С удвоенной энергией бралась она снова за работу. Трудилась над переводами рассказов Всеволода Гаршина. Она решила перевести его «Красный цветок», «Из записок рядового Иванова», «Трус» и «Происшествие».

Усиленно изучала польский язык. Читала польских писателей. Особенно ей нравились баллады Мицкевича, поэмы Юлиуша Словацкого.

Евгения Эдуардовна Линева постоянно приглашала Лили на выступления созданного ею русского хора. В хоре пели русские студенты, эмигранты. Лили и сама хорошо пела. Но только однажды Евгении Эдуардовне удалось преодолеть ее мучительную застенчивость. Лили выступила в составе хора. Молодая англичанка пела русские песни, которые так любила.

Очень много времени, внимания и сил отдавала Лили работе в редакции «Свободная Россия».

Все друзья с нетерпением ожидали возвращения Сергея Михайловича и ревниво следили за его успехами в Америке. Он писал, что лекции его проходят удачно, денег собрано порядочно, хотя и не так много, как он надеялся.

Вскоре он приехал, полный впечатлений. Рассказывал о сочувственном отношении рядовых американцев. Рассказывал о встречах со знаменитыми людьми. Познакомился он с замечательным писателем Самуэлем Клеменсом, известным во всем мире под именем Марка Твена.

Лили внимательно рассматривала фотографию Марка Твена, присланную им Степняку в ответ на подаренную книгу о подпольной России. Марк Твен писал Сергею Михайловичу: «...Всякий, кто видел Ваше лицо или читал Вашу книгу, не может не видеть, что Вы кристально чистый, искренний и прямой человек.

Я прочел все о подпольной России с глубоким и мучительным интересом. Какого высокого самопожертвования мужчины и женщины!

Я полагаю, нет ничего более дикого, чем русский депотизм, который мог породить такую жертвенность. Дол-

гие годы добровольных страданий и в конечном итоге даже смерть исключительно для блага других людей — это такой вид подвижничества, которого нет ни в одной другой стране, кроме России».

Сергей Михайлович привез из Америки довольно крупную сумму денег, и наконец можно было приступить к осуществлению его заветной мечты.

Глава XXXVIII

НОВОЕ ИМЯ

В июне 1891 года вместе с друзьями Степняк основал Фонд вольной русской прессы. В состав комитета Фонда, кроме Степняка, вошли старые эмигранты, зачинатели «хождения в народ». Вошел в состав комитета Фонда и Михаил Войнич.

Фонд вольной русской прессы ставил своей задачей печатание и доставку в Россию всевозможных революционных изданий. Решено было в первую очередь создать книжный склад, собирать всяческую нелегальную литературу и потом переправлять ее в Россию. С печатанием дело долго не налаживалось, а склад был вскоре создан.

Всеми организационными делами Фонда и книжным складом заведовал Михаил Войнич.

Вскоре на складе Фонда уже было собрано большое количество литературы. Здесь особенно полно были представлены издания Герцена — его сочинения, а также комплекты «Полярной звезды», «Колокола», сочинения декабристов, стихи Рылеева, Огарева, письмо Белинского к Гоголю, запрещенные произведения Льва Толстого, Шевченко, Чернышевского, Щедрина; много было народовольческой литературы — номера «Народной воли», биографии Желябова, Перовской, были собраны издания сочинения Маркса и Энгельса на русском языке, статьи и книги Плеханова, Засулич и многих других.

Вся вольная русская мысль всевозможных оттенков и направлений была представлена на складе. Но все эти книги — от толстых томов до крошечных брошюр, эти

листовки, журналы, газеты — вовсе не лежали здесь в доме № 3 по улице Иффлей-род мертвым грузом. При малейшей возможности, по первому требованию эта литература переправлялась в Россию.

Лили всячески помогала Войничу. Она писала по его поручению письма, договаривалась по разным делам с англичанами, помогала собирать и распространять литературу.

С каждым днем она все больше привязывалась к Войничу. Они уже не мыслили своей жизни порознь.

Летом 1892 года Этель Лилиан Буль и Михаил Вильфрид Войнич поженились.

К прежним именам Лили прибавились новые: миссис Войнич, Этель Лилиан Войнич и даже — миссис Вильфрид Войнич...

Русские называли ее на свой лад — Лилия Григорьевна.

Степняк звал ее по-прежнему Лили и горячо радовался их счастью. «Наша парочка» называл он их нежно.

Они были такие разные — глубоко впечатлительная, сдержанная, скромная до болезненной застенчивости, полная внутренней скрытой силы, которая только в редкие минуты прорывалась с запальчивой резкой беспощадностью, деловая, простая Лили и любящий внешние эффекты говорун Вильфрид.

Вильфрид был очень неровен с людьми, даже с самыми близкими. Его крайняя неуравновешенность, иногда назойливость отталкивали многих, его считали несолидным, неделовым.

Но Сергей Михайлович всегда защищал его от всех нападков.

Они оба — Лили и Вильфрид — целиком отдавались своему делу, и оба в часы отдыха умели беззаботно радоваться и безудержно смеяться.

Летом же Лилию Григорьевну избрали в члены Исполнительного комитета «Общества друзей русской свободы». В номере «Свободной России», вышедшем 1 августа 1892 года, в списке членов комитета появилось новое имя — миссис Вильфрид Войнич.

Но ни на минуту не забывала Лили о глубоко затаенном желании — написать книгу о революционерах,

ENGLISH EDITION.

Free Russia

THE ORGAN OF THE ENGLISH

"Society of Friends of Russian Freedom."

Registered as a Newspaper for Transmission Abroad

Vol. 3.—No. 8.] LONDON, NEW YORK AND ZÜRICH: AUGUST 1ST, 1892 (ONE PENNY.

All Contributions and Subscriptions to be addressed to Dr. R. SPENCE WATSON, Bmsham Grove, Gateshead or, from South Africa, Dr. D. RUBINSTEIN, Box 911, Johannesburg, Transvaal.

Individual contributors are alone responsible for all statements in their communications.

"FREE RUSSIA" is published on the 1st of every month.—London. Printed and Published by Ward & Foxlow, 113, Church Street, Edgware Road, N.W. J. C. Foulger, 13, Paternoster Row, E. C.; Truelove, Holborn, W. C. Cardiff: W. Lewis, Bookseller, Duke Street. Edinburgh: R. W. Hunter, 19, George IV Bridge. Oxford: B. H. Blackwell, Cambridge: Harry Johnson, Bedford; Hockliff & Son, High Street. Leicester: Mr. Holyoak, The Book Store, Humberside Gate. Wolverhampton: Roebuck & Co., Darlington Street. New York: Offices of "Free Russia," Room No 51, Tribune Building. Paris: (1) Neal's Library, 248, Rue de Rivoli (2) J. H. Truchy, Ch Leroy Successeur, 26, Boulevard des Italiens. (3) Librairie Keva, 7, Rue Berthollet. Nice: Librairie Viale, 25, Avenue de la Gare. Cannes: Librairie Lanoix, rue Hoche. Brussels: Messagerie de la Presse, rue du Persil. Amsterdam: S. L. Van Looy, Bookseller. Stockholm: Looström & Co., Basaren à Norbro. Geneva: H. Georg, Libraire. Editeur; Zurich: C. Schmidt, Buchhandlung. (1) 3 Poststrasse. (2) Centralbahnhof. Basel, Bern, Luerne (Bahnhof). Lausanne, Davos, Interlaken: C. Schmidt's, Buchhandlung. Montreux, Vevey: Benda, Libraire. Leipzig: (1) "Literarische Anstalt." A. Schulze. (2) Slavische Buchhandlung. Bucharest: Sococ and Co., Libraire. Sofia: Librairie, E. Leu. Munich: Buchhandlung Wehrhach, 16, Promenade Platz. Vienna: A. Schulze, Huchhandlung, 1. Franzensring, 16 Galatz (Roumania): Librairie Nebunelli. Johannesburg (South Africa): S. Goldreich, Bookseller. PRICE.—England: rd. Minimum Annual Subscription, post free, 1s 6d United States: 10 c.; Annual Subscription \$1. Sweden: 20 öre. Annual Subscription, post free, 2 kroners. France, Belgium, Switzerland, Bulgaria and Roumania: 20 centimes; Annual Subscription, 2 fr 40 c.; post free, 3 fr. Holland: 10 c.; Annual Subscription, 1 gld. 10 c.; post free, 1 gld 40 c. Germany: 25 pf.; Annual Subscription 3 marks, post free. South Africa: 6d.; Annual Subscription, 5s

THE SOCIETY OF FRIENDS OF RUSSIAN FREEDOM.

The English Society of Friends of Russian Freedom, founded in April, 1890, has for its objects to aid, to the extent of its powers, the Russian patriots who are trying to obtain for their country that Political Freedom and Self-government which Western nations have enjoyed for generations.

The Society appeals to the enlightened men and women of all countries, without distinction of nationality or political creed, who cannot witness with indifference the horrors perpetrated in the Empire of the Czars, and who wish a better future for the masses of the Russian people. Further contributions to the funds and further work are needed and will be welcome. Membership is acquired by sending to the Treasurer an annual subscription of or exceeding Five Shillings. Members are entitled to receive *Free Russia* post free.

GENERAL COMMITTEE OF THE FRIENDS OF RUSSIAN FREEDOM.

Those marked with an * form the Executive Committee

Arthur H. Dyke Acland, M.P.	Rev. Page Hopps.	*G. H. Ferris.	*Wm. Thompson
Thomas Burt, M.P.	R. A. Hudson	Joshua Rowntree	*Herbert M. Thompson
Rev. Charles A. Berry.	*Mrs. Edwin Human	*Herbert Rix.	J. S. Trotter.
Rev. Stopford A. Brooke.	R. Maynard Leonard.	Mrs. Herbert Rix.	T. Fisher Unwin.
Percy W. Bunting.	Rt. Hon. J. G. Shaw-Lefevre, M.P.	H. Roberts.	*Mrs. Wilfrid Veynich,
*W. P. Byles, M.P.	John Macdonald.	Henry C. Stephens, M.P.	Alfred Webb, M.P.
The Countess of Carlisle	*Mrs. Charles Mallet	James Stuart, M.P.	*Miss Helen Webb, M.B.
Rev. W. Moore Ede.	J. Fletcher Moulton, Q.C.	Wm. Saunders, L.C.C., M.P.	*Mrs. H. G. Webb.
J. E. Ellis, M.P.	Rev. Donald Morrison.	*Adolph Smith.	Henry J. Wilson, M.P.
Mica Imbella O. Ford.	*Mrs. Edward R. Pease.	*Geo. Standing.	Mrs. E. Spence Watson.
*L. T. Hobhouse.	*J. Allanson Picton, M.P.	*Miss Heba Stretton.	

*Robert Spence Watson, LL.D., Hon Treasurer, Bmsham Grove, Gateshead

*William W. Mackenzie, Hon Secretary, 24, Redcliffe Gardens, South Kensington London, S.W.

Первая страница журнала «Свободная Россия» от 1 августа 1892 года.
В этом номере впервые появилось новое имя — миссис Вильфрид
Войнич (см. в правой колонке имен, 5-я строка сверху).

о тех, кого любила, кем восхищалась. Каждая новая встреча, каждая прочитанная книга, каждая услышанная история оставляли в ней глубокий след. Она постоянно думала о своей книге, и постепенно ее герои становились для нее все более живыми и ясными, но вновь и вновь возникающие текущие дела отвлекали ее от работы над книгой и в то же время питали ее новыми и новыми впечатлениями.

Глава XXXIX

БЕСЕДА С ЭНГЕЛЬСОМ

Однажды ей пришлось вместе с Войничем побывать у Фридриха Энгельса. Она много слышала о нем от Сергея Михайловича и других знакомых и вот наконец видит его сама. Она знала, что Энгельс — вождь международного рабочего движения, знала, что он великий ученый. Друзья звали его «Генералом».

С чувством некоторой робости подходила Лили вместе с Войничем к небольшому уютному дому на Риджентспарк-род, окруженному садиком.

Фридрих Энгельс принял их в просторной, светлой комнате. Лили внимательно разглядывала пожилого высокого человека с большой седой бородой, который обратился к ним так приветливо.

Прежде всего Энгельс спросил, на каком языке им удобнее беседовать. Он одинаково свободно говорил и на немецком, и на английском, и на французском. Лили тоже свободно говорила на всех этих языках. Беседа касалась положения политических эмигрантов Англии. Войнич рассказывал о себе.

Все было скромно и просто в этом доме.

Множество книг, газет и журналов на всевозможных языках свидетельствовали о разнообразных занятиях и знаниях хозяина дома. Огромный, сложный, непрерывный повседневный труд. Недаром друзья шутили, что и Карл Маркс и Фридрих Энгельс, хотя и борются за восьмичасовой рабочий день, сами работают по шестнадцать часов.

Лили с Войничем недолго побыли у Энгельса, но встреча эта запомнилась ей на всю жизнь.

НОВЫЕ ЛЮДИ РОССИИ

Летом 1893 года Лили с мужем поехали в Швейцарию. Нужно было наладить связи с русскими эмигрантами, жившими в Женеве.

Познакомилась Лили наконец с давнишней приятельницей Степняка — Верой Ивановной Засулич.

Вера Ивановна была незаурядная женщина. Ее имя — имя первой русской женщины-террористки — было широко известно в Европе. В ней прежде всего поражал пронизательный ум, стремление к обобщениям, презрение к каким бы то ни было компромиссам. Она уже давно рассталась с народническими иллюзиями и стала первой русской женщиной-марксисткой.

Суровая, угловатая, резкая в суждениях, она была трогательной в своих постоянных заботах о друзьях. О себе она никогда не думала — нередко голодала, одежда ее была самой незатейливой.

В Женеве Войнич встретились и с Василием Васильевичем Берви, который, с трудом вырвавшись из России, приехал на некоторое время в Швейцарию. Это был замечательный человек, один из крупнейших русских публицистов и социологов. Карл Маркс был очень заинтересован его книгой «Положение рабочего класса в России», вышедшей еще в 1869 году, и специально, чтобы прочитать эту книгу, изучил русский язык. В 1871 году Василий Васильевич выпустил книгу «Азбука социальных наук», и эта книга стала учебником для многих поколений русских революционеров. В 1877 году в Женеве был опубликован его роман о нигилистах «На жизнь и смерть». Царское правительство жестоко преследовало В. В. Берви — вся жизнь его прошла в тюрьмах и ссылках, книги его постоянно уничтожались цензурой.

Несмотря на то что Василий Васильевич был очень болен и дряхл — ему было уже больше шестидесяти лет, — он строил множество планов. И в Швейцарию-то он приехал, чтобы попытаться опубликовать продолжение своей «Азбуки социальных наук». Но в Женеве это оказалось невозможным, и Василий Васильевич рас-

спрашивал Войнича о Лондоне. Войнич заверил его, что в Лондоне это можно будет осуществить, и Берви написал Степняку. Степняк очень уважал и любил Василия Васильевича и всячески хотел ему помочь. Степняк звал его в Англию, обещал ему издать его книгу, только вот с деньгами было очень плохо, но Степняк обещал что-нибудь придумать.

Лили с увлечением слушала рассказы Берви о его жизни, о встречах с замечательными людьми, которых он знал, а за свою долгую жизнь Василий Васильевич встречался со многими революционерами, писателями, учеными. Вспоминали они вместе и Марию Константиновну Цебрикову.

Последние годы Берви жил в Тифлисе. Там же после долгих хлопот получила разрешение поселиться и Ольга Любатович. Встречался в Тифлисе Василий Васильевич с молодым писателем Максимом Горьким...

После возвращения в Англию Лили вскоре снова отправилась в дальний путь.

Осуществилась наконец давнишняя мечта Михаила Войнича — осенью 1893 года Лили съездила в Польшу и Литву, побывала в Варшаве и съездила в Краков — повидала его мать, Эмилию Осиповну.

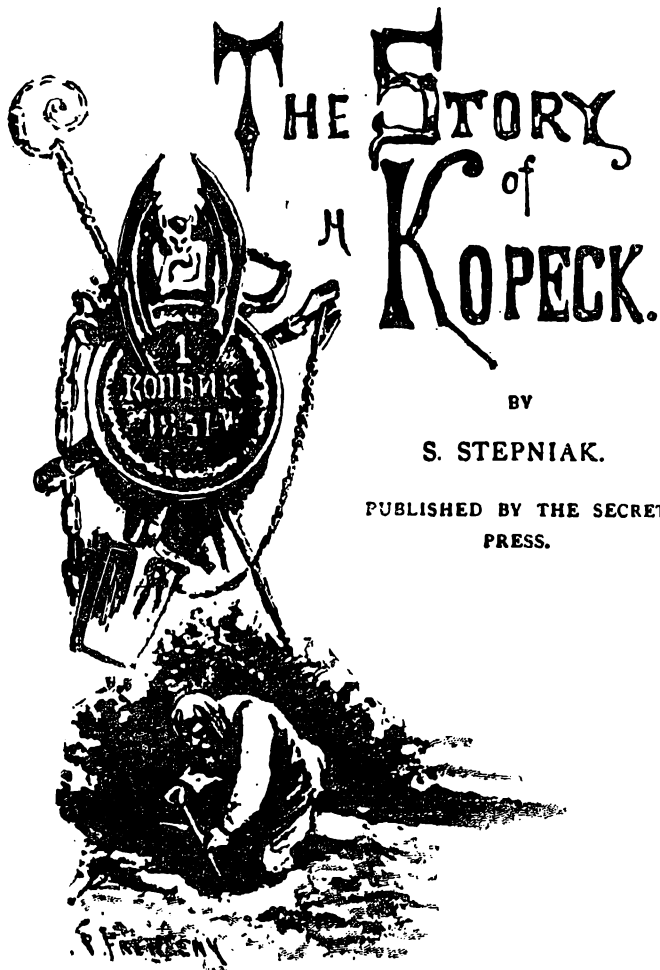
Лили уже неплохо знала польский язык, хорошо знала польскую литературу. Ее интересовали польские народные песни, она любила музыку великого Шопена. Здесь, в Польше, многое из того, что она знала по рассказам мужа, стало ей ближе и понятнее.

Лили пристально наблюдала условия жизни в Польше и Литве. Вернувшись в Англию, Лили сделала сообщение о поездке и о своих наблюдениях на заседании Исполнительного комитета «Общества друзей русской свободы».

Глава ХLI

«НИГИЛИЗМ КАК ОН ЕСТЬ»

Книга рассказов Гаршина в переводе Этель Лилиан Войнич скоро должна была появиться в свет. Первая книга... Одновременно с чтением корректур переводов

THE STORY of КОРЕСК.

BY

S. STEPNIAK.

PUBLISHED BY THE SECRET
PRESS.

А H, my lads! it was a fine, free life in Russia when there were neither landlords nor priests nor fat shopkeepers.

Начало «Сказки о копейке» С. М. Степняка-Кравчинского, включенной в сборник «Русский юмор». Сборник вышел в Лондоне в 1895 году в переводе Э.-Л. Войнич.

Гаршина Лилия Григорьевна была занята новыми срочными переводами. «Общество друзей русской свободы», для того чтобы популяризовать свою деятельность и свои цели, решило выпустить сборник статей. Книгу решили назвать «Нигилизм как он есть».

В сборник вошли три статьи Степняка. Первую — коротенькую, о происхождении этой книги, — Сергей Михайлович сам написал по-английски, а две другие — «Чего нам нужно?» и «Заграничная агитация», которые уже вышли отдельными брошюрками в издании Фонда вольной русской прессы, — надо было перевести на английский язык.

Лилия Григорьевна и выполнила эту работу.

Перевела она и другое произведение Степняка — его давнишнюю «Сказку о копейке». Лили готовила этот перевод для большого сборника произведений русских писателей. Одно крупное английское издательство предприняло серию изданий «Интернациональный юмор»; эта серия должна была состоять из сборников «Французский юмор», «Немецкий юмор» и т. п. Лили со Степняком готовили для этой серии «Русский юмор».

Немного можно было выбрать смешных произведений из русской литературы. Всякий юмор сбивался на гневную или скорбную сатиру или просто оказывался грустным...

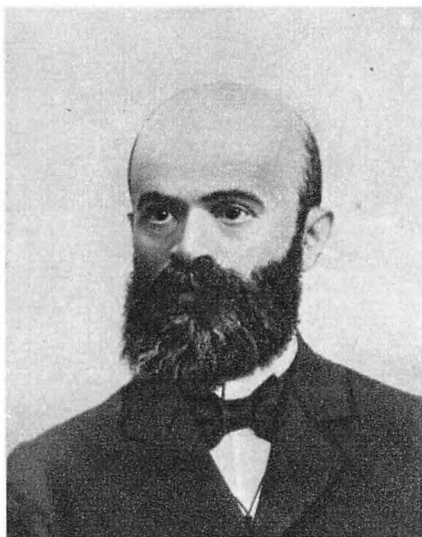
Наконец решили открыть сборник отрывком из «Женитьбы» Гоголя. Затем Лили перевела для сборника «Записки сумасшедшего» Гоголя, несколько рассказов Глеба Успенского и Николая Успенского, две небольшие сценки А. Н. Островского, рассказ В. А. Слепцова, фельетон Ф. М. Достоевского. Особенно потрудилась Лили над переводом двух сказок любимого ею М. Е. Салтыкова-Щедрина. Она выбрала «Самоотверженный заяц», и «Орел-меценат», и, кроме того, отрывок из его книги «Помпадуры и помпадурши». Она мечтала перевести его «Историю одного города», но на эту большую работу у нее не было времени.

Сергей Михайлович был очень горд успехами Лили. К сборнику он написал большое предисловие, в котором высоко оценил работу переводчицы.

Сам Сергей Михайлович неутомимо работал над пропагандой русской литературы. Он постоянно выступал

Русская писательница и общественная деятельница М. К. Цебрикова, друг Э.-Л. Войнич. *Фотография.*

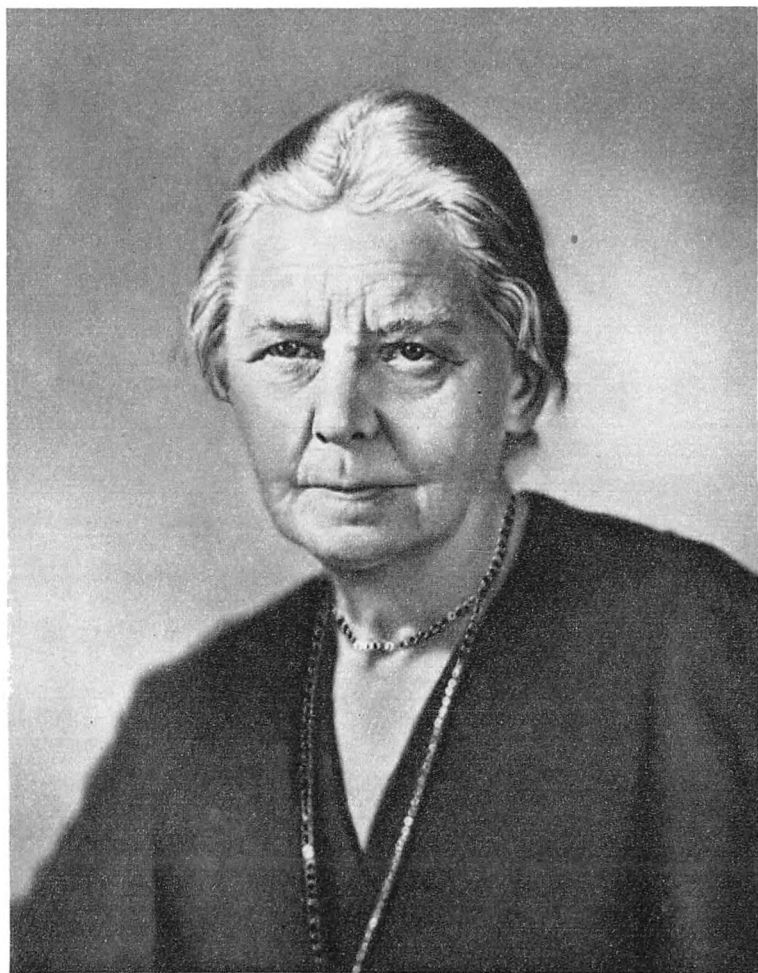
Украинский писатель и общественный деятель Михаил Павлык. *Фотография.*

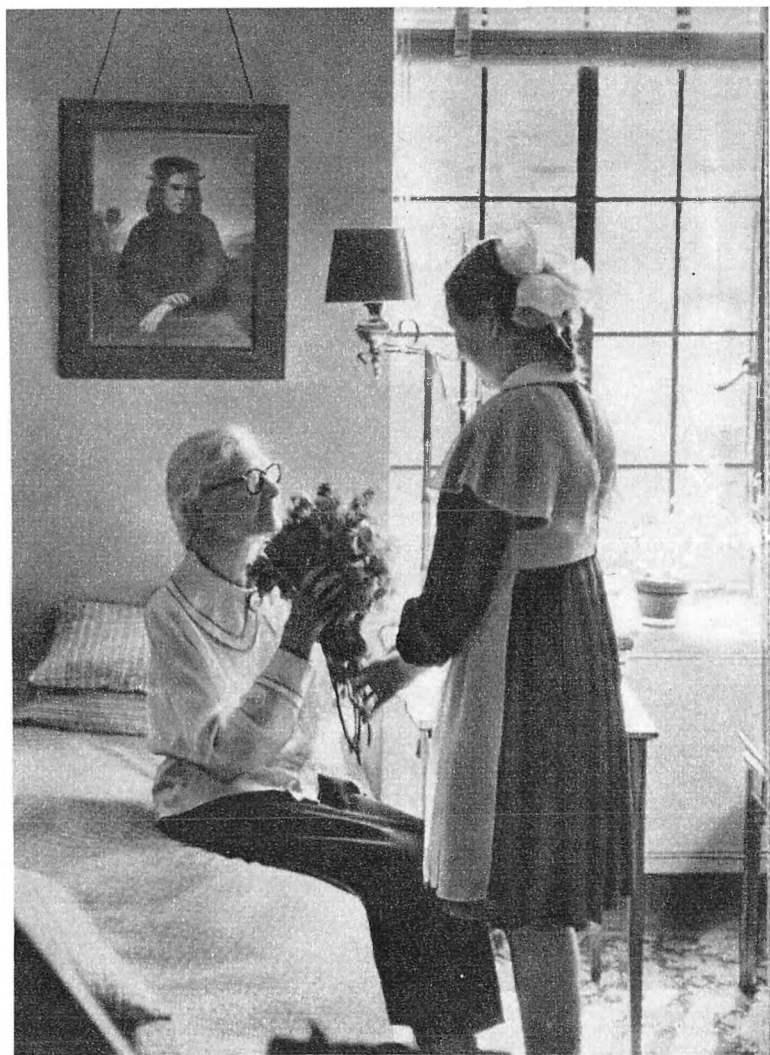
Итальянский революционер
Джузеппе Мадзини. С литогра-
фии.

Флоренция. Летом 1895 года Э.-Л. Войнич заканчивала здесь последние главы романа «Овод». Посредине виден огромный кафедральный собор. Сюда, по описанию Э.-Л. Войнич, приходил Артур, чтобы хоть издали услышать голос Монтанелли. С открытки конца XIX века.

Э.-Л. Войнич вскоре после окончания романа «Сними обувь твою».
Нью-Йорк. Ноябрь 1944 года. *Фотография.*

С радостью встречала Э.-Л. Войнич своих советских друзей. Особенно радовалась она приходу Иры Борисовой. Нью-Йорк. Лето 1958 года. *Фотография.*

с лекциями о Толстом, о Тургеневе, написал предисловия к переводам «Рудина» и «Дворянского гнезда», сам перевел полюбившуюся ему повесть молодого писателя Владимира Короленко «Слепой музыкант» и написал к ней предисловие.

В это же время познакомилась Лилия Григорьевна с Зинаидой Афанасьевной Венгеровой. О ее брате, известном профессоре литературы Семене Афанасьевиче Венгерове, Лилия Григорьевна слышала еще в Петербурге. Семен Афанасьевич сочувствовал революционерам и нередко предоставлял им свою квартиру для собраний. Зинаида Афанасьевна изучала современную иностранную литературу, жила некоторое время в Париже, потом приехала в Лондон и, конечно, сразу познакомилась со Степняком, а познакомившись — подружилась. Она писала в русских журналах о французских и английских писателях, много переводила. Живая, энергичная, она страстно любила литературу.

Познакомилась Лилия Григорьевна и с ее мужем. Это был тот самый Николай Максимович Виленкин, писавший под псевдонимом «Н. Минский», автор «Последней проповеди». Это ему подарил Илья Ефимович Репин свою картину «Отказ от исповеди перед казнью», созданную под впечатлением произведения Минского.

Лилия Григорьевна рассказывала им о своих планах, о задуманной ею книге. Зинаида Афанасьевна и Николай Максимович очень заинтересовались ее замыслом.

Работа над книгой все больше и больше захватывала Лилию.

Она вынуждена была отказаться от одной уже начатой было работы.

Дело в том, что Василий Васильевич Берви все-таки приехал в Лондон. «Азбуку» его начали печатать, а для того, чтобы раздобыть ему денег на жизнь, Степняк придумал следующее: пусть Василий Васильевич напишет свою автобиографию, Лилия будет переводить ее на английский язык. Для англичан она представит несомненный интерес, и за опубликование ее можно будет получить приличную сумму.

Лилия Григорьевна согласилась переводить автобиографию Берви, но тут оказалось, что ее собственная книга, над которой она столько думала, уже готова у

нее в голове. Лили не могла больше откладывать. Она слышала голоса своих героев, она видела их воочию, мыслила вместе с ними, боролась и страдала с ними рядом. Ей не все было понятно в их характерах и поступках, но они уже жили своею самостоятельной жизнью, она горячо любила одних и страстно ненавидела других, и ей необходимо было написать о них. И Лилия Григорьевна вынуждена была отказаться от перевода.

Но снова иные, еще более важные дела вторглись в ее жизнь, и снова (уже который раз) надо было отложить работу над книгой.

Глава XLII

ПОЕЗДКА ВО ЛЬВОВ

Михаил Войнич все-таки не поладил с комитетом Фонда вольной русской прессы и решил самостоятельно организовать переправку нелегальной литературы в Россию. Степняк продолжал дружить с ним и обещал свое содействие. Решили, взвесив все «за» и «против», действовать через Галицию: и граница там слабее охраняется, и помогут друзья во Львове. Но надо кому-нибудь из верных людей поехать во Львов. Самим русским эмигрантам это было опасно.

И во Львов поехала Лилия Григорьевна.

Лилия Григорьевна уже давно знала по письмам и по рассказам Степняка львовского писателя и публициста Михаила Ивановича Павлыка.

Жизнь М. Павлыка была трудной и тяжелой. Родная Галиция томилась под гнетом австрийских захватчиков. С юношеских лет испытал он и тюрьму и изгнание. Цензура яростно преследовала его. За боевое демократическое направление книги его запрещали, издания конфисковывали. М. Павлык знал и изучал произведения Маркса и Энгельса, но мировоззрение его сложилось под влиянием русских революционных демократов. Страстно влюбленный в русскую литературу, М. Павлык переводил на украинский язык произведения Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского и многих других.

Еще в молодости Павлык провел несколько лет в эмиграции, жил в Швейцарии и там познакомился с Сергеем Михайловичем, Плехановым, Засулич и другими русскими эмигрантами.

И теперь Павлык не колеблясь ответил согласием, когда друзья из Лондона попросили его оказать помощь в таком важном и опасном деле, как переправка литературы в Россию.

...Прямо с вокзала, утомленная долгой дорогой, Лилия Григорьевна отправилась искать дом Павлыка. Город Лемберг, как тогда называли Львов (австрийцы, всячески преследуя национальную украинскую культуру, даже дали свое название городу!), понравился Лилии Григорьевне своей живописностью. Снег, лежавший на высоких остроконечных крышах, резче подчеркивал линии старинной архитектуры. Подниматься по кривым улочкам, круто взбегающим вверх, было трудно. Но вот и нужный ей дом. Она позвонила, мечтая о тепле, отдыхе, встрече с Павлыком, который, по рассказам Степняка, казался ей таким симпатичным.

Дверь сразу открыли. На пороге стоял невысокий человек с большим бледным лбом и ясными черными глазами. Да, вероятно, это и есть Михаил Павлык.

Каково же было ее изумление, когда этот человек, едва взглянув на нее, начал гнать ее, осыпая бранью.

Ошеломленная Лилия Григорьевна еле могла разоб-
раться, что он кричал:

— Вы из Парижа! Из Парижа! Убирайтесь!

— Да нет же, я из Лондона, — едва могла проговорить Лилия Григорьевна и протянула письмо Сергея Михайловича рассерженному человеку.

Тот недоверчиво взял письмо и еще раз окинул враждебным взглядом серый дорожный костюм Лилии Григорьевны.

— Так вы не из Парижа?

Он все еще не пускал ее в дом. Повертел письмо, прочитал адрес и распечатал конверт. (Значит, это и есть сам Павлык— ведь письмо адресовано ему!) Бегло пробежал письмо, посмотрел на подпись Степняка, и... его ярость сменилась крайним смущением.

Павлык был в отчаянии. Широко распахнув двери, он пригласил Лилию Григорьевну войти. Он не знал, куда

ее усадить, что ей сказать. Виноватые глаза его смотрели с такой добротой, что Лилия Григорьевна сразу прониклась к нему глубокой симпатией.

Прежде всего он объяснил причину своего поведения.

Оказывается, только на днях Павлык получил письмо из-за границы, в котором его предупреждали, что недруги направили к нему женщину-provокатора. Она придет из Парижа с целью вовлечь его в какие-то рискованные, якобы революционные предприятия, чтоб скомпрометировать его и дать повод для нового ареста. Друзья предупреждали, что provокаторша будет в сером платье.

Вот почему серый костюм Лилии Григорьевны и привел его в такую ярость.

После они часто со смехом вспоминали это недоразумение и свою первую встречу.

Лилия Григорьевна горячо привязалась к Павлыку. Он сразу стал близким и родным ей человеком.

Она рассказывала ему о своей книге. Она пишет роман о революционерах, о героях, об их борьбе и гибели, о гнусной роли религии и ее служителей. Действие ее романа будет происходить в Италии, в 30-е и 40-е годы, в эпоху деятельности «Молодой Италии», в эпоху борьбы с австрийскими захватчиками. Она изучала это время по книгам.

Здесь, в Галиции, Лилия Григорьевна могла не по книгам увидеть, что такое австрийское владычество в поработенной стране, могла ощутить постоянное глухое и яростное сопротивление народа.

Михаил Павлык познакомил Лилию Григорьевну со своими друзьями, прежде всего — с писателем Иваном Франко.

Михаил Иванович помог Лилии разработать планы транспортировки нелегальной литературы в Россию, знакомил ее с обстановкой.

Договорившись обо всем, в конце февраля 1895 года Лилия Григорьевна собралась домой.

Сразу же по возвращении в Лондон Лилия Григорьевна собиралась съездить в Италию. Но еще по дороге, в Вене, она расхворалась и приехала домой совсем больная.

Она без конца рассказывала мужу и друзьям о своих львовских впечатлениях, рассказывала о милом Павлыке, о его друзьях. Только в конце марта смогла она наконец написать своему новому другу во Львов. Спрашивала, как подвигается начатое дело. Приходилось писать иносказательно, пользуясь условленными, на вид невинными словами, чтобы не привлечь внимания цензуры и полиции. Звала Михаила Павлыка в Лондон, передавала привет всем львовским знакомым.

В начале апреля Лилия Григорьевна присутствовала на традиционном годичном митинге «Общества друзей русской свободы». Популярность общества росла, число членов его увеличивалось. Степняк, как всегда, выступил с горячей речью. Лили теперь реже виделась с ним. Работа над романом занимала все ее время. Она просто-таки не могла ни о чем другом думать или говорить.

Проводила долгие дни в читальном зале Британского музея. Изучала жизнь и деятельность Мадзини, Орсини, Гарибальди и других борцов за освобождение Италии.

Но то, что она знала не по книгам — борьба в теперешней России и Польше, — казалось, воскрешало перед ней живые черты недавнего героического прошлого Италии. Живое дыхание борьбы ловила она в рассказах друзей, познавала в их деятельности.

Однако она хотела поехать в Италию, поработать в архивах, посмотреть своими глазами на те улицы и тропинки, по которым ходили ее герои.

Весной, наконец, Этель Лилиан уехала в Италию.

Глава XLIII

ВСЛЕД ЗА СВОИМ ГЕРОЕМ

Пиза. Вот знаменитая падающая башня. Вот старинное здание духовной семинарии. Сюда приходит юный герой ее книги к ректору семинарии, своему духовному отцу, канонику Лоренцо Монтанелли.

Ливорно. Вот мрачная крепость у гавани, где ее герой впервые заключен за решетку. Вот набережная реки

Дарсены, где он симулировал самоубийство, решив расстаться с прошлой жизнью.

Флоренция. Блестящая Флоренция! Весь город — как музей, в котором собраны великие творения итальянского гения. Как всегда, город наполнен праздными туристами. Но ей некогда любоваться сокровищами искусства — она идет вслед за своим героем.

Вот величественный кафедральный собор, знаменитая церковь Санта Мария дель Фиоре. Это сюда приходит озлобленный, обманутый Артур хотя бы издалека взглянуть на обожаемого отца, который принес ему столько горя; в этом соборе кардинал Монтанелли произносит проповедь своим звучным, проникновенным серебряным голосом.

Дворец Уффици. Около этого роскошного дворца ее герой подбирает голодного, избитого оборвыша. Под жестокими ударами судьбы дети еще беззащитнее, чем взрослые...

Часами бродила Этель Лилиан по городу, по рынкам, узким улочкам, говорила с крестьянами, рыбаками, матросами. Познакомилась со старым гарибальдийцем — контрабандистом Луиджи Бассани. Старик водил ее по тропам в горах, где некогда он пронесил оружие, скрываясь от бдительной таможенной стражи, рассказывал о том, как однажды, рискуя жизнью, он спас жизнь Гарибальди.

По таким вот тропам пробирался когда-то Сергей Кравчинский, пронося оружие, поднимая горцев на восстание. Здесь он — не итальянец! — рисковал жизнью, борясь за свободу итальянского народа.

По таким вот тропам проходил ее герой, мужественный, самоотверженный Овод, пронося оружие, поднимая горцев на восстание. Здесь он — только наполовину итальянец! — рисковал жизнью, борясь за свободу итальянского народа.

Горцы, как и весь простой народ, обожают его.

Он прекрасен, грозен и неотразимо обаятелен, так как соединяет в себе оба высочайших типа человеческого величия: мученика и героя.

Много часов проводила Этель Лилиан в Маруччелианской библиотеке и архивах Флоренции и Болоньи.

Целыми днями работала, никого не видя, не разгова-

ривая ни с кем, кроме Артура, Джеммы, Мартини, Монтанелли.

Мысли о судьбе человечества, о его вечной борьбе за свободу, о лучших людях, отдающих свою жизнь в этой борьбе, о славе безвестного подвига владели ею. И какими смешными и незначительными казались ей повседневные заботы окружающих ее людей!

Несколько раз в это лето земля Тосканы колебалась под ногами. Этель Лилиан с удивлением наблюдала, какой панический страх охватывал жителей города при каждом толчке землетрясения. Сама Этель Лилиан ничего не боялась. Она целиком была поглощена работой. Не читала газет. Никому не писала писем.

Глава XLIV

ГЕРОЙ И ЕГО ПОДВИГ

Она писала книгу. Книгу о герое-революционере Оводе. Она могла бы написать о нем многотомный роман, но она пишет кратко. Сам Овод не любил длинных слов, сам Овод догадывался без слов о происходящем, сам Овод был весь — порыв, весь — действие. Ее книга будет подобна ее герою — лаконична, пронизательна, действенна, страстна, целеустремленна.

Так же как Овод, Этель Лилиан будет издеваться над врагами и преданно любить друзей. Так же как Овод, она будет верна себе до конца. Ничего лишнего. Служить только своей цели. Ни красивых пейзажей, ни ярких батальных сцен, ни описаний быта и нравов, только самое главное: смертельная схватка веры в человека с верой в бога, борьба за свободу и счастье — и Человек. Неотразимый, грозный, прекрасный человек-борец. Он умер, но он живет, ибо дыхание его подвига коснулось сердец современников и они следуют за ним.

Она писала и зачеркивала. Снова писала. Она расскажет, каким наивным и мечтательным он был в юности, как исчезли неосуществимые грезы его молодости и каким закаленным бойцом он стал.

Своего героя она назовет Артуром. Он так юн, нежен и доверчив! Главное для него — любовь. Он любит

жизнь. Любит цветы, быстрые реки, книги. Любит детей. Любит людей.

Он горячо любил свою мать, но она умерла. Он горячо любит своего духовного отца — каноника Лоренцо Монтанелли. Артур безгранично ему доверяет и считает его образцом всех добродетелей. Артур верит в него, как в бога.

Нежно любит Артур и подругу своего детства — Джемму. Когда-то они вместе играли, читали книжки, учили стихи. Теперь они вместе будут бороться за освобождение Италии от ига австрийцев, они вместе умрут на баррикадах в час победы, ибо победа не может не прийти. Это ведь высшее счастье — отдать свою жизнь за счастье других. Так учит Христос.

Артур любит своих друзей, но больше всего он любит бога. Бог милостив, справедлив, мудр, добр, всемогущ. Сам бог поможет им освободить Италию и изгнать австрийцев. И тогда они организуют республику, и не будет у них иного владыки, кроме Христа. Недаром девиз их тайного общества «Молодая Италия» — «Во имя бога и народа...»

Он, Артур, — только послушный исполнитель божьей воли.

Теперь, когда он обрел цель и смысл существования в своей идее, жизнь прекрасна для него вдвойне. Он готов умереть за нее.

Этель Лилиан слышит восторженные речи Артура. Она с любовью смотрит на юношу — он так молод и прекрасен! Своими мечтательными голубыми, как незабудки, глазами он доверчиво смотрит вокруг. Ах, он слишком доверчив! Он все принимает за чистую монету. Он сам слишком чист. Для него неправда есть неправда, а страдание есть страдание.

Этель Лилиан со скорбью смотрит на юношу. Ей очень жаль, но жизнь жестока и вовсе не такова, какою она кажется Артуру. Она должна рассказать правду.

Этель Лилиан расскажет, как беды обрушиваются на Артура, как разрушаются его иллюзии. Как вынесет испытания эта юная и чистая душа? О, у этого хрупкого юноши, оказывается, железная воля. Недаром, когда его арестовывают, у него только одна мысль: быть верным до конца. Он обращается к богу только с одной просьбой:

дать ему силы быть верным до конца. Но бог обманул его. Артур вынес испытание — он ничего не сказал на допросах, никого не выдал, как его ни мучили, какие ловушки ему ни расставляли: ни карцер, ни провокации не сломили его.

Но вот она, горькая мука: он все-таки оказался предателем! Священник на исповеди выманил у него тайны заговорщиков и их имена. И бог не поразил громом доносчика, своего презренного служителя...

И друзья, его верные друзья, усомнились в нем, поверили, что он предатель. И Джемма поверила...

И новый удар обрушивается на Артура. Оказывается, что его духовный отец, его любимый наставник, праведный Монтанелли, образец всех добродетелей, священник, давший обет целомудрия, — его настоящий отец! Значит, любимая мать тоже лгала?!

Что же ему делать теперь?

Он понял: все они лгут! И немые бездушные боги, и служители их на земле. Все кончено: все кумиры разбиты, все идолы развенчаны...

Этель Лилиан понимает: если б он не был таким цельным, если б не так горячо любил, если б не так страстно верил, ему было бы легче, удар не был бы столь сокрушительным... Он хотел умереть, но потом решил умереть только для своей прошлой жизни и начать новую. Пусть ищут его тело в реке, а сам он будет далеко.

Пройдет много лет, и Этель Лилиан снова приведет Артура в те края, где прошла его юность. Каким же он вернулся?

Этель Лилиан пристально всматривается в Артура.

Может быть, он вернулся, как Эдмон Дантес, принявший имя графа Монте-Кристо, неумолимым мстителем своим обидчикам? Может быть, он вернулся, как Артур Кленнэм — прошибать лбом министерство околичностей, искупать грехи отца и найти успокоение в мирном труде рука об руку с крошкой Доррит? А может быть, он, утратив все иллюзии, как Евгений Растиньяк, стремительно пойдет по пути обогащения?

Нет, Этель Лилиан знает, что он поступит совсем иначе. Артур поступит так, как поступали те, кого она знала и любила, — Степняк, Кропоткин, Засулич. Артур поступит так, как поступали те, кого она узнала и полюби-

ла по рассказам друзей и по книгам, — Гарибальди, Мадзини, Желябов, Варынский, парижские коммунары, Кошут и многие другие борцы за свободу, истинные герои, мужественные сыны XIX века!

Она расскажет, что ее герой, пройдя тягчайшие испытания, изуродованный, искалеченный, остался верен себе, верен своей любви к родине. Смерть нередко казалась ему легким и сладким делом, но он не позволил себе выбрать этот легкий путь — он остался жить, чтобы бороться.

Он остался прежним! Он так изменился!

Артур остался верен мечте своей юности — отдать жизнь за свободу Италии. Высокая страсть, которая осветила его юные годы, по-прежнему владеет им.

Он не связан ничем. Недаром он когда-то сказал своему отцу:

«Что толку в клятвах? Не они связывают людей. Если вы чувствуете, что вами овладела идея, — это все!»

Недаром, на заре юности, он просил у бога самого главного — силы быть верным до конца. Теперь он знает, что бесполезно просить бога о чем-либо, что верность своим идеям человек обретает в борьбе и в самом себе!

Страдания поработенной родины для него сильнее его личных страданий, и он продолжает борьбу. Только если раньше его девизом был девиз «Молодой Италии»: «Во имя бога и народа», то теперь во имя народа он борется против бога.

Этель Лилиан расскажет, как перенесенные Артуром страдания только укрепили его веру в необходимость борьбы, закалили его, сделали трезвым и беспощадным. Он понял, что не бог принесет спасение людям, а человек сам завоеует его в борьбе, он понял, что религия служит угнетателям и является злейшим врагом народа. Он понял, что упование на всемогущего, религия — основа всех несчастий и ошибок человека. Он понял, что религия — душевная болезнь, подтачивающая волю человека. Всеми силами он борется против этой болезни, этой религиозной направленности ума, этой потребности слабого человека создать себе кумир, обоготворить его, пасть ниц перед кем-либо и поклоняться кому-либо.

«Все равно, кто это будет — Христос, Будда или дикарский тотем!» — скажет ее герой. Вслед за Прометеем

~~Part I~~

Chapter I

Arthur sat in the library of the Theological Seminary at Pisa, looking through a pile of manuscript sermons. It was a hot evening in June, and the windows stood wide open, with the shutters half closed for coolness. The Father Director, Canon Montanelli, paused a moment in his writing to glance lovingly at the black head bent over the papers.

— "Can't you find it, Carino? Never mind, I must re-write the passage. Possibly it has got taken up, and I have kept you all this

он утверждает: всех богов я ненавижу! Он борется против пассивности, обожания, против идеи бога, но этим его борьба не ограничивается — он борется против церкви и ее служителей, он политический борец. Он борется всеми силами — пером и мечом.

Эта борьба владеет всеми его помыслами, является его единственной и великой страстью. Он

...знал одной лишь думы власть,
одну — но пламенную страсть...

Его дело, его идеи для него дороже жизни. В этой борьбе он не признает никаких компромиссов, он отказывается от всяких сделок, даже если это может спасти ему жизнь.

Артур Бертон, вернувшись на родину, берет себе имя Феличе Ривареса, но и враги и друзья знают его под грозным прозвищем — Овод.

Овод! Этель Лилиан видит его. В его глазах — бесконечная скорбь, след долгого глубокого и скрытого страдания. Он не взывает к небесам, он не ищет сочувствия, он не тщеславится своим великим горем — он мужественно переносит его. Он бросает вызов небесам...

Овод! О нем рассказывают легенды. Он смел, ловок, умен, образован, талантлив, проницателен. Он прекрасно пишет и хорошо говорит. Он остроумен, он не расстается с шуткой, он готов шутить, стоя на краю могилы. Его шутки спасают от отчаяния друзей и приводят в отчаяние врагов.

А как он любит жизнь! Он по-прежнему любит цветы, животных, небо и землю. Горе и тяжкие испытания сделали его суровым, но он не стал черствым. Если молодой Артур беззаботно-ласково играл с маленькой крестьянской девочкой, то и железный Риварес трогательно нежен с голодным оборвышем.

Страдания детей глубоко ранят его душу. Он-то знает цену страданий, знает их беспощадность. Это трусливая ложь, что страдания облагораживают человека. Нет, страдания обессиливают, и он научился силою воли преодолевать их.

Этель Лилиан восхищается его мужеством.

Она восхищается его мужеством в преодолении боли.

Но есть иные, более тяжкие страдания: измена, предательство, издевательства над обнаженной душой человека.

«Человеческая личность — самая большая драгоценность!» — скажет Этель Лилиан устами Джеммы. Несправедливо, когда одному человеку дано право карать и миловать других. Да и бесконтрольная власть так развращает самих властителей.

Бесконтрольная, неограниченная власть охраняет себя войском и тюрьмами.

Тюрьма — могила для живых. Но и в тюрьме Овод — герой!

Этель Лилиан расскажет о высшей доблести Овода. Она — не в боях, не в открытой схватке. Она расскажет о наивысшем его подвиге, безымянном, неизвестном...

Конечно, доблесть итальянских борцов за свободу была прежде всего в непрекращающихся стычках, схватках, но Этель Лилиан расскажет о том мужестве, которое казалось ей наивысшим, о той доблести, когда боец не успевал вступить в бой, а уже оказывался во власти врага.

В самом деле, в открытом выступлении с оружием в руках каждый чувствует поддержку соратников, и в то же время совершённый подвиг находит мгновенный отклик, увлекает последователей; падающий боец видит идущих на смену, видит тех, кто подбирает знамя и несет его дальше вперед. В тюрьме же, в поединке с жандармами, боец окружен только врагами, лишен вдохновляющего сочувствия, подвиг его остается невидимым и неизвестным, никто из друзей и не узнает о нем. Но истинный революционер даже в этих условиях, не ожидая никакой награды, остается верен себе!

Вот подлинное величие мученика и героя, героя-борца, а не смиренного, которого вот уже две тысячи лет христианская религия провозглашает спасителем человечества. Якобы своей кротостью, своими муками Христос купил избавление человека от страданий. Какая наглая ложь! Ведь если бы века назад Христос искупил своей казнью избавление человека от горестей, то не было бы сегодня всех этих казней!

Нет, не Христос, а революционер добудет людям счастье. В сердцах людей не Христос, а революционер дол-

жен быть примером. Революционер выше, могущественнее Христа. Революционер — это ведь сам человек, а Христос — только выдумка, те плечи, на которые слабые перелагают свои обязанности.

«Ваш бог — обманщик! — скажет Овод. — Не верьте его ранам, не верьте, что он страдал, это все ложь, это мертвый мир идолов, от него веет тленом».

«Уйдите от чумной заразы церкви, — скажет Овод своему отцу, скажет всем, кто заблуждается, — я уведу вас в светлый мир. Мы — жизнь и молодость, мы — вечная весна, мы — будущее человечества! Заря близка...»

...Никаких сделок с религией, никаких компромиссов! От священника Овод не примет милости.

«Выбирайте: Христос или я? Если вы с ним, то не со мной!» — скажет Овод отцу. И малодушный Монтанелли предложит Оводу спасти его потихоньку, втайне, но Овод не согласится. И ему суждено умереть.

«Ваш бог голоден, и его надо накормить», — скажет Овод.

И, когда Овод будет умирать и к его лицу священник поднесет распятие и Овод отведет его простреленной рукой, на лице Христа, на его губах останется кровавый след. Да, поистине кровожадна Христова вера.

И Овод умирает. Но, умирая, становится бессмертным.

После его смерти его идеи побеждают: Монтанелли отрекается от своей веры, от Христа и от пустых небес, а друзья Овода получают его письмо. Живы его идеи, звучит его голос. Он жив, наш Овод!

Глава XLV

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

Она писала и зачеркивала. Снова писала. Она расскажет о друзьях и врагах Овода. Расскажет о человеке, которого Овод любил и с которым боролся, — о кардинале Лоренцо Монтанелли. Он как будто бы добр и человечен, этот священник. Но служение религии сделало его подлым, трусливым и лицемерным. По его вине погибла его возлюбленная — мать Артура, по его вине погибает и

Артур. Но даже и своей вере он не верен — предав своих близких, он предает и бога.

Так даже хороший человек, служа религии, становится дурным!

Этель Лилиан расскажет и о других врагах и друзьях Овода. Прежде всего — о его соратниках. Расскажет, как они мужественны и скромны, как они сурово-нежны в дружбе и беспощадны в борьбе. Расскажет о милой, умной Джемме. Ей кажется, что Джемма очень похожа на ее подругу — милую, спокойную Шарлотту Вильсон.

...Джемма будет в юности одеваться в черное. Англичанка Джемма будет писать шифром, переправлять нелегальную литературу. Англичанка Джемма будет бороться за свободу чужой страны — Италии, как другие англичанки борются за свободу чужой страны — России.

...Джемма тоже в детстве любила стихи Вильяма Блейка. Вместе с Артуром они учили наизусть его строки:

В мышление — жизни сила,
Дыхание и свет,
Без мысли — мрак могилы
И жизни вовсе нет...

Счастливой мошкой
Летаю,
Живу ли я
Иль умираю...

Эти стихи вспомнил и Артур в последнюю ночь перед казнью. Он вспомнил и детскую книжку про веселую рыбку, и детские косички Джеммы, и как они понимали друг друга еще детьми — вспомнил детство. Так перед последним шагом вспоминают свои первые шаги.

...Да, он остался верен мечтам своей юности.

В эту ночь он напишет той, которую любил:

«...я совершенно счастлив и спокоен... я выйду завтра во двор с радостным сердцем, как школьник, который спешит домой на каникулы...»

«Я так спокойно и весело жду приближающегося момента небытия», — писал народоволец Александр Михайлов.

Она писала и зачеркивала. Искала те единственные, нужные слова. Снова писала. Писала не отрываясь, целыми днями, не замечая, как наступал вечер и проходила ночь. Над острыми крышами старых домов в узеньких улочках вставало солнце. Прекрасен рассвет на ярком итальянском небе, прекрасен он и на низком небе Петербурга, прекрасен он и на хмурых небесах Лондона...

Так же прекрасен был рассвет в то далекое утро.

Ей кажется, что она сама видела, как красно-желтые лучи осветили тюремный двор и стены, увитые плющом, как они сверкнули на позументах мундира полковника, блеснули на ярко начищенных стволах карабинов, озарили зеленую траву, срезанную острым заступом, согрели коричневую влажную землю, засияли на распятии, которое держал в руках священник.

Она видит, как хмурые лица отворачиваются от солнца. Навстречу его лучам улыбается только один человек в белой рубашке. Он прекрасен.

Он дышит полной грудью, любит солнце, он с наслаждением вдыхает запах свежескопанной земли.

Это — земля из его могилы. Сейчас его убьют.

Он шутит и смеется. Он смотрит по сторонам, улыбаясь своей самой веселой улыбкой.

Солдаты с карабинами в руках едва сдерживают слезы. Они должны убить этого человека, который, как солнечный луч, озарил их жизнь...

А он спокоен и счастлив. Свою долю работы он совершил. Его убивают, потому что боятся. Он уверен, что его идеи, его друзья победят. Он недаром прожил свою жизнь.

И недаром он умирает.

Сейчас его убьют. Бессильно опустятся руки, и выпадет из них знамя освобождения людей. Но тень его поднимет это знамя. Замолкнет голос его, но заговорят кровавые раны на груди его. И бодрость и отвага воодушевят друзей его, а ужас и смятение охватят врагов его...

Смерть его, запечатленная художником, даст ему бессмертие.

...Да, так же вот, на рассвете, погибали борцы за свободу. И в России, и в Польше, в Италии, в Венгрии, во Франции, в Америке. Но идеи их бессмертны. Во всем мире не прекращается великая битва за свободу человека.

И сражается в этой битве — человек. И победит в этой битве — человек.

Роман уже был почти закончен. Но она снова и снова переделывала, переписывала и целые главы, и отдельные фразы. Особенно трудно давалось ей самое начало, однако она чувствовала, что книга «недурно выходит».

Глава XLVI

СНОВА В ЛОНДОНЕ

В конце лета Лилия Григорьевна вернулась в Лондон, и снова тревоги обрушились на нее.

Все усилия Лилии Григорьевны по транспортировке нелегальной литературы через галицийскую границу пропали даром: денежная катастрофа поглотила все, что собрал для этой цели Михаил Войнич. Пропали и ее маленькие сбережения. Им самим просто нечего было есть. Но никакие лишения не пугали Лилию Григорьевну — она с детства привыкла к нужде. Страшило ее состояние здоровья мужа — он страдал острым нервным расстройством и резким малокровием. Невозможность осуществить свои планы по перевозке литературы крайне угнетала его.

...Из России приходили отрадные вести. Крепло и ширилось рабочее движение, особенно в больших городах — Петербурге, Москве, Екатеринославе, Нижнем Новгороде.

Сергей Михайлович, как всегда, был полон энергии. «Подпольная Россия», переведенная им самим на русский язык и изданная Фондом вольной русской прессы, проникала на родину, и он получал множество восторженных отзывов. Отрывок из «Андрея Кожухова» был напечатан на русском языке в Женеве.

Средства прибывали. Вскоре вместо крохотных летучих листков Фонда, которые они издавали время от времени, можно будет издавать настоящую газету. Плеханов обещал сотрудничать в новой газете. Степняка не удовлетворяли узкий круг читателей и малый масштаб работы вокруг «Свободной России». Друзья правы — надо расширять поле деятельности. Он был очень занят.

В ноябре Лилия Григорьевна пришла на очередное заседание Исполнительного комитета «Общества друзей русской свободы».

Сергей Михайлович жадно расспрашивал Лили о ее книге. Очень хотел прочитать. Но у Лили был только один экземпляр рукописи, над которым она все еще продолжала работать, хотя Вильфрид считал роман уже вполне законченным. Чтоб заказать переписчику изготовить второй экземпляр, денег не было. А Лили очень хотелось знать мнение Сергея Михайловича. Может быть, на днях она все-таки отдаст ему рукопись...

Только что вышел из печати сборник «Русский юмор», над которым они столько потрудились вдвоем. Отзывы печати были благоприятны.

Лили редко видалась теперь с Сергеем Михайловичем. Тем радостнее были их нечастые встречи.

Лили все прихварывала.

Однажды Сергей Михайлович пришел навестить ее и пришел не один, а вместе с веселой, живой, говорливой девочкой. Степняк представил Лили свою новую приятельницу:

— Маруся Нагель¹.

Это была дочка одного народовольца. Замешанный в студенческих беспорядках, Людвиг Нагель должен был уехать из Москвы и эмигрировал из России. Несколько лет он прожил в Париже. Теперь по делам приехал в Лондон с дочкой. Пока он налаживал свою жизнь, Сергей Михайлович и Фанни Марковна взяли девочку к себе — они так любили детей.

Хотя Марусе исполнилось только пять лет, это была вполне самостоятельная особа. Она не мешала взрослым беседовать между собой и важно играла с пушистым котом Лилии Григорьевны. У Фанни Марковны тоже есть котик и даже еще собака, — они все время дерутся и с ними очень весело, но такого большого пушистого кота Маруся еще никогда не видала.

Сергей Михайлович рассказывал о своих планах, о

---

¹ Маруся — Мария Людвиговна Нагель. С конца 90-х годов дом ее отца стал местом сборищ русских эмигрантов в Лондоне. Попал в этот дом и молодой матрос Алексей Новиков, бежавший из России. Маруся Нагель вышла замуж за этого матроса, ставшего потом известным писателем А. С. Новиковым-Прибоем.

новой газете. На днях выйдет его новая книга — «Царь-дурбан и царь-цапля», посвященная характеристике современного положения России. Опять пришлось писать по-английски. А ему так хочется писать по-русски, и не политические книги, а романы, повести...

С особым нетерпением ждет он той минуты, когда сможет прочитать роман Лили.

Пусть Лили бережет себя — она кажется такой бледной и слабой. Да, не у всех такое железное здоровье, как у него. Друзья часто говорят ему, что он проживет сто лет.

— Не сто, а полтора, — смеется Сергей Михайлович. — Сто без лекарств, а пятьдесят еще дотяну при содействии разных снадобий.

Сейчас ему только сорок четыре — сколько еще впереди!

Глава XLVII

ГИБЕЛЬ ДРУГА

С начала декабря Лили слегла. Она ничем не была больна. Просто не было сил. Казалось, все ее силы, ее кровь, ее дыхание перешли в созданную ею книгу.

Целыми днями лежала она в постели без движения, без мысли, почти в оцепенении. Друзья оберегали ее от волнения, да, казалось, ничто и не могло взволновать ее.

Но однажды днем Вильфрид вбежал в ее комнату. Лили никогда не видала его в таком отчаянии.

— Сергей умер. Он попал под поезд, — сказал он по-русски.

Сергей умер.

Ее дорогой, любимый, мужественный, самоотверженный Сергей Михайлович умер.

Он хотел жить сто лет. Он ушел от царской виселицы, от пули итальянского карабина, и вот теперь, когда после стольких усилий осуществлялась его мечта — издавать вольную русскую газету, заговорить наконец полным голосом, он погиб. А сколько незавершенных работ — начатый роман, повесть... И он больше и не был на родине, которую так любил.

Нелепо, ужасно...

Вильфрид разузнал горькие подробности.

Редакция будущей газеты собралась на квартире Феликса Волховского. Все были уже в сборе. Не хватало только Степняка. Обычно Сергей Михайлович не опаздывал — он жил недалеко и ходил пешком, точно рассчитывал время.

Наконец кто-то пришел и сообщил ужасную новость.

Прохожие видели, как он шел, глубоко задумавшись. Ему надо было пересечь небольшую железнодорожную ветку, проходившую в черте города. Погруженный в свои мысли, он не слышал шума приближающегося паровоза. Когда машинист из-за поворота заметил его, было уже поздно.

Это произошло в понедельник 23 декабря 1895 года.

На следующий день почти все английские газеты поместили извещения о трагической гибели Степняка.

В их квартиру, где, казалось, еще звучал его добрый голос, почтальоны приносили сотни писем и телеграмм. Фанни Марковна прочитывала их, все еще не веря случившемуся.

Вот телеграмма из Женевы: «От лица всех моих товарищей прошу выразить наше живейшее сожаление у гроба нашего мужественного Степняка, память которого будет всегда дорога русским социал-демократам. Плеханов».

Вот письмо от Луизы Мишель, героини Парижской коммуны, старой приятельницы Степняка.

Письма, телеграммы из Лондона, из Америки, из Парижа... Сколько у него друзей во всем мире! Но ни одного слова из России: его самые близкие друзья — в казематах, на каторге, ни из одного города России нельзя послать телеграммы с выражением сочувствия... Ведь Степняк — государственный преступник... Да и узнают ли там о его смерти?..

Вот письмо от Мэри Буль, матери Лили: «Только что узнали о вашей потере, нашей потере, потере всех, кто его знал». Мэри Буль звала Фанни Марковну жить к себе.

Хоронили С. М. Степняка-Кравчинского в субботу, 28 декабря.

Перед вокзалом Ватерлоо прошла многотысячная демонстрация.

С мутно-серого неба непрерывно падали мелкие капли дождя.

Промокшие, озябшие, тесными рядами шли английские, французские, немецкие, итальянские, русские пролетарии, собравшиеся из мрачных предместий Лондона. Они шли с красными знаменами, выражая свою горячую любовь погибшему русскому революционеру, который сражался и за их свободу. Шли литераторы, артисты, политические деятели.

С невысокой кирпичной стенки вокзала выступали с последним словом его соратники и друзья: английский социалист поэт Вильям Моррис, итальянский революционер Энрико Малатеста, немецкий социалист Эдуард Бернштейн, русский революционер Петр Кропоткин, дочь Маркса — Элеонора.

Последним выступал видный деятель английского рабочего движения Джон Бернс. Он сказал: «Степняк соединял в себе сердце льва и добродушие ребенка... Я знал его как доброго друга угнетенных всех стран».

Гроб Сергея Михайловича уже совсем исчез под грудой венков, присланных социалистическими организациями, студенческими группами, друзьями...

Глава XLVIII

ПЕРВЫЕ ШАГИ «ОВОДА»

После смерти Степняка все разладилось, его друзья будто осиротели. Никто не мог заменить его. Задуманная им газета так и не вышла. Разгорелись мелкие склоки, которые часто возникали в эмигрантской среде. Раньше одного присутствия Сергея Михайловича было достаточно, чтоб утихомиривать страсти.

Лилия Григорьевна с грустью уходила от своих прежних соратников. Да, без Сергея Михайловича все было по-другому...

Много времени и сил отнимала судьба рукописи «Овода». После долгих поисков наконец удалось найти издателя, который согласился напечатать ее роман. Книга должна была выйти летом 1897 года одновременно в Лондоне и в Нью-Йорке. Но в это время как раз

Англия отмечала юбилей королевы Виктории, которая уже шестьдесят лет носила корону Великобритании. Издатель полагал, что выход книги неизвестного автора в такое время останется незамеченным, и решил английское издание романа выпустить осенью. Так и получилось, что роман «Овод» сначала вышел в Нью-Йорке.

Сколько волнений! Так долго идут письма за океан и обратно! Так долго странствуют корректурные листы! Этель Лилиан тщательно исправляет все опечатки, но типография оставляет их неисправленными.

Наконец в июне 1897 года Э.-Л. Войнич получила из Нью-Йорка свою книгу.

Первый полученный экземпляр «Овода» она разре-зала маленьким перочинным ножичком с перламутровым черенком, который ее муж привез еще из Сибири...

Наконец...

Почти восемь лет прошло с того дня, как после возвращения из России по настояниям Степняка, в саду Шарлотты Вильсон Лили написала первые строки своей книги об Оводе...

Как бы порадовался за нее Сергей Михайлович!..

Наконец...

Лилия Григорьевна мечтает, чтоб ее книга скорее появилась в России.

Еще задолго до выхода американского издания «Овода» Лилия Григорьевна говорила об этом с русскими друзьями — Николаем Максимовичем Минским и Зинаидой Афанасьевной Венгеровой, прося их содействия в издании романа на русском языке. Николай Максимович обещал ей договориться с каким-либо петербургским журналом, и вот теперь один из первых экземпляров романа Лилия Григорьевна послала Минскому во Францию, где он проводил лето вместе с Зинаидой Афанасьевной.

Николай Максимович вскоре договорился с редактором журнала «Мир божий», выходящего в Петербурге, и сообщил об этом Лилии Григорьевне.

Он сам с интересом прочитал книгу и писал ей о своем впечатлении.

Лилия Григорьевна с удивлением читала его письмо. Неужели он ничего не понял? Как странно! Ему пока-

залось, что весь роман проникнут религиозной тенденцией. Американская печать гораздо лучше поняла истинный смысл ее произведения. Ей прислали из Нью-Йорка газетные и журнальные вырезки с первыми рецензиями на «Овода». Хотя большинство критиков отмечало литературные достоинства романа и мастерство автора, они все единодушно поднимали крик о возмутительном и ужасающем характере романа. Одна большая газета даже предостерегала читателей, что страницы романа «Овод» наполнены «кощунством и богохульством».

Как странно, что именно Минский, автор «Последней исповеди», не понял ее романа! Правда, последнее время он совсем впал в мистицизм, пишет такие туманные статьи и стихи. Но спасибо ему и за то, что он так старается помочь ей в опубликовании русского перевода «Овода».

И что это за журнал — «Мир божий», который он предлагает? Если судить по названию, то, может быть, это какой-то церковный, клерикальный журнал? Неужели такой журнал согласится напечатать ее роман? Кто его редактор? Кто сотрудники? И потом, она видела в какой-то статье журнала «Русская мысль», что «Мир божий» — издание для юношества, но она считает, что ее роман вовсе не предназначен для подростков.

Обо всех своих недоумениях Лилия Григорьевна написала Минскому — просто и прямо, как всегда. Просила, чтоб и Зинаида Афанасьевна прочитала книгу, — ей хотелось знать и ее мнение.

Все недоумения вскоре разрешились.

«Мир божий» был одним из самых прогрессивных русских журналов того времени. Сначала он действительно был задуман как журнал для юношества, но уже с прошлого года программа его значительно расширилась, и он стал вполне «взрослым» журналом. Редактором его значился известный общественный деятель и педагог В. П. Острогорский. Сотрудничали в нем представители легального марксизма, печаталась в нем и старая знакомая Лилии Григорьевны — Мария Константиновна Цебрикова, которая, отбыв срок ссылки, снова вернулась к литературной деятельности.

Конечно, ничего клерикального в этом журнале не было.

Все это успокоило Лилию Григорьевну.

Более того: Зинаиде Афанасьевне «Овод» очень понравился. Она восхищалась смелостью автора, резкостью ее вызова английскому ханжеству и лицемерию. Ей казалось, что Лилия Григорьевна продолжает традиции Диккенса, но если тот всегда заканчивал свои произведения торжеством добродетели, то в книге Лилии Григорьевны она находила полное отсутствие внутреннего примирения с самодовольной английской буржуазностью. Ей нравился благородный замысел всего романа, его мятежность, нравился ярко и драматически нарисованный образ главного героя, в котором пламенная ненависть к врагам народа соединяется с безграничной любовью к угнетенным. Она сама полюбила этого Овода — беспощадного и сильного, нежного и несчастного.

Зинаида Афанасьевна одобряла и то, что книга очень занимательна. Она сама хочет перевести ее на русский язык. Если Лилия Григорьевна не возражает, то она сразу же возьмется за работу, чтоб русский перевод начал печататься в «Мире божьем» с самого начала следующего, 1898 года.

Конечно, с точки зрения высокой эстетики, по мнению Зинаиды Афанасьевны, в романе есть один очень существенный недостаток — это то, что автор слишком увлечен своими симпатиями и антипатиями и не скрывает их от читателя, но ведь это в характере самой Лилии Григорьевны, и тут уж ничего не поделаешь...

Лилия Григорьевна с радостью согласилась на предложение Венгеровой, и об этом сообщили в редакцию «Мира божьего».

В декабрьской книжке журнала за 1897 год при перечислении того, что будет напечатано в будущем году, появилось сообщение о романе «Овод», причем было помечено: перевод с английского З. А. Венгеровой.

По странной небрежности имя автора указано не было.

Так впервые русский читатель узнал об «Оводе»...

А между тем в сентябре вышло лондонское издание «Овода». Роман вызвал шум в литературных кругах. Редактор солидного журнала «Двухнедельное обозрение» В. Куртни поместил там большую статью об «Оводе». Он

же написал об «Оводе» и в одной из самых распространенных английских газет — в «Дэйли Телеграф».

Из Америки приходили благоприятные вести. Хотя буржуазная печать продолжала ужасаться «Оводом», книгу читали, и издатель с выгодой для себя выпустил уже два дополнительных тиража.

Не остался в убытке и лондонский издатель — в три месяца английское издание «Овода» все разошлось, и в декабре пришлось выпустить новое издание. Через три месяца — в марте 1898 года — вышло третье издание, в июле — четвертое.

Заинтересовались «Оводом» и театральные деятели. Они сразу отметили, что благодаря драматичности повествования и остроте конфликта, благодаря отсутствию излишних психологических длиннот и динамичности сюжета этот роман очень хорошо подходит для сцены.

В самом начале 1898 года Э.-Л. Войнич обратилась к своему старому другу, весьма авторитетному в этой области, — Джорджу Бернаруду Шоу. Она знала, что Шоу очень занят, и просила только его совета. Но Шоу очень горячо отозвался на ее просьбу и предложил сам помочь ей в инсценировке романа.

Они вспоминали вместе Сергея Михайловича, и Шоу снова дразнил ее, называя «нигилисткой».

Инсценировка «Овода» была скоро закончена. Опытный драматург, столько воевавший с театральными дельцами, Бернард Шоу позаботился и о юридической стороне — как вернее охранить авторские права Этель Лилиан Войнич.

Спектакль был готов очень скоро.

31 марта 1898 года в Лондоне в «Виктория-Холле» состоялась премьера «Овода». Спектакль был поставлен в виде драматической оперы.

К этому времени Михаил Войнич совсем отошел от революционной деятельности. Он стал разыскивать для продажи старинные книги, рукописи. Он без устали ездил по старым монастырям Франции, Италии и Испании, рылся в старинных книгохранилищах, в пыльных архивах. И этому делу, как всегда, отдавался с увлечением. Ему везло — он набрел на несколько очень ценных находок, среди которых была подлинная карта Магеллана.

Но здоровье мужа очень беспокоило Этель Лилиан — он часто и тяжело болел. По совету врачей они провели несколько месяцев на юге Франции, затем уехали в Италию. Жили во Флоренции. В той Флоренции, где она писала свою первую книгу.

Взгляд Этель Лилиан стал еще более пристальным, линия рта еще тверже. На фотографии, снятой во Флоренции летом 1898 года, ясно запечатлелись черты ее облика.

Глава XLIX

«ДЖЕК РЕЙМОНД»

Лилия Григорьевна задумала новую книгу. Успех «Овода» придал ей уверенности, но работала она по-прежнему медленно, целиком погружаясь в воссоздаваемую ею действительность.

В этой книге она также с ненавистью обрушится на церковь и ее лживых лицемерных служителей. Конечно, она вовсе не собирается скрывать ни свои симпатии, ни антипатии. Для чего же тогда писать, как не для того, чтобы бороться с тем, что ненавидишь, и превозносить то, что любишь!

Детские впечатления с особой силой воскресли в ней... Вот он как живой стоит перед ней — ее дядя, изувер и садист, истязавший ребенка якобы во имя исправления его греховной природы и прикрывающий свои злодеяния именем бога. Какую трагедию переживает впечатлительный ребенок, попавший в руки такого служителя господня! Она никогда не могла забыть обвинение в краже куска сахара и истязателя-дядю.

Этель Лилиан Войнич начала писать книгу о мальчике Джеке Реймонде. Она уже хорошо его знала и горячо полюбила. Вместе с маленькой сестренкой он остался круглым сиротой, и дядя-священник взял их на воспитание. Мальчишка был отчаянный озорник и изводил всю округу своими проказами. Но он был прямодушен и верен в дружбе. Предводительствуя оравой сорванцов в набегах на фруктовые сады, Джек в случае опасности всегда уходил последним. Старшие мальчишки воспользовались его простотой и взвалили на него вину за их

раскрытые взрослыми уже весьма гнусные проделки. Священник решил добиться от Джека признания во что бы то ни стало. Он чуть не убил племянника, но искалеченный мальчик так и не «сознался» в том, чего не совершал. Это была тяжелая, недетская драма подростка, преследуемого мрачным изувером-садистом. Священник так хорошо знал греховность своей природы, что был убежден в порочности всех людей и не допускал даже мысли о чистоте и невинности мальчика.

В это самое время, затравленный дядей, преследуемый со всех сторон, Джек испытал огромную радость. Отпустив на волю маленького дрозда, мальчик как бы приобщился всем своим существом к прекрасной и величественной природе, ощутил великое благо свободы и счастье дарить ее другому. Все вокруг, казалось, раскрыло Джеку свои добрые тайны, краски приобрели невиданную им доселе яркость, он понял творческое счастье доброты и радость единства с природой и понял, что дяде, этому мрачному служителю церкви и ее суровых, бесчеловечных канонов, служителю мертвой буквы, недоступна эта радость жизни.

Глубокая, яростная ненависть разделила эти два существа. Это был непримиримый конфликт двух мировоззрений.

Джек поступил в закрытый пансион для мальчиков. Все люди казались ему врагами, ему никто не верил, его никто не понимал. И Джек упорно и мрачно занимался физическими упражнениями, чтобы стать сильным, чтобы дать отпор всякому, кто посмеет поднять на него руку, посягнуть на его свободу.

Это был конфликт чистой души с господствующим лицемерием, та же трагедия, которая потрясла и переломила жизнь Артура Бертон, ставшего Оводом...

И какое это было мучительное и дорогое, ни с чем не сравнимое счастье — найти человека, который понял его без слов, поверил ему с первого взгляда!

Эта маленькая болезненная женщина была не англичанка. Елена Мирская была полька. Ее муж, польский революционер, погиб на царской каторге в Сибири, и она приехала сюда, в Англию, чтоб дать образование сыну. (Она отдала его в тот же пансион, где был Джек.) Елена Мирская мечтала воспитать из своего сына борца на

смену его погибшему отцу, вырастить продолжателя его дела.

Она все поняла без слов, эта женщина, научившаяся понимать людей и их нечеловеческие трагедии там, далеко, в Сибири. Она знала, что есть такие обнаженные раны, которых нельзя касаться. Она все поняла и усыновила Джека.

Бесчеловечность английского священника и высокий гуманизм атеистки — вдовы польского революционера, — какой разительный контраст!

Но, помимо ее личных страданий в прошлом, тяжелая драма терзала сердце Елены и теперь. Ее сын, ее обожаемый Теодор, на которого она возлагала все свои надежды, хрупкий, нежный мальчик, оказался талантливым музыкантом. Только в музыке было его счастье, и бедная мать, коря себя поминутно за малодушие, не нашла в себе силы отнять у сына это счастье и принести его в жертву борьбе за свободу. Тео стал музыкантом. Он был счастлив сам и дарил высокое счастье людям своей чудесной игрой на скрипке. В его руках скрипка становилась волшебной, и, слушая его игру, люди становились чище и лучше.

Но приемный сын ее, Джек, стал сыном ее мечты. Этот суровый и закаленный с детства юноша, казалось, рожден был борцом. Джек Реймонд стал детским врачом — страдания детей, тех, кто острее всех, больше всех в этом мире страдает от несправедливости, жестокости и лицемерия, были особенно близки сердцу Джека. Он лечил детей в самых бедных, нищих кварталах Лондона.

Вот о чем будет ее книга.

И о том, что борьба никогда не прекратится. На смену павшим борцам всегда придут новые, как бы жестока ни была борьба...

Перед смертью Елена Мирская говорит об этом своим детям, вдохновенно импровизируя сказание о цветах крокуса, о сражающихся воинах.

В АМЕРИКЕ И В РОССИИ

В самый разгар работы над «Джеком Реймондом» Этель Лилиан узнала, что в Нью-Йорке также готовится театральная постановка «Овода». Премьера была назначена на сентябрь 1899 года.

Этель Лилиан решила отправиться за океан, чтобы лично присутствовать на репетициях. Летом 1899 года она прибыла в Америку.

Писательница сразу убедилась в популярности своего романа. Его читали как странную, занимательную, эффектную книгу. Вся печать отмечала оригинальность романа «Овод», его поразительную силу воздействия на читателя.

«Очень свежо и оригинально... Самая потрясающая книга нашего времени», — писал критик «Нью-Йорк Геральда».

«История огромной силы и большого интереса... множество драматических эпизодов и захватывающих ситуаций», — сообщала своим читателям газета «Бостон Таймс».

«Совершенно особенная книга, носящая печать подлинной оригинальности», — характеризовал «Овода» рецензент «Спрингфилдского республиканца».

Но, боже, во что превратил ее «Овода» инсценировщик!

Действительно, от всего романа осталась одна «оригинальность ситуаций»!

Этель Лилиан просто не узнала своего произведения в этой слащавой мелодраме. А представитель постановщика, мистера Робсона, попросил ее внести еще побольше пикантности в любовные сцены!

Сначала она пробовала объяснить этим театральным дельцам истинное содержание своего романа, но это было бесполезно.

Тогда Этель Лилиан Войнич стала категорически протестовать против постановки этой пьесы в таком виде.

Ее просто не пустили на репетиции.

Этель Лилиан увидела спектакль только на премьере. Это было непереносимое зрелище. Даже благонамерен-

ный театральный обозреватель газеты «Нью-Йорк Геральд» писал после премьеры: «Пьеса так же относится к роману, как гомеопатические дозы мышьяка к настоящему яду».

Возмущенная Этель Лилиан решила отказаться от пьесы и послала в газету «Нью-Йорк Таймс» гневное письмо. Оно было напечатано 19 сентября 1899 года.

«Я не могу допустить, чтоб мое имя было связано с безграмотной мелодрамой, — писала Этель Лилиан Войнич, — не могу получать за нее гонорар. Поведение мистера Робсона непростительно».

С горьким чувством возвращалась писательница на родину. Эти театральные дельцы сознательно исказили ее замысел! Отбросили весь социальный смысл ее произведения, весь его героический пафос, всю его антирелигиозную направленность!..

Дома ее ожидали хорошие вести.

Из России сообщали, что «Овод» восторженно принят русскими читателями. Книжки журнала «Мир божий», где он напечатан, идут нарасхват. Скоро выйдет отдельное издание романа. Издатель М. Терентьев печатает его довольно солидным тиражом — три тысячи экземпляров. К сожалению, тех пропусков в самых сильных антирелигиозных местах, которые пришлось сделать по требованию цензуры в журнале, нельзя будет восстановить и в отдельной книге. Но читатели и так все отлично понимают, хотя для пушей безопасности на титульном листе книги стоит: «Роман из итальянской жизни 30-х годов».

Лилия Григорьевна может быть довольна тем, как в России приняли первое ее произведение.

В 1901 году «Джек Реймонд» вышел из печати в Лондоне и одновременно в Америке. Э.-Л. Войнич становилась уже известной писательницей, хотя многие рецензенты не знали, что она женщина, и в своих статьях называли ее «мистером».

Но по-прежнему о ее творчестве не было ни одной серьезной статьи. Только в английском справочнике «Кто есть кто?», где публиковались сведения обо всех известных людях, о ней было помещено две строчки...

В России сразу же обратили внимание и на новый ее роман. Один из самых влиятельных и передовых журналов, выходивший под редакцией В. Г. Короленко,

ОВОДЪ.

(GADFLY).

Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ.

М-съ Е. ВОЙНИЧЪ.

Переводъ съ англійскаго.

З. ВЕНГЕРОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Недеждинская, 43).
1898.

*Титульный листъ перваго изданія романа «Оводъ» на русскомъ языкѣ,
вышедшаго приложеніемъ къ журналу «Миръ божій» за 1898 годъ.*

«Русское богатство», опубликовал перевод «Джека Реймонда».

А сама Этель Лириан работала уже над третьей книгой.

Глава LI

«ОЛИВИЯ ЛЭТАМ»

Впечатления о той незабываемой яркой полосе ее жизни, когда она была в России, мучительно стараясь понять, что же давало силу русским людям бороться с всемогущим самодержавием, не потускнели в ней. Она и сейчас не могла до конца понять эту огромную политическую трагедию, когда революционное чувство созрело раньше, чем революционная мысль, раньше, чем созрел тот класс, который только и мог сокрушить колосс царизма. Она не могла до конца разобраться в этих жадных исканиях правильного пути, в бесконечных спорах и попытках. Но ощущение героического порыва, соединенного с ясным сознанием неизбежной обреченности, этот пафос самопожертвования и железный лязг цепей наступающей реакции, когда на всю страну, казалось, были надеты кандалы, — все эти впечатления не теряли своей яркости.

В ней жила мучительная жалость к погибшим, глубокий леденящий ужас перед страшной участью погребенных заживо.

Уже пятнадцать лет прошло с того незабываемого 1887 года, когда она приехала в Россию.

Уже двадцать лет, осеней, зим и весен сидит в заключении в шлиссельбургской могиле друг Сергея Михайловича — Николай Морозов, почти двадцать — Вера Николаевна Фигнер...

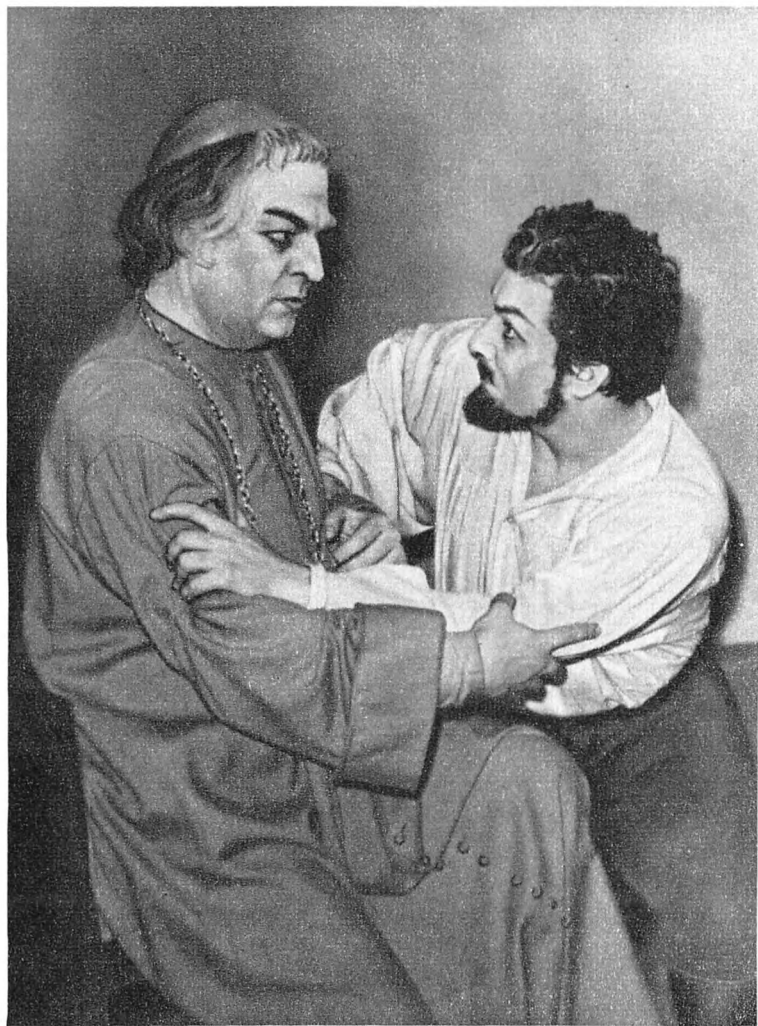
А сколько умерло, сошло с ума, потеряло от этой нечеловеческой пытки облик человеческий!

Погребены заживо!..

И все так же бьют куранты Петропавловской крепости, восхваляя господа...

Сколько событий потрясло человечество за этот срок!

Электричество вошло в жизнь городов всего мира. Открыт радий, изобретено радио. Всю Францию разделило

— Идемте с нами! — зовет Артур своего отца.
Сцена из оперы «Овод» А. Спадавеккиа в театре им. Станиславского
и Немировича-Данченко в Москве.

11 мая 1959 года, в день 95-летия Э.-Л. Войнич, артисты балета Большого театра, гастролировавшие в Нью-Йорке, пришли поздравить любимую писательницу. На фотографии (справа налево): Э.-Л. Войнич, Е. Максимова, С. Звягина, Я. Сех.

на два лагеря ложное обвинение офицера французского штаба еврея Альфреда Дрейфуса в государственной измене. Тяжелая недостойная война с бурами опозорила Англию. В самой России вздымается грозный вал народного гнева, создана и крепнет российская социал-демократическая рабочая партия.

А для них часы жизни остановились!

Да, бездушная самодержавная бесконтрольная власть все может: и отнять жизнь человека, и остановить ход часов его жизни. Только одного она не может — отнять у сильного человека его идеи.

Но слабого, ослабевшего она может превратить в подлеца...

Бедная Пашета умерла в Красноярске. А ее муж, Василий Андреевич Караулов, бывший народоволец, которому она, Лили, носила передачи на Шпалерную, изменил революции. На коленях он пресмыкался перед царскими министрами и вымолил себе прощение, отрекшись от своего прошлого.

Да, верность своим идеям — самый великий подвиг человеческого духа.

В России книгоиздатель Н. Глаголев готовит второе издание «Овода».

Лилия Григорьевна надеется, как никогда она полна надежд!

Она напишет книжку об английской девушке, которой душно в темном мирке мещанского благополучия, где люди так легко поддаются обстоятельствам и могут только вздыхать о погибших мечтах своей юности в свободные вечера после сытного ужина.

Она хорошо знает эту суровую, впечатлительную, но сдержанную девушку. Святость человеческой личности для нее выше всего (как для Джеммы!). Право человека на свободу, на самостоятельность и неприкосновенность его внутреннего мира кажется ей высшим благом. Эта девушка, конечно, не верит в бога. Только люди высоких идей, без компромиссов действующие в силу своих убеждений, верные своим убеждениям до конца, — только такие люди имеют для нее цену.

Оливия Лэтам — так зовут эту девушку — горячо любит русского. Он прекрасен. Львиная грива рано поседевших волос, высокий лоб — у него голова Люцифера. Но

дело, конечно, не во внешности. Это настоящий человек. Он революционер. В Англии таких, как он, называют нигилистами. Он отдал свою жизнь борьбе за освобождение родины. Оливия любит его. Но Владимир — его зовут Владимир Дамаров — тяжело болен, у него чахотка, которую он получил в тюрьме.

У Владимира сложная, трагическая судьба. В юности он любил девушку, сестру своего старшего друга и учителя, польского революционера Карола Славинского, Ванду. Ванда тоже была участницей этой борьбы и погибла. Участь женщины в заключении гораздо мучительнее участи мужчины. А если она еще молода и хороша собой, она не может избежать самых гнусных оскорблений. Ванда покончила с собой в тюрьме... Карол искалечен на каторге.

Жизнь самого Владимира еще теплится. Но самое страшное то, что Владимир видит тщетность своих усилий. Народу он ничем не помог и остался ему чуждым, как был, а самодержавие сильно, как прежде. Но Владимир ни о чем не жалеет. Да, он и его товарищи потерпели неудачу, они были недостаточно сильны и страна еще не была готова к борьбе. Да, они погибнут, но лучше потерпеть неудачу, чем вовсе не пытаться. Владимир верит, что те, кто придет после, будут иметь успех. Он вместе с Каролом знает, что их свет не гаснет.

Да, Владимир ни о чем не жалеет.

А ему есть о чем жалеть. С детства в нем проявился талант художника. Он мечтал учиться, мечтал рисовать, лепить, творить. И он бросил все это, видя, что для голодного, забитого народа искусство — не более чем «барские затеи». Он отдал свою жизнь делу революции. Но жажда творчества живет в нем неистребимо. Когда в бреду горячки он теряет сознание, его слабые пальцы двигаются на постели, формируя воображаемую глину.

Ему есть о чем жалеть. Он любит детей, любит природу во всех ее красках, любит чудесные народные песни, любит великую русскую литературу.

Ему есть о чем жалеть. Он любит прекрасную девушку Оливию, и он любим ею. Они познакомились, когда Владимир ездил в Англию копировать чертежи новых моделей станков и машин, зарабатывая этим себе на жизнь.

И вот Оливия приехала к нему в Петербург ухаживать за ним, когда он заболел. Оливия — уже опытная сиделка, с солидным стажем. Там, на родине, она покинула спокойную жизнь в состоятельной семье и мужественно работала на эпидемиях в самых нищих районах, в самых бедных больницах. Оливия ходила на митинги английских социалистов. Оливия видела и знает нищету, безработицу и пороки городов конституционной монархии Англии, но она не знает, что такое политическое бесправие гражданина Российской империи и что такое наглая сила бесконтрольной власти кованого сапога царского самодержавия.

И вот в России Оливия узнала все это. Оливия увидела азиатскую роскошь дворцов и тягостную нищету русской деревни. Она ходила по крестьянским избам, оказывая врачебную помощь тем, кому лучше было бы не жить... (Так ходила когда-то по избам Лили Буль!)

Оливия увидела погибший талант своего жениха, его горькое сознание своего бессилия и обреченности. Но она услышала, как он рассказывал детям чудесную сказку о Зеленой гусенице и волшебной Стране Завтрашнего Дня, в которой все гусеницы превращаются в бабочек! (Лили запомнила слово в слово, как рассказывал эту сказку Николай Андреевич Караулов.)

И Оливия на себе самой испытала тяжесть кованого сапога полицейского самодержавия.

Ее Владимира, ее дорогого возлюбленного, арестовали. Больного выволокли из постели и увезли.

Куда?

И вот ходит Оливия из одного парадного подъезда в другой. Ждет часами в холодных белых коридорах. Ее гоняют из одного здания в другое, ей нагло улыбаются в высоких холодных кабинетах. Белые стены и наглые лица. Сколько оскорблений ей пришлось вынести самой и видеть, как оскорбляют других!

Тяжкое, запуганное горе осиротевших женщин и детей.

До конца ее жизни, до самого последнего часа, ад будет представляться Оливии лабиринтом белых коридоров и улыбающихся лиц.

Ее оскорбляют, над нею издеваются, но что это значит по сравнению с теми оскорблениями, с теми страданиями,

которые приходится переносить заключенным русским женщинам! Эти наглые волосатые жесткие чужие мужские руки, которые обшаривают тебя с ног до головы, которые бьют тебя в лицо и в грудь, эти свинцовые мерзостные сальные глаза, эта безвестная разлука с детьми и родными, эта полная беспомощность перед дверью, запертой навсегда, это безумие от лишения сна неделями и месяцами, этот леденящий лязг железных засовов, эти остановленные часы жизни, эта намыленная веревка вокруг худенькой шеи...

Окольными путями (чего не сделаешь в России окольными путями!) Оливия узнала, что Владимир в Петропавловской крепости. Часами ходит Оливия по Дворцовой набережной, не сводя глаз с крепости. Ночью два немигающих фонаря на воротах крепости, как два волчьих глаза, смотрят с того берега Невы в немигающие, остановившиеся глаза Оливии.

«Коль славен наш господь в Сионе» — сладко играют куранты, и звуки эти разносятся над дворцами, над казематами.

Вот она, эта могила, где хоронят живых людей. Погребенные заживо...

«Коль славен наш господь в Сионе» — играют куранты.

Через друзей Оливия узнала, что Владимир умер в крепости. Его уже похоронили.

И тут безумие овладело трезвой, мужественной Оливией.

А вдруг его похоронили живым? Ведь это может быть. Если хоронят заживо в крепости, то могли похоронить живым и на кладбище!

И долгие недели и месяцы, уже вернувшись домой, в Англию, Оливия слышит голос своего жениха, погребенного под мерзлой землей на окраине Петербурга...

Медленно, очень медленно возвращается Оливия к жизни. Великий ужас и страшное горе отдалили ее от всех людей. Но забота о друзьях Владимира, помощь его соратникам, вынужденным эмигрировать из России и живущим в Лондоне, участие в их деятельности дает ей силы восстановить рассудок. Оливия ухаживает за больными, работает в редакции эмигрантской газеты, которую нелегально переправляют в Россию, и мало-помалу

она начинает понимать, в чем состояло дело жизни ее погибшего возлюбленного.

Сам Владимир не мог объяснить Оливии, сколько она ни допытывалась. Однажды он сказал ей, что они не могут понять друг друга, так как видят во сне не одних и тех же свиней. И в ответ на ее недоумение рассказал ей:

«Видишь ли, в книге одного великого нашего писателя говорится об одном русском, который, будучи за границей, однажды разбудил весь дом своим криком: ему снилась свинья. Квартирная хозяйка спокойно объяснила ему, что ее жильцы часто видят такие сны: неподалеку от дома находится бойня и свиньи хрюкают по ночам. «Ах, сударыня, — возразил русский, — тут большая разница: когда француз видит во сне свинью, то это обыкновенная свинья, которую могут есть люди. Когда нас, русских, мучит кошмар, мы обыкновенно видим свинью, которая ест людей»...

Этель Лилиан кажется очень убедительным этот пример, который приводит в своей книге «За рубежом» ее любимый писатель М. Е. Салтыков-Щедрин.

Действительно, трудно англичанке понять русского. Уж слишком различны условия их жизни...

Как олицетворение отвратительного иезуитского жандарма стоит перед нею офицер, арестовавший Владимира. Она назовет его — Мадейский. Но настоящее его имя Белановский. Это тот мерзавец, который истязал Вильфрида, — Этель Лилиан не может забыть его.

Но при всех своих испытаниях, во время самых тяжелых своих страданий Оливия постоянно чувствует поддержку дружеской руки. Это друг Владимира — Карол, который «совратил» в революцию когда-то молодого еще Владимира. Этот человек прошел через ад царской каторги. Его отец был казнен, мать умерла в тюрьме. Этому человеку надо было преодолеть дедовский завет бороться против всех русских и понять, что совместно с русским народом надо бороться общими силами против их общего врага — царского самодержавия...

Он все понимает без слов, этот мужественный и суровый Карол. Он спасает Оливию от безумия и возвращает ее к жизни. Они работают вместе и соеди-

пляют свои судьбы. Оливия уже не вернется в мир корысти и расчета, лицемерия и компромиссов, в мир темного мещанского благополучия. Она нашла цель жизни и уверенно смотрит вперед, не боясь лишений и страданий. Она уже знает, что истинный подвиг не требует награды...

В этой книге Этель Лилиан описала свои впечатления о России: семью Карауловых изобразила под видом семьи Дамаровых, Сережа помог создать ей образ мальчика Кости, а его бабушка выведена в книге под именем тети Сони. То, что Лили испытала в нищей деревне, в холодном Петербурге, то, что она узнала в томительные часы ожидания в тюремной приемной, все ее мучительные тревоги и старания понять этих людей, приносящих в жертву идею свою жизнь, вложила она в эту книгу.

Эпиграфом к роману Этель Лилиан взяла стихи своего любимого немецкого поэта Генриха Гейне:

Былые злые песни
Про темную судьбу
Давайте похороним
В большом-большом гробу.

Как всегда, в ее произведениях — трагический конфликт разрешался бодрой верой в будущее.

Роман «Оливия Лэтам» вышел в Лондоне и Америке в 1904 году. Это было время русско-японской войны, и роман о России привлек большое внимание публики.

В самой России назревали грозные события. Этель Лилиан с волнением следила за нарастанием революционного подъема на родине Степняка. Наступал 1905 год.

Многое изменилось в России. Были выпущены на волю узники Шлиссельбурга. Восторженно встречали в России и за границей старых народовольцев. Почти четверть века просидел в заключении друг Степняка — Николай Морозов, больше двадцати лет — героическая Вера Фигнер. С изумлением читала молодежь их воспоминания — ничто не сломило ветеранов русской революции: пройдя нечеловеческие муки, похороненные заживо, они остались верны мечтам своей юности!

Это было время небывалого подъема и расцвета переродившей русской культуры.

Тогда же, в 1905 году, книгоиздатель Н. Глаголев

издал «Овода» огромным для того времени тиражом — десять тысяч экземпляров! Но даже в эту либеральную пору нельзя было восстановить цензурные купюры.

В 1906 году в журнале «Русское богатство» был опубликован роман Э.-Л. Войнич «Оливия Лэтам».

Эра либеральных реформ очень скоро закончилась в России, наступала реакция, но революционные годы нельзя было сбросить со счетов русской истории. Революция, уйдя в подполье, разрасталась.

Глава III

«ПРЕРВАННАЯ ДРУЖБА»

Все эти годы Этель Лилиан не расставалась с Оводом. Ее герой, такой причудливый и такой живой, был ее постоянным спутником. Для нее Овод не умер. Она все время думала о нем и мало-помалу настоятельная потребность снова писать об Оводе овладела ею. Конечно, нельзя было воскресить его и описывать его дальнейшие подвиги — он уже совершил свой великий подвиг, отдав жизнь за свободу, — но можно было описать тот период жизни Овода, который был пропущен ею, — описать годы его скитаний в изгнании в Южной Америке, его возвращение в Европу, его участие в восстании 1843 года, возглавляемом братьями Муратори, тринадцать лет его разлуки с Джеммой.

Что с ним было за эти годы? Как из мечтательного Артура Бертонна он превратился в железного Феличе Ривареса, в Овода?

Но с годами образ Овода неуловимо изменился для самой Этель Лилиан. Уже не его борьба за свободу привлекала ее главным образом, а его личные переживания, его борьба за неприкосновенность внутреннего мира человека.

На первом плане оказалось его мучительное недоверие к людям. Если самый любимый и благородный человек, которого он знал, — этот добродетельный правверный католик Лоренцо Монтанелли — оказался обманщиком, то кому же верить? И Риварес не верит никому.

Мучительно горька жизнь одинокого человека, отвер-

женного от общества. Ни голод, ни холод, никакие физические страдания не могут сравниться с отчаянием и муками одиночества. Он действительно несчастен, этот озлобленный, замкнутый человек, в каждом встречном подозревающий врага и предателя.

А между тем жизнь сталкивает Ривареса с прямым и честным человеком — молодым французским ученым, который привязывается к нему всем сердцем. Рене Мартель просто влюблен в Ривареса. Это он, повинувшись внезапно вспыхнувшей симпатии, нанял голодного и больного Ривареса в переводчики. Они вместе работают в географической экспедиции по обследованию внутренних областей Южной Америки. Риварес оказывает неоценимые услуги экспедиции. Рискуя жизнью, он мужественно спасает всех ее участников от неминуемой гибели. Рискуя жизнью, он спасает жизнь и Рене Мартелю.

По возвращении в Европу Рене вводит Ривареса в свой дом, знакомит со своей обожаемой сестрой — образованной девушкой, обладающей беспощадным критическим умом, яростной атеисткой. Трагедия всей их семьи состоит в том, что Маргарита неизлечимо больна и прикована к постели.

Душа Ривареса, горячо любимого Рене и Маргаритой, начинает отогреваться, он готов уже поверить в их искренность, их преданность и стать их другом, довериться им. Но в это самое время неловкие слова Маргариты, которая робко предлагает ему свою любовь, вновь погружают его в мрачное отчаяние.

Маргарита, любя Ривареса, пристально наблюдая его, пытаясь понять его, сама догадалась о постигшей его в юности трагедии, а Риварес решил, что это Рене рассказал ей его тайну, услышанную во время бреда.

И вновь проклял людей и отвергнутого им бога несчастный Риварес, и налаженная уже было дружба распалась.

Одно неосторожное слово — и израненная душа снова надевает защитную маску.

Второй роман об Оводе так и будет называться — «Прерванная дружба».

В этом романе будет рассказано и о приключениях экспедиции в джунглях тропических лесов, и о встрече Ривареса с самим Джузеппе Мадзини, и об участии

Ривареса в восстании итальянских патриотов в 1843 году, и о мучительных приступах его загадочной болезни, которую он так мужественно переносит, и о его попытке повидать любимого отца, хотя бы издали, и многое другое.

В романе будут приведены стихи Ривареса о любви к Италии.

В романе будет правдиво и реалистически описана история семьи Мартелей и ярко обрисованы фигуры ее членов — и тех, кто верит в бога, и тех, кто к нему равнодушен, и тех, кто его яростно ненавидит.

Только одного — того Овода-героя, того бессмертного борца, который был создан пятнадцать лет назад, — в этом романе читатели уже не нашли.

История о том, как мечтательный Артур превратился в железного Ривареса, осталась нерассказанной.

Уже давно отошла Этель Лилиан от революционной деятельности, не было рядом ее старшего друга, Степняка, порвались ее связи с русскими революционерами...

Роман «Прерванная дружба» был опубликован в Лондоне в 1910 году.

К этому времени роман «Овод» в одной только Англии выдержал одиннадцать изданий. Он был переведен также на немецкий, польский, датский, латышский, голландский языки.

В России, кроме перевода З. А. Венгеровой, было сделано еще три перевода. Всего вышло уже семь изданий.

Глава LIII

ШЕВЧЕНКО И ЛЕРМОНТОВ

Все эти годы Этель Лилиан не прекращала своей работы по переводам русской литературы на английский язык.

Много времени и сил отняла у нее работа над переводом «Песни про купца Калашникова». Ей так хотелось передать певучесть стихов Лермонтова и народность слога этой поэмы!

Уже около двадцати лет трудилась Этель Лилиан над переводами стихотворений Шевченко, но все не решалась

опубликовать их. Ей казалось, что она не может передать их чудесную музыкальность. Этель Лилиан восхищалась творениями украинского поэта, считала, что для «страны Днепра» Тарас Шевченко так же значителен, как Роберт Бернс для Шотландии. Творчество Шевченко совершенно неизвестно было в Англии, неизвестна была и его трагическая судьба.

К пятидесятилетию со дня смерти Шевченко, в 1911 году, в Лондоне вышла маленькая книжечка в серой обложке. Она носила скромное название: «Шесть лирических стихотворений Тараса Шевченко, с украинского перевод Э.-Л. Войнич».

Этель Лилиан включила в книжку небольшой очерк о жизни и творчестве Шевченко, написанный ею. В заключении называла его лирику бессмертной...

В книжечку также вошел перевод и «Песни про купца Калашникова».

Это была очень трудная работа. Этель Лилиан старалась передать и стиль и настроение этих произведений, само музыкальное звучание стиха.

Глава LIV

ОРАТОРИЯ «ВАВИЛОН»

Музыка, звуковые образы все более и более овладевали ее воображением.

Впечатления о России, потеряв свою рельефность, превращались в гневные аккорды. Эти музыкальные образы преследовали Этель Лилиан постоянно. Она слышала звучание мощного оркестра и хор возмущенных голосов. Ей казалось, что эта музыка и должна определиться как оркестровая и хоровая. Но это было еще очень туманное представление, она не могла найти для этой музыки слов. Этель Лилиан записывала фрагменты этих гневных аккордов. Они так глубоко звучали в ней, что ей казалось: а вдруг это только невольные перепевы музыкальных произведений, уже слышанных ею когда-то?..

Этель Лилиан играла на рояле написанную ею музыку друзьям, спрашивая их, не знакома ли она им. Друзья

SIX LYRICS

FROM THE RUTHENIAN OF
TARÁS SHEVCHÉNKO

ALSO

THE SONG OF THE MERCHANT
KALÁSHNIKOV

FROM THE RUSSIAN OF
MIKHAÍL LÉRMONTOV

RENDERED INTO ENGLISH VERSE
WITH A BIOGRAPHICAL SKETCH

BY

E. L. VOYNICH

LONDON

ELKIN MATHEWS, VIGO STREET

MCMXI

В 1911 году, к пятидесятилетию со дня смерти Т. Шевченко, в Лондоне вышла книга «Шесть стихотворений Тараса Шевченко, с украинского, а также песня про купца Калашникова Михаила Лермонтова, с русского, переведенные Э.-Л. Войнич».

находили, что это вполне оригинальная музыка, более того — что это превосходная музыка.

Один из друзей назвал эти фрагменты «призрачная музыка». Этель Лилиан вновь и вновь возвращалась к этим фрагментам. Но они все же оставались фрагментами. Она не могла соединить их в одно целое.

Однажды рано утром, в марте 1917 года, Этель Лилиан, взяв газету, увидела крупный заголовок: «Отречение царя от престола».

Наконец революция в России совершилась! То, о чем мечтали, за что боролись ее друзья, произошло!

И сразу же ее «призрачная музыка» облеклась в звучные, торжественные слова. Они раздавались в ее мозгу, как набат колокола. Это были с детства знакомые ей строки из библии. Ее воодушевляли гневные слова, обличавшие пороки блудного города Вавилона. И вот эти-то как раз слова и подошли к ее музыке, сливались с нею, придавали этой музыке еще более высокое звучание. Этель Лилиан сразу решила, что это будет оратория. Оратория о Вавилоне.

Этель Лилиан работала над ораторией о Вавилоне, посвященной свержению самодержавия в России, много лет и закончила ее только в 1948 году. Она считала, что эта оратория — самое значительное из того, что она создала в жизни.

Впечатления о Петербурге, об этой цитадели самодержавия, о городе, созданном усилиями русских крестьян и мастеровых, построенном буквально на костях, о городе дворцов и казематов также оживали в ней скорбными звуками.

Наиболее подходящими для этой музыки показались ей слова стихотворения М. А. Дмитриева «Подводный город», которое она читала еще давно.

Начиналось стихотворение описанием стонущего моря. На берегу мальчик помогает рыбаку ставить сети и спрашивает у него, почему море так стонет. И старый рыбак рассказывает мальчику:

Тут был город всем привольный
И над всеми господин;
Нынче шпиль от колокольни
Виден из моря один,

Город, слышно, был богатый
И нарядный, как жених;
Для себя копил он золото,
А с сумой пускал других.

И морские волны затопили город

Все за то, что прочих братьев
Брат богатый позабыл,
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал — ел и пил.

Оттого порою стонет
Моря темного волна;
Чуть пологий берег тронет,
С стоном прочь бежит она!

Этель Лилиан перевела это стихотворение на английский язык, сохранив размер подлинника, и положила его на музыку. Кантату можно было исполнять и на английском и на русском языках.

Но не только русские впечатления питали музыкальное творчество Этель Лилиан.

С пристальным вниманием следила она и за героической борьбой ирландского народа, отстаивающего свою независимость от английского владычества.

В годы первой мировой войны эта борьба чрезвычайно обострилась. Весною 1916 года ирландские патриоты подняли восстание. Столица Ирландии — город Дублин был в руках восставших. Они провозгласили республику, избрали президента. Но английские войска подавили восстание с неслыханной жестокостью. Дублин был затоплен реками крови. В течение двух недель все руководители восстания были казнены. Вождь восставших, Коннолли, был тяжело ранен в боях. Его расстреляли лежащего...

Дело одного из ирландских патриотов, Роджера Дэвида Кезмента, было выделено. Ему предъявили обвинение в государственной измене. Английское правительство пыталось доказать его изменническую связь с Германией. Хотя это установить не удалось, суд вынес Кезменту смертный приговор. Во всей Европе люди

доброй воли выступили в защиту приговоренного и требовали помилования Кезмента.

Ничего не помогло.

Третьего августа 1916 года ирландский патриот Роджер Дэвид Кезмент был повешен.

Это уже не так далеко — в Петербурге или в Сибири. Это здесь, совсем рядом, в гуманной христианнейшей Англии. В Лондоне, в том же городе, где живет она сама, британская подданная Этель Лилиан Войнич!

Гневом и скорбью, тяжелым горем звучала для Этель Лилиан память о Роджере Дэвиде Кезменте.

Этель Лилиан долго искала слова, которые могли выразить ее чувства. Но музыка звучала неотступно.

Наконец слова были найдены.

Это была горькая и ироническая «Эпитафия в форме баллады» средневекового французского поэта Франсуа Вийона.

К этой поре дело Вильфрида Войнича расширилось. Он открыл отделения в Париже, Варшаве, Флоренции, Нью-Йорке. Однако в Европе, разоренной войной, книжная торговля приходила в упадок.

В 1920 году Вильфрид Войнич решил переехать в Америку. Во время мировой войны Этель Лилиан долго и тяжело болела — сдало ее столько испытавшее сердце. Как только она стала себя чувствовать лучше, они переехали в Соединенные Штаты и поселились в Нью-Йорке.

Вскоре же после переезда в Америку они познакомились с одной молодой девушкой, помогли ей учиться, встать на ноги. Анна Нилл стала служить в книжной фирме Вильфрида Войнича. С тех пор Анна стала верным и преданным другом их семьи.

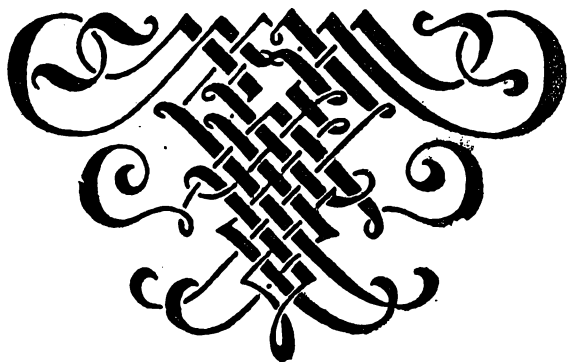
Этель Лилиан много работала. Завершала свои музыкальные произведения, задуманные так давно. Начинала новые. Преподавала музыку. Переводила на английский язык письма ее любимого польского композитора Фредерика Шопена.

Шли годы. Уже давно умерли Кропоткин, Засулич, Плеханов... Неподалеку от Лондона еще жила больная Фанни Марковна. В Париже, будучи советскими подданными, работали Минский и Венгерова...

В марте 1930 года умер спутник ее жизни — Михаил

*****

CHOPIN'S LETTERS

Collected by HENRYK OPIEŃSKI
Translated from the original Polish and French
with a Preface and Editorial notes by
E. L. VOYNICH

NEW YORK · ALFRED · A · KNOFF · MCMXXXI

*****

Титульный лист книги «Письма Шопена, собранные Хенриком Опиенским, переведенные с польского и французского, с предисловием и примечаниями Э.-Л. Войнич», вышедшей в Нью-Йорке в 1931 году.

Вильфрид Войнич. Они прожили вместе тридцать восемь лет.

Закончив ораторию «Вавилон», Этель Лилиан посвятила ее памяти мужа.

Она осталась совсем одна, ей уже шестьдесят шесть лет. Анна Нилл переехала к ней, и с тех пор они стали жить вместе и больше уже не расставались.

Шли годы. Подходила старость. Но Этель Лилиан была полна сил и энергии. Сердце перестало беспокоить ее. Она неутомимо занималась музыкой, консультировала преемников дела Вильфрида Войнича. Из новых ее знакомых мало кто знал, что она писательница. Книги ее не переиздавались и были забыты и на родине, в Англии, и в Америке, где она жила.

Поглощенная музыкой, живя только звуками, Этель Лилиан считала, что музыка это и есть основное дело ее жизни. На свое литературное творчество она смотрела как на подготовительную стадию к музыкальному творчеству.

Оратория «Вавилон», думала она, — вот единственно ценное, что ей суждено было создать в жизни...

Глава LV

ПРАБАБУШКА ОВОДА

Шли годы. Творческое воображение рисовало ей только звуковые образы. И лишь прекрасный и грозный Овод был неразлучно с нею.

Однажды Анне Нилл пришлось на три недели уехать в Вашингтон, чтобы поработать там в библиотеке.

Она с тревогой оставляла Этель Лилиан — или, как она ее называла по начальным буквам ее инициалов, «И-Эль-Ви», — одну, ведь ей уже около восьмидесяти лет.

Вернувшись в Нью-Йорк, Анна Нилл поразились истомленному виду своего друга. Казалось, И-Эль-Ви не спала много ночей и при крайнем изнеможении была лихорадочно возбуждена.

— Что с вами было? Вы больны? — допытывалась Анна у своего друга.

— Это Беатриса не давала мне покою. Я все время разговаривала с нею.

— С какой Беатрисой?

И-Эль-Ви рассказала Анне, что Беатриса — это та женщина, которая была прабабушкой Овода. Она жила в Англии в середине XVIII века. У нее была сложная, трагическая судьба. История предков Артура становится теперь такой ясной для И-Эль-Ви, она видит их перед собой, они говорят с нею постоянно.

Решительная Анна, успокоившись, сказала:

— Если так, значит, будет новая книга.

— О нет, я уже стара писать книги, — отвечала И-Эль-Ви.

— Если не стары разговаривать с Беатрисой, то не стары и писать о ней, — настаивала Анна.

И Этель Лилиан Войнич после тридцатилетнего перерыва снова начала писать. И снова об Оводе — о его предках.

В этой книге Этель Лилиан постарается ответить на те вопросы, которые вызывал у читателей ее первый роман. Многие люди в разное время и в разных странах расспрашивали ее об Оводе, спорили с нею, недоумевали, почему Овод действовал, думал, чувствовал так, а не иначе.

Теперь, оглядываясь назад, она ясно видела, что многие противоречия, которые озадачивали или раздражали ее читателей, возникали действительно по ее вине. Тогда, когда она писала «Овода», она была еще так неопытна, мысль ее была незрелой, она не всегда умела придать четкость своим образам. Но она ясно видела, что некоторые странности и противоречия ее героя, свойственные ему самому, его натуре, проистекали из самой душевной сути человека, как она его понимала.

Ей казалось, что она ответит на многие вопросы, рассказав о предках своего героя.

Это будет психологический роман о трагическом конфликте чистой, впечатлительной души с грубым миром чистогана, лицемерия и ханжества, об отчаянных усилиях этой души оградить свой внутренний мир, сохранить его чистоту и человечность, остаться, несмотря ни на что, верной мечтам своей юности...

Да, вот здесь, считала она, в этой Беатрисе — истоки

происхождения личности Овода, отсюда идут его мучительные противоречия с действительностью и с самим собой.

Нежная, доверчивая, любвеобильная душа — и грубый обман. Единственный способ защиты этой обнаженной, так легко ранимой души — замкнутость, скрытность, одиночество.

Этель Лилиан расскажет историю жизни Беатрисы Телфорд. Когда ее отец, владелец небольшого поместья, ослеп, Беатриса изучила латынь, чтобы помогать отцу в его трудах. Он исследовал творения греческих философов и французских энциклопедистов. Беатриса читала их произведения и также прониклась идеями гуманизма. Она привыкла жить в мире высоких помыслов и чистых страстей, преклоняясь перед умом человека и красотой его духа. Но вот отец ее умер. Пустая, легкомысленная мать, с которой у Беатрисы не было ничего общего, вскоре вышла замуж второй раз. Отчим Беатрисы оказался гнусным мерзавцем, единственной целью которого было завладеть состоянием жены и падчериц. Он тяжко оскорбил Беатрису. Девушке показалось, что ее родная мать способствовала этому мерзавцу. Все ее прежние высокие представления о мире и человечестве рухнули. Люди — это гнусные существа, это изху, которых описал Джонатан Свифт в своей бессмертной книге о Гулливере.

Беатриса пыталась покончить с собой, но у нее не хватило сил. И вот она осталась жить — без любви, без веры, без надежд, ненавидя всех людей. Она не доверится никому, никого не впустит в свой внутренний мир.

И, когда отчим, стараясь поскорее избавиться от падчерицы, выдает Беатрису замуж, ей уже все безразлично. Что ж, тем лучше, она хоть избавится от ненавистного отчима, от презираемой ею матери.

Муж Беатрисы... Что же сказать о ее муже? Человек он не злой, но примитивный и невежественный. Беатрисы он не понимает и кажется ей скорее похожим на быка, чем на человека.

Беатриса не любит и своих детей, похожих на мужа. Только к дочери, Глэдис, этой ласковой, солнечной девочке, и к младшему сыну, Бобби, которые не похожи на отца, испытывает она нежность. Но Бобби погибает на ее глазах, растерзанный быком...

Беатриса, не вынеся удара, долго и сильно болеет.

Но вскоре второе потрясение возвращает ее к жизни.

В Корнуэлле, куда она поехала с семьей, чтобы восстановить здоровье, чуть не погибли двое ее старших сыновей. Рискую жизнью, их спас от неизбежной гибели в разбушевавшемся море старый рыбак. Это был талантливый человек, настоящий самородок, но, вечно борясь с горькой нуждой, он так и остался простым рыбаком. Билл Пенвирн ненавидел бога за царящую несправедливость. У него была одна мечта. Он мечтал дать образование хотя бы сыну.

И Беатриса в благодарность за спасение ее детей, в память Бобби, взяла в свою семью на воспитание этого сына рыбака — Артура. В этом простом, неотесанном деревенском мальчике Беатриса открыла глубокую, поэтическую душу и горячо полюбила его. Артур Пенвирн стал сыном ее сердца.

В простых людях из народа — сыне рыбака, старом слуге ее брата, Повисе, — нашла Беатриса и ум, и человечность, и душевную щедрость, и независимость духа, и свободолюбие.

Какой контраст представляли они рядом с жестокими и развращенными тунеядцами — состоятельными землевладельцами!

Горькая жизнь Беатрисы приближалась к концу. Но последние дни ее были отмечены радостью — Глэдис и Артур полюбили друг друга, и, умирая, она соединила их руки.

«Сними обувь твою, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля священная», — завещала Беатриса своим любимым детям. Это была ее последняя мысль. Эти строгие слова из библии напоминали о необходимости бережного отношения друг к другу, к человеческой любви и к человеку вообще, к его внутреннему миру, к его личности, которая является самой великой драгоценностью на земле.

«Сними обувь твою...»

Эти слова стали названием романа Этель Лилиан Войнич, который она закончила в ноябре 1944 года.

В эпилоге она рассказывала, что Артур и Глэдис поженились, а их дочь стала матерью Артура — Овода.

В предисловии Э.-Л. Войнич делилась с читателем,

что такая «бумеранговая» последовательность в освещении судьбы ее героя Овода, когда она начала рассказом о его смерти, затем, описав один эпизод из его жизни, заканчивает историей его предков, ей самой непонятна. Еще по крайней мере две книги (одна — о судьбе Артура и Глэдис, ставших взрослыми, и другая — об их дочери) остались ненаписанными.

В мае 1945 года, когда Этель Лилиан Войнич исполнилось уже восемьдесят один год, ее книга «Сними обувь твою» вышла из печати.

И-Эль-Ви посвятила роман своему верному другу Анне Нилл — «в благодарность за критические замечания и ту бесценную помощь, которую она оказывала в течение многих лет, на протяжении которых эти детища моего ума были ее неподатливыми, строптивыми воспитанниками».

Глава LVI

СКОРО ЗАКАТ

Сил становилось все меньше, но творческие замыслы все еще заполняли воображение Этель Лилиан.

Она жила с Анной на семнадцатом этаже мрачного дома в бедном квартале Нью-Йорка, в маленькой квартирке. И-Эль-Ви много читала. Перечитывала Шекспира, Диккенса. Иногда играла на рояле. Работала: в трудных случаях, когда встречались неизвестные старинные книги, с нею советовалась книготорговая фирма, основанная еще Вильфридом Войничем.

Книги ее не переиздавались. Музыкальные произведения не исполнялись. Заработка Анны едва хватало на самую скромную жизнь. Анна, уходя на работу, запирает дверь. И она остается одна. Но она не одна...

Окна ее комнаты выходят на восток. С утра вся комната залита солнцем.

Она смотрит на восток и вспоминает свою долгую, долгую жизнь. Этель Буль, Лили, Булочка, Лилия Григорьевна, Этель Лилиан Войнич, И-Эль-Ви...

Она дружила с прекрасными людьми. Их уже нет, но они не ушли от нее.

С любовью берет она в руки портрет. Фотоателье

«Эллиот и Фрей», Лондон. Ее друг сидит в кресле. Его небольшие глаза с бесконечной добротой и любовью смотрят на нее.

«Оставайся верной самой себе, и ты никогда не будешь знать угрызений совести, которые составляют единственное действительное несчастье в жизни», — написал он однажды.

«Булочка!» — слышит она его высокий, мягкий голос. Перевернув фотографию, она читает надпись: «Лилии Буль на память 19 декабря 1890». Милый «опекун», дорогой Степняк...

В простенке у окна в широкой деревянной раме висит портрет итальянского юноши. На его лице след долгого, глубокого и скрытого страдания. Ее Артур...

В комнате, в передней — всюду невысокие шкафы с книгами. Верные друзья.

А вот и полка с книгами, написанными ею. Она бережно берет в руки маленькую книжечку в желтой бумажной обложке. Ее «Овод», выпущенный издательством «Универсальная библиотека», Москва, 1913 год.

Последнее издание ее романа в России. Неужели там тоже забыли ее книгу, как повсюду?..

Она смотрит на восток. Там, за океаном, — ее родина, Англия. А еще дальше — Россия...

Что ж, она старалась быть верной самой себе, она ни разу не кривила душой, ни разу честолюбие, расчет не были ее двигателями. Может быть, не всегда хватало сил и таланта... Она смотрит, как восходит солнце... Скоро закат...

Жизнь отшумела. Она пережила своих друзей, своих читателей, свою известность...

А между тем это было совсем не так!

Глава I

НЕВЕДОМАЯ СЛАВА

А между тем это было совсем не так! Книга, созданная ее сердцем, ее умом, ее трудом, в которой она воплотила идеи революционной борьбы многих стран и народов, продолжала жить. Роман «Овод» читали в России и в Китае, в ГДР и в Польше, в Болгарии и в Чехословакии, в Венгрии и в Румынии — во всех странах, идущих по пути к социализму. Каждый год выходили всё новые и новые издания этой книги, и в каждой стране становилось всё больше и больше друзей Овода.

И только никто ничего не знал об авторе «Овода».

Все читали и любили «Овода», как поют любимую песню, — не зная, кто ее создатель, и не спрашивая об этом.

И вот однажды эта всенародная любовь постучалась в двери маленькой квартиры на 24-й улице Нью-Йорка.

Советский журнал «Огонек», принесенный госпожой Фриментал, был убедительным знаком этой любви, живым ее свидетелем...

Это был поистине удивительный вечер, когда шумная, беспримерная слава, любовь миллионов далеких людей хлынула в маленькую квартирку на 24-й улице... Каким стремительным, не поддающимся ни трезвому анализу, ни самому безудержному воображению было это ошеломляющее, внезапное изменение всей жизни Войнич — прошлой и настоящей!

Слава, подлинная слава! Подлинное всенародное признание. И какого народа! Великого русского народа, первого на земном шаре вступившего на путь социализма.

Любовь, подлинная любовь! Не по приказу, не по обязанности, не в силу традиции, а каждый раз возникающая наново, из глубины сердца. Значит, Овод не умер. Значит, он жив! Он живет в сердцах. Значит, живет его верность идеям, живет его преданность убеждениям, преданность свободе, которые для него дороже жизни...

Нереальным, невообразимым, неправдоподобным казалось старой писательнице то, что она узнала в этот вечер из номера советского журнала «Огонек». Чувство огромной ответственности подавляло ее.

Она снова брала в руки маленькую книжечку в желтой обложке — «Овод» в издании «Универсальной библиотеки», Москва, 1913 год. А она-то считала это издание последним в России! А оказывается, после него были десятки изданий на многих языках народов СССР.

Не один, не десять, не сто, не тысяча, а два миллиона Оводов живут в России, два миллиона Оводов нашли своих друзей в Советском Союзе — ведь больше двух миллионов экземпляров ее книги издано в СССР!¹ И поставлены два фильма, и идут спектакли во многих театрах.

Она видит свой портрет, опубликованный в журнале «Огонек», портреты отца и мужа. Значит, ее не забыли, ее любят в той далекой стране.

А она ничего не знала. Ничего!

---

¹ К началу 1962 года всего в СССР вышло 118 изданий «Овода» общим количеством больше трех с половиной миллионов экземпляров.

Сколько ни перебирай в памяти, такого еще не было никогда, ни в древности, ни в наше время. Полное забвение на родине и огромная слава на чужой земле. Слава, неведомая для создателя произведения, которое нашло себе другую отчизну.

Неизвестная слава!

Только великие трагики древности, прославленные греки, могли бы сочинить такое, что сочинила жизнь наших дней...

«Я же говорила тебе о России, — делится Войнич с Анной. — Они не могли перестать читать мою книгу...»

Потрясенная, она долго не могла заснуть в эту ночь. Журнал «Огонек» лежал на столике возле ее постели.

Но это было только начало ее знакомства со своей славой.

Потом к Войнич пришли ее друзья — советские люди. Семья Борисовых. Русские журналисты. Журналисты из Белоруссии, с Украины. Писатели, художники, артисты, учителя...

А письма! Десятки, сотни писем! Советские люди писали автору «Овода» о своей любви. Почтальоны приносили письма мешками.

А книги! Их приносили пачку за пачкой.

Войнич рассматривала издания своего «Овода» на узбекском языке, на украинском, на татарском, на якутском, на тувинском и на десятке других языков, о которых она даже и не подозревала. Особенно привлекали ее внимание издания «Овода» на грузинском и армянском языках. Она вглядывалась в красивые узорные буквы неведомых ей очертаний. Она не знала, как произносятся эти слова, как звучит ее творение на этих языках, но она знала, что эти незнакомые ей буквы доносят ее мысли и чувства до далеких читателей.

Однажды почтальон принёс ей толстый пакет. В нем оказалась театральная афиша. Большими красными буквами было напечатано знакомое ей слово: «Овод».

Государственный театр оперы и балета в городе Перми извещал, что в честь 40-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, 8 ноября 1957 года, на сцене театра будет показана первый раз опера Антонио Спадавеккиа «Овод».

На афише были перечислены артисты, художники,

Антонио Спадавеккиа

ОВОД

Опера
в 4-х действиях, 7-ми картинах

Либретто И. Келлера
по мотивам одноименного романа
Э. Войнич

Переложение
для пения с фортепьяно

Советский композитор
Москва ~ 1961

Титульный лист издания оперы «Овод» советского композитора Антонио Спадавеккиа в переложении для пения и фортепьяно, вышедшего в Москве в 1961 году. Опера «Овод» поставлена в семнадцати городах Советского Союза, а также в Чехословакии и Болгарии.

музыканты — все участники спектакля. С волнением разглядывала Э.-Л. Войнич их имена: рядом с каждой напечатанной фамилией стоял автограф. Все участники спектакля расписались на афише.

А потом пришли фотографии спектакля, отдельных исполнителей. А потом она получила фотографию создателя оперы — композитора Антонио Спадавеккиа. Узнала, что он советский композитор, внук гарибальдийца, бежавшего некогда из Италии от преследовавших его властей и нашедшего новую родину в России...

А потом пришли афиши постановки этой оперы во Львове, в Риге, в Куйбышеве и других городах СССР.

А потом она узнала из письма Бориса Полевого, путешествовавшего по Китаю, что и в Китае идут спектакли по сюжету «Овода».

Свидетельства всемирной славы зримо вошли в жизнь Войнич.

«Вспомнили» о ней и в США. В Нью-Йорке вышло новое издание «Овода». На страницах американских газет и журналов появились статьи о ней и ее фотографии. Газеты писали как о чуде о писательнице, живущей уже десятый десяток на земле, забытой на родине и славной в Стране Советов.

...Одиннадцатого мая 1959 года Этель Лилиан Войнич исполнилось девяносто пять лет. В этот день она получила множество сердечных поздравлений — телеграмм, писем, подарков из Советского Союза.

А потом она получила сообщения о том, что в честь ее дня рождения в Москве и во многих других городах СССР состоялись торжественные вечера, по радио транслировались специальные передачи.

...Так на старости лет извела она огромное счастье, высшее счастье на земле — признание людей, любовь народов.

Так на закате ее дней пришла к ней незакатная слава.

...Но сил становилось все меньше. Утром, днем, беседа с гостями, читая, она часто засыпала на несколько минут... Потом снова пробуждалась. Читала своих любимцев — Шелли, Гейне. Читала газеты, журналы. Особенно интересовалась межпланетными сообщениями. Была твердо уверена, что жители Земли посетят иные миры. Хотела дожить до этого дня.

Общество „СССР—АНГЛИЯ“
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Тя. Дмитрия, 18

Специально

11

мая 1959 г.

ВЕЧЕР,

посвященный

АНГЛИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЕ

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН

Специально

11

мая 1959 г.

ВОЙНИЧ

(95 лет со дня рождения)

I.

НАШ ДРУГ Э. Л. ВОЙНИЧ

Доклад **Евгении ТАРАТУТА**

Рассказы о встречах с Э. Л. Войнич

П. П. БОРИСОВ

М. П. НОВИКОВА-ПРИБОЙ

В. В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Г. Н. КОТОВСКИЙ, Н. А. ОСУРОВСКИЙ, З. Б. КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

-читатели романа „Овод“

ВОСПОМИНАНИЯ РОДНЫХ

Воспоминания старых большевиков
о распространении романа „Овод“
в подпольных революционных кружках:

П. А. Б Л Я Х И Н

Н. Н. НАКОРЯКОВ

II.

„**ОВОД**“ (отрывки)

Презентует артист Московской государственной филармонии

НИКОЛАЙ ДОБРОХОТОВ

Нам я работал над оперой „Овод“

интерпретирует **АНТОНИО СПАДАВЕННИА**

Э. Л. ВОЙНИЧ НА ЗИРАНЕ (интерпретация)

В зале развернута выставка „Э. Л. Войнич“ из собрания Е. А. Таратута.

Начало в 19 час 30 мин

ВХОД СВОБОДЕН: в понедельник с 10 до 18 час., в среду и пятницу с 12 до 18 час., в четверг, субботу и воскресенье с 10 до 18 час. Станция - Ленинский район.
Входная плата в музей - 1 рубль. (издана по телефону в 1-00-49.)

11 мая 1959 года советские люди торжественно отметили день 95-летия Э.-Л. Войнич. Афиша вечера в Государственном литературном музее в Москве.

Глава II

БЕССМЕРТИЕ

...В конце июля 1960 года в газетах появилось сообщение, что вечером 28 июля 1960 года после тяжелой болезни в возрасте девяноста шести лет в Нью-Йорке скончалась Этель Лилиан Войнич.

Умерла...

А книга ее живет.

Бессмертный, неумирающий Овод входит в каждый дом, в каждое молодое сердце. Он — наш друг и соратник.

Рожденный в отблесках зарева революции, Овод неутомимо раздувает ее пламя.

Для молодых людей Овод становился и становится любимым героем, потому что они находят в нем свои черты, а в себе находят черты Овода.

Люди любят «Овода» за то, что эта книга проявляет в них их лучшие стороны, их лучшие возможности. Поэтому «Овод» — книга молодых и тех, кто до старости остается молодым.

Этель Лилиан Войнич не дожила до первого полета человека в космос. Но в сердце первого космонавта живет ее герой: роман «Овод» — одна из любимых книг Юрия Гагарина.

Вместе с Гагариным слава создателя «Овода» перешагнула земные границы.

А на Земле — в типографиях СССР, Польши, Китая, Румынии, Болгарии, Монголии — печатают всё новые и новые издания «Овода».

Школьники и студенты, рабочие и колхозники, юноши и девушки поколение за поколением читают и перечитывают книгу о герое-революционере, вдохновляются его подвигами и идут по следам Овода.

Москва

1954—1961

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

КАК МЫ ЕЕ НАШЛИ

<i>Глава I.</i> Любимая книга	3
<i>Глава II.</i> Загадки	13
<i>Глава III.</i> По разным тропам	18
<i>Глава IV.</i> Деятель революционного движения в России	21
<i>Глава V.</i> «Кто есть кто?»	26
<i>Глава VI.</i> Какое у нее лицо?	31
<i>Глава VII.</i> «Булочка»	33
<i>Глава VIII.</i> Почему Э.-Л. Войнич назвала своего героя Оводом?	39
<i>Глава IX.</i> А в это время за океаном...	45
<i>Глава X.</i> Первое знакомство	48
<i>Глава XI.</i> 17 ноября 1955 года	51
<i>Глава XII.</i> Аквамарин	54
<i>Глава XIII.</i> Русский день рождения	55
<i>Глава XIV.</i> Пакет из Нью-Йорка	57

Часть вторая

«СВОЯ АНГЛИЧАНОЧКА», ИЛИ ДОСТОВЕРНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АВТОРЕ «ОВОДА» И ЕЕ РУССКИХ ДРУЗЬЯХ

<i>Глава I.</i> Итальянские беглецы	61
<i>Глава II.</i> Отец и мать	63
<i>Глава III.</i> Только три слова	65
<i>Глава IV.</i> «Счастливой мошкой летаю...»	66
<i>Глава V.</i> Какой же путь избрать?	67
<i>Глава VI.</i> «Подпольная Россия»	69
<i>Глава VII.</i> Портрет молодого человека	72

Глава VIII. Новый друг	74
Глава IX. Кто был ее новый друг	75
Глава X. «Счастливая» корзина	80
Глава XI. Первая встреча	81
Глава XII. «Приведен в исполнение»	82
Глава XIII. Знакомство с Россней	84
Глава XIV. В Петербурге	86
Глава XV. Могила для живых	88
Глава XVI. Для рычага революции	89
Глава XVII. Говорящие тени	91
Глава XVIII. Не сотворим себе кумира...	93
Глава XIX. «Последняя исповедь»	95
Глава XX. Кто обессмертит их?	97
Глава XXI. Ольга Любатович	99
Глава XXII. Сказка о Зеленой гусенице	102
Глава XXIII. Лили ходит в тюрьму	104
Глава XXIV. Племянница декабриста	106
Глава XXV. Она запомнила этот день навсегда	108
Глава XXVI. Прощание с Россией	110
Глава XXVII. Домой	111
Глава XXVIII. Как это трудно!	112
Глава XXIX. Люди единой страсти	114
Глава XXX. Попробовать свои силы	116
Глава XXXI. Начало	119
Глава XXXII. Главная помощница	119
Глава XXXIII. Письмо к царю	121
Глава XXXIV. На всех языках	126
Глава XXXV. Михаил Вильфрид Войнич	129
Глава XXXVI. «Тюремный этюд»	133
Глава XXXVII. В работе	136
Глава XXXVIII. Новое имя	137
Глава XXXIX. Беседа с Энгельсом	140
Глава XL. Новые люди России	141
Глава XLI. «Нигилизм как он есть»	142
Глава XLII. Поездка во Львов	146
Глава XLIII. Вслед за своим героем	149
Глава XLIV. Герой и его подвиг	151
Глава XLV. Смерть и бессмертие	158
Глава XLVI. Снова Лондон	161
Глава XLVII. Гибель друга	163
Глава XLVIII. Первые шаги «Овода»	165
Глава XLIX. «Джек Реймонд»	170

<i>Глава L.</i> В Америке и в России	173
<i>Глава LI.</i> «Оливия Лэтам».	176
<i>Глава LII.</i> «Прерванная дружба»	183
<i>Глава LIII.</i> Шевченко и Лермонтов	185
<i>Глава LIV.</i> Оратория «Вавилон»	186
<i>Глава LV.</i> Прабабушка Овода	192
<i>Глава LVI.</i> Скоро закат	196

ЭПИЛОГ

<i>Глава I.</i> Неведомая слава	198
<i>Глава II.</i> Бессмертие	204

Д л я   с р е д н е г о   и   с т а р ш е г о   в о з р а с т а

Таратута Евгения Александровна

ПО СЛЕДАМ «ОВОДА»

Ответственные редакторы *Э. М. Лемперт* и *И. И. Прусаков*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *С. К. Пушкова*. Корректора *Н. М. Кожемякина* и *Т. Ф. Юдичева*.

Сдано в набор 12/IV 1962 г. Подписано к печати 22/VIII 1962 г. Формат 84×108^{1/32}—7 печ. л.—11,48 усл. печ. л. (10,56+8 вкл.=10,9 уч.-изд. л.). Тираж 65 000 экз. ТП 1962 № 651. А07155. Цена 59 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 2702.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

*В 1962 году изданы
для детей среднего возраста следующие книги,
посвященные деятелям литературы и искусства:*

Венгров Н. и Эфрос М.
ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ.

Документальная повесть. Серия «Школьная библиотека».

Дейч А.
ЛОМИКАМЕНЬ.

Повесть из жизни украинской поэтессы Леси Украинки.

Быков В.
НА РОДИНЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА.

Книга о жизни и творчестве известного американского писателя

*Эти книги вы сможете приобрести в магазинах Книготорга
и потребительской кооперации. Книги высылаются также
по почте наложенным платежом отделом «Книга—почтой»
областных, краевых и республиканских книготоргов. Можно
заказать книги и через отдел «Книга—почтой»: Москва,
Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниги № 94.*

